

БРЮС КЭМЕРОН

*Путь
домой*

Долгожданное
возвращение Брюса Кэмерона —
автора мирового бестселлера
«Жизнь и цель собаки»

Annotation

Однажды в конуре под домом Лукас Рэй находит щенка питбуля. Белла, так он называет собаку, становится для него близким другом. Милая и забавная, она по-настоящему украшает его жизнь, но неожиданно все меняется. Противники бойцовских пород решают: Белле не место в Денвере. Чтобы спасти животное от усыпления, Лукас отдает собаку друзьям. Но разве можно забыть того, кто спас тебе жизнь? Белла не забывает. Разлука с хозяином становится для нее страшным ударом. И тогда храбрая собака решается на отчаянный шаг – побег. Путь домой будет долгим, но Белла поймет самое главное – ради любимого человека можно вынести все.

- [Брюс Кэмерон](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Брюс Кэмерон
Путь домой

Глава 1

Я с самого начала знала, что рядом есть кошки.

Они были везде.

Я не могла по-настоящему их разглядеть – мои глаза уже открылись, но, когда кошки подходили близко, я различала только какие-то неясные силуэты, движущиеся в темноте. Однако я чувала их запах, ощущала его так же явственно, как запах моей матери, когда сосала ее, или как запах моих братиков и сестричек, которые шевелились, когда я протискивалась между ними, чтобы припасть к живительному источнику.

Тогда я, конечно, еще не знала, что это кошки – я понимала только, что они не такие существа, как я сама. Они жили в нашем логове, но не делали попыток сосать молоко моей мамы вместе со мной. Позднее, когда я увидела, что они маленькие, проворные и прыгучие, то поняла, что они не просто «не собаки», а животные, принадлежащие к совершенно иному племени.

Мы жили все вместе в нашем прохладном темном жилище. От сухой земли под моим носом исходили удивительные застарелые запахи. Я наслаждалась, вдыхая их, наполняя свой нос богатыми, восхитительными ароматами. Сверху, с сухого деревянного потолка, сыпалась пыль, и он нависал над нами так низко, что, когда моя мать вставала, поднявшись из утоптанного углубления в земле, которое служило нам постелью, чтобы на время покинуть меня и моих братиков и сестричек – повизгивающих в знак протеста и жмущихся друг к другу, чтобы было не так страшно – ее стоящий трубой хвост доходил до середины пространства между нами и потолочными балками. Я не знаю, куда ходила моя мать во время своих отлучек, знаю только, как нам всем было тревожно, пока она не возвращалась назад.

Единственным источником света в нашем логове была квадратная дыра в самом дальнем его конце. Через это окно в мир к нам лились ошеломительные запахи холода, сырости, чего-то живого – словом, вещей и мест, еще более упоительных, чем те, которые я могла обонять дома. Иногда даже мне удавалось увидеть через дыру огоньки машин, уезжающих в какой-то далекий мир или возвращающихся из какого-то неведомого мне места, моя мать всегда оттаскивала меня назад, когда я пыталась подползти к выходу из нашего логова.

Когда мои лапы окрепли, а зрение стало острее, я начала играть с

котятами точно так же, как играла со своими братиками и сестричками. Чаще всего я подходила к одному и тому же кошачьему семейству, обитающему в укромных уголках задней части нашего общего дома, потому что два котенка из него были со мной особенно дружелюбны, а их мать иногда лизала меня. Про себя я называла ее Мама-Кошка.

Обычно после того, как я некоторое время весело резвилась в компании котят, моя собственная мама приходила и за шкуру вытаскивала меня из кучи маленьких кисок. Потом, когда она относила меня обратно к моим братикам и сестричкам, они всегда подозрительно обнюхивали меня. По этим их реакциям я поняла, что им не нравится остающийся на моей шерсти слабый кошачий дух.

Такова была моя радостная, чудесная жизнь, и у меня не было причин думать, что она когда-нибудь изменится.

* * *

Я сонно сосала молоко моей мамы, слыша попискивание моих братиков и сестричек, сосущих вместе со мной, когда наша мама вдруг вскочила так внезапно, что мои лапы оторвались от земли, прежде чем я сообразила выпустить из зубов ее сосок.

Я сразу же почувствовала, что происходит что-то странное.

По нашему дому распространилась паника, она передавалась от одних кошек и котов к другим, пока они все не бросились в заднюю часть логова; матери-кошки одного за другим перенесли туда за шкуру всех своих котят. Мои братики и сестрички и я кинулись к нашей маме, зовя ее. Мы были напуганы, так как чувствовали ее панику.

По нашему дому заскользили пучки яркого света, от которого у меня заболели глаза. Свет исходил из дыры в стене, как и сопровождающие его непонятные звуки.

– Господи боже! Да в этом подполе целый миллион кошек!

Я понятия не имела, что производит этот шум и почему наше логово наполнилось слепящим мигающим светом. Из дыры в стене до меня донесся запах каких-то новых, совершенно не известных мне существ. Мы были в опасности, и угроза исходила от этих незнакомцев. Моя мама, шумно дыша, пригнула голову и начала отступать назад, и мы все, как могли, спотыкаясь, заковыляли за ней, тихим писком умоляя ее не оставлять нас.

– Дай мне взглянуть! О черт, как их тут много!

– Из-за них могут возникнуть проблемы?

– Да, черт возьми!

– Что ты собираешься делать?

– Нам придется вызвать сюда спеца по истреблению бродячих животных.

Я почувствовала некоторое различие между первым набором звуков и вторым, они отличались по тону и высоте, хотя я и не понимала, что они значат.

– Разве мы не можем просто потравить их сами?

– У тебя есть подходящая отравка в грузовике?

– Нет, но я могу ее достать.

Моя мама все никак не ложилась, чтобы мы вновь могли начать сосать ее молоко. Ее мышцы были напряжены, уши прижаты к голове, внимание сосредоточено на источнике странных звуков. Мне хотелось пососать ее молока и чтобы мы все снова могли чувствовать себя в безопасности.

– Если мы потравим их сами,дохлые кошки будут валяться по всему кварталу. Их тут слишком много. Если бы речь шла об одной или двух, я бы согласился, но здесь целая колония кошек.

– Ты хотел завершить снос дома к концу июня. Так что у нас не так уж много времени, чтобы избавиться от этих тварей.

– Знаю.

– Глянь-ка, там миски. Этих проклятых тварей кто-то кормит.

Пучки света опустились и сошлись вместе, образовав пылающее пятно на земле, прямо перед дырой.

– Ничего себе! Черт, куда катится мир?

– Хочешь, я попытаюсь разузнать, кто приносит им еду?

– Не-а. Когда кошек тут не будет, проблема рассосется сама собой.

Рыщущие по нашему дому пучки света скользнули по земле еще раз и погасли. Я услышала, как зашевелилась земля, и до меня донеслись явственные звуки тяжелых шагов, куда более громкие, чем бесшумная поступь кошек. Появление новых существ у дыры мало-помалу забылось, и постепенно котята возобновили свои игры, снова чувствуя себя счастливыми. Мы с моими братиками и сестричками пососали еще молока, потом я пошла проведать котятков Мамы-Кошки. Как обычно, когда проникающий в квадратную дыру дневной свет становился более тусклым, взрослые кошки и коты один за другим выходили вон, и ночью я часто слышала, как они возвращаются, и иногда чуяла запах крови, исходящий от добытых маленьких зверьков, которых они приносили своим котяткам.

Но когда охотилась моя мама, она уходила не дальше больших мисок

сухого корма, стоящих у самой дыры. Я почуяла запах этой еды в ее дыхании, запах рыбы, растений и мяса, и мне стало интересно, каково все это на вкус.

От того, что вызвало у нас панику, что бы это ни было, не осталось и следа.

* * *

Я играла с настырными котятами Мамы-Кошки, когда наш мир рухнул. На этот раз свет пришел не в виде отдельных пучков, а в виде слепящего взрыва, ярко осветившего все.

Кошки, коты и котята в ужасе разбежались. Я застыла на месте, не зная, что делать.

– Приготовьте сети, когда кошки побегут наружу, они выбегут все сразу!

С той стороны дыры послышалось:

– Мы готовы!

Вслед за источником света в дыру протиснулись трое больших существ. Это были первые люди, которых я увидела, но до этого, как я только что поняла, мне уже доводилось чують запахи людей – просто тогда я не могла себе представить, как они выглядят. Где-то в самых глубинах моего естества вспыхнула искра узнавания – я почувствовала какое-то странное влечение к ним, мне захотелось подбежать к ним, когда они на четвереньках вползали в наш дом. Но почти осязаемый страх, исходивший от обезумевших кошек, остановил меня.

– Одного поймал!

Пойманный кот зашипел и истошно мяукнул.

– Вот черт!

– Следи за ними в оба, парочка этих тварей только что удрала.

– Черт бы их подрал! – послышался голос с улицы.

Мамы уже не было рядом, и я попыталась отделить ее запах от запахов окружающих меня кошек и котят, а потом обмякла, потому что острые зубы впились в мой загривок, и Мама-Кошка потащила меня назад, в тень, туда, где в каменной стене зияла огромная трещина. Она втолкнула меня в самую глубину трещины, в маленькое тесное пространство, и положила на землю рядом со своими котятами, а потом, свернувшись, улеглась и сама. Следуя ее примеру, все котята лежали тихо-тихо. Я лежала вместе с ними в темноте и слушала, как громко переговариваются люди.

– Тут еще и помет щенят!
– Ты что, шутишь? Эй, хватай вон того!
– Кис-кис-кис, иди сюда, киска, мы тебя не обидим.
– А вон мать этих щенков.
– Она испугана до смерти. Смотри, как бы она тебя не покусала.
– Все в порядке, девочка, все в порядке. Выходи.
– Гантер ничего не говорил нам про собак.
– Он и не сказал, и что здесь такая уйма этих чертовых кошек.
– Эй, вы там, на улице, вы принимаете их в свои сети?
– Их чертовски трудно поймать! – крикнул голос с улицы.
– Иди сюда, собачка. А, черт. Осторожно! Сейчас к вам вылезет сука-мать!

– Ага, вот и она! Все, мы ее поймали! – откликнулся голос с улицы.

– Тихо, щеночек, тихо. Они такие маленькие!

– И уж как пить дать, их куда легче ловить, чем этих чертовых котов!

Мы слышали все эти звуки, не понимая, что они могут значить. К нам в трещину проникал слабый свет, но человеческие запахи к нашему укрытию не приближались. Витавший в воздухе запах кошачьего страха постепенно ослабел, и звуки снаружи стихли.

В конце концов я уснула.

* * *

Когда я проснулась, моей мамы нигде не было. Не было и моих братиков и сестричек. Углубление в земле, где мы появились на свет и где лежали, сося молоко нашей мамы, все еще пахло семьей, но, когда я, принюхиваясь, попыталась отыскать в потемках по этому запаху маму, меня охватило чувство такого одиночества и пустоты, что я заскулила и из моего горла вырвался всхлип.

Я не понимала, что произошло, но единственными кошками, которые остались в нашем доме, были Мама-Кошка и ее котята. Охваченная отчаянием, ища ответов и ощущения хоть какой-нибудь безопасности, я подошла к ней опять, писком выражая свой страх. Она уже вытащила своих котят из укрытия в стене, и все они снова собрались на квадратной тряпице, на которую я смотрела как на их дом. Мама-Кошка обнюхала меня всю своим черным носом, потом легла и свернулась вокруг меня, и я, привлеченная молочным запахом, припала к ее соску. Ощущение на моем языке было незнакомым и странным, но я жаждала тепла и пищи и была ей

за них благодарна. Несколько мгновений спустя ко мне присоединились и ее котята.

* * *

Наутро в наше логово вернулось несколько котов. Они приблизились было к Маме-Кошке, но она зашипела, предупреждая их, чтобы они не подходили ближе, и они, удалившись в свой угол, легли спать.

Позднее, когда свет, льющийся в дыру, достигнув своей наибольшей яркости, постепенно начал тускнеть, я почуяла слабый запах еще одного человека, отличный от запахов тех других. Теперь, осознав это отличие, я поняла, что этот запах мне знаком.

– Кис-кис-кис!

Мама-Кошка неожиданно поднялась со своей тряпицы. Странное внезапное ощущение холода, накрывшее нас с ее уходом, повергло всех в шок, и мы еще теснее прижались друг к другу в поисках успокоения и тепла, сгрудившись в барахтающуюся кучку из множества котят и одного щенка. Я видела, как Мама-Кошка подошла к дыре, но не вылезла из нее, а остановилась перед ней в пятне тусклого света. Коты насторожились, но не пошли вслед за ней туда, где находился человек.

– Ты осталась здесь одна? Я не знаю, что тут произошло, меня тогда не было рядом, но на земле остались следы от колес грузовиков, так что я знаю, что сюда приезжали грузовики. Они что, забрали всех остальных кошек? Человек заполз в дыру, на мгновение полностью заслонив от нас дневной свет. Это был самец – я поняла это по его запаху, хотя различие между мужчинами и женщинами мне предстояло узнать лишь позднее. Он показался мне немного крупнее, чем первые люди, которых видели мои глаза.

И вновь меня потянуло к этому особенному существу, и во мне поднялась какая-то необъяснимая тоска. Но вспомнив ужас, который я пережила накануне, я все же решила остаться вместе с моими новыми братиками и сестричками – котятами Мамы-Кошки.

– Ну ладно, киски, я вас вижу. Как же вам удалось убежать? И они к тому же унесли с собой ваши миски. Вот люди!

Послышалось шуршание, и воздух наполнился восхитительным ароматом еды.

– Я принес вам немного корма. Пойду схожу за новой миской. И принесу вам воды.

Человек, пятясь, выполз из дыры. Едва он ушел, коты ринулись вперед и стали жадно поедать корм, который он высыпал на землю.

Я поняла, что этот человек вернулся, раньше Мама-Кошки и котов, как будто они не могли распознать его запах, даже когда тот сделался сильнее. Однако, когда он вновь подошел к дыре, все коты отреагировали так же, как и прежде, со всех ног бросившись в свой угол. Только Мама-Кошка продолжала упорно стоять на своем месте. Он просунул в дыру новую миску с едой, но Мама-Кошка не подошла к ней, а просто стояла и смотрела. Я чувствовала, как она напряжена, и понимала, что она готова тут же отпрыгнуть и убежать, если он попытается схватить ее по примеру других людей.

– Вот тебе и вода. У тебя есть котята? Да, я вижу, что ты кормящая мать. Они что, забрали у тебя твоих малышей? О киска, мне так жаль. Знаешь, все эти дома скоро снесут, чтобы построить здесь многоквартирный жилищный комплекс. Так что тебе и твоей семье нельзя здесь оставаться, понимаешь?

В конце концов человек ушел, и Мама-Кошка и коты снова принялись за еду. Когда Мама-Кошка вернулась к нам, я понюхала ее рот, но, когда я лизнула ее в морду, она резко отвернулась.

Время шло, его течение знаменовалось изменениями характера света, который лился в наш дом через квадратную дыру. К нам пришло еще несколько котов, в том числе некоторые из тех, что жили с нами прежде, а также еще одна кошка, чье появление стало причиной драк между котами, за которыми я наблюдала с большим интересом. Одна пара дерущихся котов пролежала на земле, сцепившись друг с другом, так долго, что мне было понятно, что они не спят только по тому, как метались из стороны в сторону их хвосты, но это было не радостное виляние, а выражение утомления и боли. Когда они наконец расцепились, то растянулись на земле, почти касаясь друг друга носами, и принялись пугать друг друга, издавая звуки, совсем не похожие на те, которые я прежде слышала от кошек и котов. В другой драке один из котов лежал на боку, ударяя лапами того, который стоял. Тот, который стоял, бил лежавшего по голове, а тот отвечал противнику, раз за разом деря его когтями.

Почему они не могли просто встать на задние лапы и атаковать друг друга? Их поведение не только вызывало напряжение у нас всех, но и казалось мне совершенно лишеным смысла.

За исключением Мама-Кошки, я не общалась ни с кем из взрослых кошек и котов, а они вели себя так, будто меня просто не существует. Я возилась с котятами, мы боролись, залезали друг на друга или гонялись

друг за другом целый день. Иногда я рычала на них, раздраженная тем, как они играют, потому что этот способ игры казался мне каким-то не таким. Мне хотелось запрыгивать им на спинки и вцепляться зубами в их загривки, но они никак не могли уловить суть этой игры и просто обмякали, когда я опрокидывала их и прыгала на их крошечные тельца. Иногда они сворачивались вокруг моей морды или с размаху колотили по ней своими лапками с острыми коготками, нападая на меня со всех сторон.

Ночами я тосковала по своим родным братикам и сестричкам. Я тосковала по маме. У меня была семья, но я понимала, что кошки совсем не такие, как я. У меня была стая, но эта стая состояла из котят, и мне казалось, что это совсем не то. Я чувствовала себя несчастной и порой скулила от гнетущей меня тоски, и тогда Мама-Кошка облизывала меня, и мне на время становилось лучше, но все вокруг меня явно было совсем не таким, каким должно было быть.

Тот человек приходил почти каждый день и приносил еду. Всякий раз, когда я пыталась приблизиться к нему, Мама-Кошка наказывала меня, ударяя по носу, и в конце концов я усвоила правила жизни в нашем логове: мы не должны были показываться на глаза людям. Ни кошки, ни котята явно не ощущали никакого желания, чтобы их потрогал человек, мне же все сильнее и сильнее хотелось, чтобы он взял меня на руки, и мне становилось все труднее соблюдать законы нашего логова.

Когда Мама-Кошка перестала кормить нас своим молоком, нам пришлось приспособиться к той пище, которую приносил нам человек и которая состояла из вкусных сухих кусочков и иногда из диковинного сырого мяса. Когда я привыкла к своему новому рациону, оказалось, что он подходит мне куда лучше, чем молоко Мамы-Кошки, – я так долго голодала, что чувство голода стало для меня чем-то естественным, но теперь я могла есть досыта и лакать воды сколько влезет. Я ела и пила больше, чем все мои братики и сестрички – котята, вместе взятые, и была теперь заметно крупнее любого из них, хотя на них мои размеры не производили никакого впечатления, и они по-прежнему отказывались играть правильно, продолжая в основном вонзать свои коготки в мой нос.

По примеру Мамы-Кошки мы держались на расстоянии от дыры, когда ее заслонял человек, но в другое время отваживались подходить к самому ее краю, упиваясь восхитительными ароматами, доносящимися снаружи. Иногда по ночам Мама-Кошка выходила из логова, и я чувствовала, что все ее котята хотят присоединиться к ней. Меня же больше манил дневной свет, но я помнила уроки Мамы-Кошки и понимала, что она меня тут же накажет, если я забреду за пределы нашей норы.

Однажды человек, запах которого был знаком мне уже так же хорошо, как запах Мама-Кошки, подошел к дыре, издавая звуки. И я почувяла рядом с ним также и других людей.

– Они обычно держатся в задней части подпола. Их мать подходит ближе, когда я приношу еду, но она не дает мне себя погладить.

– А из подпола есть еще какой-нибудь выход, кроме этого окна? – Этот голос принадлежал другому человеческому существу с другим запахом – он принадлежал женщине. Я невольно завиляла хвостом.

– Вряд ли. Как мы будем действовать?

– У нас есть рукавицы, чтобы защитить руки, и, если вы встанете здесь с сетью, вы сможете поймать всех кошек, которых не сможем изловить мы. Сколько их там?

– Не знаю. До недавнего времени кошка, которая подходит обычно к дыре, явно выкармливала котят, но ее котята никогда не показывались из своего укрытия днем. Тут есть и несколько взрослых особей, не знаю, какого пола. Их здесь была уйма, но думаю, их всех переловили представители застройщика. Он собирается снести весь этот ряд домов и возвести на их месте жилой комплекс.

– Ему никогда не дадут разрешения на снос, пока здесь живут бездомные кошки.

– Наверное, поэтому он от них и избавился. Как вы думаете, те, кого он послал, сделали им что-то плохое?

– Ну, в общем-то, нет закона, который запрещал бы отлавливать и уничтожать кошек, обитающих в помещениях, которые находятся у тебя в собственности. То есть я хочу сказать, что его люди могли отвезти их в какой-нибудь другой приют.

– Их тут было очень много. Этот подпол так ими и кишел.

– Но знаете, я ничего не слышала о том, что в какой-то из приютов привезли много кошек. В сообществе защитников животных все друг друга знают и сообщают друг другу все новости. Если бы какой-то приют принял сразу два десятка кошек, я бы об этом узнала. Ох, вам плохо? Простите, наверное, мне не стоило вам об этом говорить.

– Обо мне не беспокойтесь. Просто я жалею, что ничего не знал, о том, что они собираются избавиться от всех обитавших здесь кошек.

– Но вы правильно сделали, что обратились к нам, Лукас. Мы найдем хороший дом для каждой из этих кисок. Ну, как вы? Готовы?

Мне наскучило слушать эти монотонные звуки, и я была целиком поглощена возней с котятами, когда почувствовала, что Мама-Кошка вся напряглась от пронзившего ее страха. Она, не мигая, уставилась на дыру, и

ее хвост задергался, а уши прижались к голове. Я посмотрела на нее с любопытством, не обращая никакого внимания на котенка, который подбежал ко мне, стукнул меня лапкой по губам и тут же отбежал прочь.

Вспыхнул ослепительный свет, и мне сразу же стал понятен ее страх. Мама-Кошка шмыгнула к задней стене, бросив своих котят. Я видела, как она беззвучно проскользнула в скрытую трещину как раз в тот миг, когда через дыру в наш дом проникли два человеческих существа. Котят растерянно засуетились, коты удрали в заднюю часть нашего логова, а я, испугавшись, отбежала в сторонку.

Луч света заскользил по стенам, потом уперся в меня, ослепив глаза.

– Смотрите! Здесь щенок!

Глава 2

– Кис-кис-кис! – Женщина ползла на коленях вперед, вытянув перед собой руки. Ткань на ее руках была пропитана запахами множества разных животных, в основном кошек.

Котята в ужасе бросились врассыпную. Но их бегство было хаотичным, они кидались то туда, то сюда, и ни один из них не побежал к трещине в стене, где, съежившись, пряталась Мама-Кошка, хотя я хорошо чужала ее запах и ощущала ее страх. Остальные взрослые обитатели нашего дома чувствовали себя не лучше, хотя большинство из них застыли на месте, в ужасе уставившись на приближающееся человеческое существо. Один кот ринулся было к дыре и зашипел, когда женщина схватила его руками в толстых рукавицах. Потом она бережно передала его в такие же покрытые тканью руки другого человеческого существа. Еще двое моих взрослых соседей прошмыгнули мимо нее и выбежали на волю.

– Вы их поймали? – громко спросила женщина.

– Только одного! – послышался ответный крик. – Второму удалось удрать.

Я знала, что должна была сделать. Я должна была пойти к моей маме. Но что-то во мне восстало против такого порыва – вместо этого меня потянуло к ползущей ко мне женщине, она меня просто заморозила. Меня влекло к ней неудержимо – и хотя меня прежде никогда не касался человек, я совершенно ясно представляла, что почувствую, когда кто-нибудь из них дотронется до меня, как будто вспомнив что-то, происходившее давным-давно. Женщина поманила меня рукой, не обращая внимания на то, что остальные взрослые коты промчались мимо нее и выскочили из дыры.

– Иди ко мне, щеночек! – И я бросилась вперед, прямо в ее объятия, радостно виляя хвостом.

– О боже, какой ты милый!

– Мы поймали еще двоих! – крикнул голос снаружи.

Я лизнула женщину в лицо, ерзая и вертясь.

– Лукас, я поймала щенка, вы можете просунуть сюда руки и взять его у меня? – Она подняла меня выше и посмотрела на мой животик. – То есть взять ее. Это девочка.

Дыру заслонило лицо мужчины, который приносил нам еду, и воздух наполнился его знакомым запахом. Он протянул ко мне руки, нежно обхватил меня ими, потом извлек из дыры, и я увидела мир. Мое сердце

забилось часто-часто, но не от ужаса, а от безграничной радости. Я по-прежнему чуяла запахи оставшихся там, в логове, котят, чувствовала их страх, и в воздухе витал сильный запах Мамы-Кошки, но сейчас мне хотелось только одного – чтобы меня держал в своих руках этот человек. Потом он поставил меня на прохладную землю и начал по ней катать, я могла, играя, прикусывать его пальцы и бросаться на него опять и опять.

– Какая ты глупышка! Такой глупый маленький щенок!

Пока мы с мужчиной играли, женщина по одному вытаскивала наружу котят и передавала двум мужчинам, которые сажали их в клетки, стоящие в кузове грузовичка. Маленькие киски мяукали от испуга, и от мольбы, звучащей в их голосках, мне стало грустно, ведь я была их большой сестричкой, но я ничем не могла им помочь. Я подумала, что наша мама скоро присоединится к ним и тогда они почувствуют себя лучше.

– Думаю, мы поймали их всех, – сказала женщина, подойдя к месту, где я играла с мужчиной. – Кроме тех, которым удалось убежать.

– Да, простите, что так вышло. Ваши люди изловили тех, которые бежали в их сторону, но от меня вам было мало толку.

– Ничего. Для этого нужна практика.

– А что будет с теми, которым удалось от нас сбежать?

– Надеюсь, они не вернуться сюда сразу, ведь рабочие скоро снесут эти дома. Женщина опустила на колени и потрепала меня по ушам. Оказаться объектом внимания сразу двух человеческих существ было самым чудесным из всего того, что когда-либо происходило в моей жизни. – Там больше не было собак. Понятия не имею, что там делала эта малышка.

– Я никогда ее прежде там не видел, – сказал мужчина. – Я всегда видел только кошек. Интересно, сколько ей недель?

– Не знаю, может быть, восемь? Она вырастет крупной, это видно уже сейчас. Вы только посмотрите на ее лапы.

– Кто она? Овчарка? Мастиф?

– Нет. То есть, я думаю, среди ее предков был и мастиф, но в ее мордочке есть что-то и от стаффордширского терьера или, может быть, от ротвейлера. Трудно сказать. Вероятно, тут намешан целый коктейль из собачьих ДНК.

– Она выглядит здоровой. Я хочу сказать, если она жила в этом подполе, – заметил мужчина. Он поднял меня с земли, и я расслабилась в его руках, а когда он поднес меня к своему лицу, я попыталась, играя, схватить зубами его нос.

– Ну хорошо, я думаю, вряд ли она там жила, – сказала женщина. – Вероятно, она попала туда, просто увязавшись за одним из котят или

взрослых котов. Кстати, когда вы последний раз видели кошку-мать?

– Несколько дней назад.

– В подполе ее не было, так что мы, должно быть, пришли в неудачное время, как раз тогда, когда она вышла на охоту. Если увидите ее, дайте мне знать, хорошо, Лукас?

– А у вас есть с собой визитка?

– Само собой.

Мужчина поставил меня на землю, потом он и женщина выпрямились. Она ему что-то отдала. Я встала на задние лапы, упершись передними в его ноги, потому что мне хотелось обнюхать эту штуку. Мне было интересно все, что делал этот мужчина, и больше всего на свете мне хотелось, чтобы он опять опустился на корточки и поиграл со мной еще.

– Одри, – сказал мужчина, глядя на какую-то маленькую штуку, которую он держал в руке.

– Если меня не будет, поговорите с любым, кто возьмет трубку. Они все знают про этот дом. Мы сразу приедем и постараемся поймать всех кошек, которые, возможно, еще вернутся сюда. Да, кстати, я навела справки и узнала, что в последнее время никто не привозил ни в какой приют Денвера большую колонию кошачьих семей. Так что, думаю, придется предположить самое худшее.

– Как человек может сотворить такое? – спросил мужчина, и в его голосе прозвучала боль. Я прыгнула на его ноги, чтобы дать ему знать, что если ему грустно, то тут рядом есть щенок, который сможет прогнать прочь все его печали.

– Не знаю. Иногда мне кажется, что я совсем не понимаю людей.

– У меня так противно на душе.

– Не изводите себя. Ведь вы не могли знать, что задумал этот застройщик. Хотя я не понимаю, почему они не могут просто взять и отвезти животных в какой-нибудь приют. Мы смогли бы пристроить некоторых кошек в хорошие руки, и нам известны места, где одичавшим кошкам ничего не грозит. Но некоторые люди просто не желают себя утруждать. – Женщина подняла меня с земли. – Ну, малышка, ты готова пойти со мной?

Я завильяла хвостом, потом повернула голову, чтобы посмотреть на мужчину. Я хотела, чтобы меня снова коснулись его руки, именно его, а не чьи-либо еще.

– Одри?

– Да?

– Я считаю этого щенка своей собакой. Ведь, по сути, это я ее нашел.

– Ах, вот как. – Она поставила меня на землю, и я подошла к мужчине и стала грызть его ботинки. – Но по нашим правилам мне нельзя просто взять и пристроить животное таким вот образом. То есть я хочу сказать, что для этого есть соответствующая процедура.

– Но если это с самого начала была моя собака, то есть, если я возьму ее к себе, это не будет считаться пристройством.

– Допустим. Послушайте, я не хочу, чтобы ситуация стала неловкой. Вы вообще-то имеете возможность завести щенка? Где вы живете?

– Здесь рядом, в одной из квартир в доме напротив. Поэтому я и обнаружил этих кошек. Я постоянно прохожу мимо и однажды просто решил начать подкармливать их.

– Вы живете один?

В настроении мужчины произошла какая-то неуловимая перемена. Я задрала голову и настороженно посмотрела на него, желая, чтобы он опять поднял меня с земли. Мне хотелось лизнуть его в лицо.

– Нет, я живу со своей матерью.

– Ах, вот оно что.

– Нет, это совсем не то, что вы подумали. Она больна. Она служила в армии, и после возвращения из Афганистана у нее развились кое-какие симптомы. Так что я одновременно учусь и работаю с Администрацией по делам ветеранов, чтобы оказывать ей необходимую помощь.

– Мне очень жаль, что ваша мать больна.

– Я прохожу курс обучения в режиме онлайн. Это подготовительный курс для поступления на медицинский факультет. Так что я много времени провожу дома, и моя мать тоже. Мы вполне можем дать этой малышке столько внимания, сколько ей нужно. И думаю, если у нас появится собака, это пойдет на пользу нам обоим. Видите ли, мама пока не может удержаться ни на какой работе.

Мужчина нагнулся и поднял меня. Наконец-то! Он держал меня на руках, а я, расслабившись, смотрела на его лицо. В моей жизни происходило что-то важное, я это чувствовала, хотя и не очень понимала суть происходящего. Похоже, логово, где я родилась и где Мама-Кошка все еще пряталась в трещине, съжившись от страха, навсегда останется позади. Теперь я буду жить с этим мужчиной, куда бы он меня ни унес. Именно этого я и хотела – быть с ним.

– А у вас раньше когда-нибудь был щенок? – спросила женщина. – С ними ведь уйма хлопот.

– Я рос в доме моей тети. У нее было два йоркширских терьера.

– Но эта девочка уже сейчас крупнее, чем любой йоркширский терьер.

Извините, Лукас, но я не могу позволить вам забрать ее. Это было бы неэтично. У нас есть целая процедура по проверке и одобрению кандидатур тех, кто желает взять животное к себе в дом, – одна из причин того, что наших питомцев так редко отдают обратно в приют, – это то, что у нас очень строгие требования к тем, кто выражает желание их взять.

– И к чему вы мне все это говорите?

– К тому, что мой ответ – нет. Я не могу позволить вам забрать ее.

Мужчина посмотрел на меня и улыбнулся.

– Ну, что малышка, ты это слышала? Они хотят забрать тебя у меня. Ты этого хочешь? Он придвинул ко мне лицо, я лизнула его, и он опять улыбнулся. – Щенок и я оба голосуем за то, чтобы она осталась со мной. Два голоса против одного, – мягко сказал он женщине.

– Ха, – ответила она.

– Я думаю, все происходит не просто так, на все есть своя причина. Была своя причина и для того, чтобы эта малышка жила под домом, прячась в подполе вместе с кошками, и думаю, эта причина состоит в том, что именно мне было предопределено найти ее.

– Извините, но существуют определенные правила.

Он кивнул.

– Всегда существуют какие-то правила, и всегда есть исключения из этих правил. И это одно из них.

Несколько мгновений они стояли молча.

– Людям когда-нибудь удастся одержать над вами верх? – спросила она наконец. – Я хочу сказать, победить вас в споре?

Мужчина моргнул.

– Ну конечно. Но только не в этом случае.

Одри покачала головой и улыбнулась.

– Ну, так и быть, ведь, как вы правильно заметили, это вы ее нашли. Вы сможете отвезти ее к ветеринару немедленно? Скажем, уже завтра? Если вы пообещаете мне это сделать, думаю, я смогу отдать ее вам... Да, вот еще что, позвольте мне дать вам кое-что – у меня тут есть несколько ошейников и поводков и немного корма для щенков.

– Ну, щенок, хочешь пойти жить ко мне?

На лице мужчины играла веселая улыбка, но в голосе прозвучало что-то такое, чего я не поняла. Кажется, его что-то беспокоило, какая-то тревожная мысль. Что бы ни должно было произойти потом, он этого опасался.

Мама-Кошка так и не вышла наружу. Я продолжала чують ее запах, пока мужчина уносил меня прочь от логова, и представляла себе, как она по-прежнему сидит в своем тесном укрытии, сжавшись от страха перед людьми. Я этого не понимала – чего их бояться? Я была уверена, что никогда еще не видела ничего изумительнее и прекраснее, чем человек, который сейчас держал меня на руках, и никогда не чувствовала ничего чудеснее, чем прикосновение его рук к моей шерстке.

Когда люди закрыли дверцу своего грузовичка, звуки мяуканья моих братиков и сестричек – котят сразу же прекратились, а потом грузовичок уехал, оставив в воздухе только слабые следы запаха моей кошачьей семьи. Я было начала гадать, когда я увижу их опять, но у меня не было времени долго размышлять над тем, что нас так странно разделили – мои братики и сестрички отправились в одну сторону, наша Мама-Кошка в другую, а я в третью. Потому что вокруг было так много новых запахов и картин, что у меня от них голова шла кругом. Когда человек принес меня в место, которое я скоро научусь считать своим домом, я почуяла запахи еды, пыли, каких-то химикатов и запах женщины. Он поставил меня на пол, и я ощутила под своими лапами приятную мягкость ковра. Когда мужчина перешел в другое место комнаты, я побежала за ним, и, когда он согнул ноги и сел, чтобы побыть рядом со мной, я прыгнула ему на колени.

Я чувствовала нарастающую в нем тревогу, это было что-то на его коже – так же напрягалась и Мама-Кошка, когда чуяла приближение людей.

– Лукас? – Это был голос женщины. Мысленно я соединила этот голос с ее запахом, наслоившимся на всех предметах, которые находились в комнате.

– Примет, мамуль.

Женщина вошла в комнату и остановилась. Я подбежала к ней, виляя хвостом. Мне хотелось облизать ее руки.

– Что это? – Ее глаза расширились, рот открылся.

– Это щенок.

Она опустилась на колени и протянула ко мне руки, и я бросилась к ним и, перевернувшись на спинку, прикусила ее пальцы.

– Лукас, я и так вижу, что это щенок. Но что он тут делает?

– Это не он, а она.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Из приюта для животных прислали людей, чтобы забрать туда

оставшихся кошек. Во всяком случае, большую их часть. Там, под домом, оказались маленькие котята, и среди них был этот щенок, – ответил Лукас.

– И ты принес ее домой, потому что...

Он подошел к нам и сел на корточки рядом с женщиной, и теперь меня касались уже два человеческих существа!

– Потому что взгляни на нее. Кто-то бросил ее на произвол судьбы, и она каким-то образом попала в тот подпол и могла умереть там от голода.

– Но ты не можешь держать у себя собаку, Лукас.

Страх, который испытывал до этого мужчина, вмиг прошел, и я смутно поняла, что теперь в нем поднимается какое-то другое чувство. Его тело напряглось еще больше, лицо стало жестким.

– Я так и знал, что ты это скажешь.

– Конечно, скажу. Мы и так едва сводим концы с концами, Лукас. А тебе известно, как дорого обходится содержание собаки? Все эти счета от ветеринара и расходы на собачий корм – очень скоро набегит весьма кругленькая сумма.

– Я прошел еще одно собеседование в Администрации по делам ветеранов, и мне сказали, что доктор Ганн непременно одобрит мою кандидатуру, ведь я теперь всех там знаю. Так что у меня будет работа и появится достаточно денег.

Его руки гладили меня, и я почувствовала, что расслабляюсь и скоро задремлю.

– Вопрос не только в деньгах. Мы с тобой уже говорили на эту тему. Я просто хочу, чтобы ты полностью сосредоточился на своем поступлении на медицинский факультет.

– Я и так много занимаюсь! – Его голос зазвучал резко, и я сразу же забыла обо всей своей усталости. – Может быть, тебя не устраивают мои оценки? Если дело в этом, давай обсудим.

– Конечно же, дело не в этом. При чем тут твои оценки? То, что ты можешь нести на своих плечах такое бремя и все равно неизменно получать четыре балла из четырех возможных – по-моему, это просто поразительно.

– Тогда в чем же дело: в том, что ты не желаешь, чтобы я завел собаку, или в том, что тебе не хочется, чтобы я принял такое важное решение сам?

Меня встревожил его тон. Я ткнулась носом в его руку, надеясь, что он поиграет со мной и забудет о том, что его расстроило.

Последовала долгая пауза.

– Ну хорошо. Знаешь, я просто все время забываю, что тебе уже двадцать четыре года. И слишком легко возвращаюсь к тем отношениям между матерью и сыном, которые у нас были всегда.

– Вот именно – были всегда. – Его голос прозвучал как-то безжизненно, почти не выражал никаких эмоций.

Последовала еще одна пауза.

– Да, если не считать большей части твоих детских лет. Ты прав, – грустно сказала она.

– Прости. Не знаю, почему я об этом вспомнил. Я не хотел тебя обидеть.

– Нет, нет, ты совершенно прав. И мы можем говорить об этом так часто, как тебе будет нужно, и я всегда буду с тобой соглашаться, потому что за свою жизнь я приняла уйму неверных решений и многие из них были связаны с тем, что я оставила тебя и уехала. Но теперь я стараюсь загладить свою вину.

– Я знаю, мамуля.

– Ты прав насчет щенка. Просто моим первым побуждением было отнестись к этому так, словно ты все еще подросток, а не взрослый мужчина. Но давай подумаем об этом вместе, Лукас. По условиям договора аренды нашей квартиры в доме нельзя держать никаких животных.

– А кто об этом узнает? Наверное, единственное преимущество того, что мы живем в квартире, которую все в нашем доме считают самой паршивой, – это то, что ее дверь выходит на улицу, а не во двор. Я стану выносить щенка на улицу на руках, и к тому времени, когда я буду ставить ее на землю, никто из нашего жилого комплекса уже не сможет определить, где я живу. Я никогда не буду выпускать ее во двор, и она все время будет на поводке. – Мужчина перевернул меня на спинку и поцеловал в животик.

– Но у тебя еще никогда не было собственной собаки. Это большая ответственность.

Мужчина ничего не ответил, а просто продолжил тыкать носом в мой животик. И тогда женщина рассмеялась, весело, беззаботно.

– Пожалуй, в чем ты совершенно не нуждаешься, так это в моих наравоучениях о том, как быть ответственным.

* * *

За следующие несколько дней я приспособилась к моей новой чудесной жизни. Женщину, как я скоро узнала, звали Мамуля, а мужчину – Лукас. – Хочешь лакомство, Белла? Лакомство?

Я смотрела на Лукаса, чувствуя, что он чего-то от меня ждет, но не понимала, чего именно. Тогда он вынул руку из кармана, дал мне

маленький кусочек мяса, и на мой язык обрушилась целая лавина восхитительных ощущений.

Лакомство! Скоро это стало моим самым любимым словом.

Я спала вместе с Лукасом среди мягких одеял, которые я немного порвала, прежде чем понять, как это его огорчает. Лежать рядом с ним было еще приятнее, чем под боком у Мамы-Кошки. Иногда я осторожно брала его пальцы в рот, когда он спал, не для того, чтобы укусить, а для нежного-нежного прикусывания, исполненного такой любви, что у меня даже начинала слегка ныть нижняя челюсть.

Он называл меня Белла. Несколько раз в день Лукас брал в руки поводок, как он называл ту штуку, которая со щелчком пристегивалась к «ошейнику». Он использовал этот поводок, чтобы тащить меня на нем в ту сторону, куда ему хотелось идти. Поначалу я ненавидела эту штуку, потому что никак не могла уразуметь, почему меня тянут за шею в одну сторону в то время, когда я чую запахи множества чудесных вещей, идущие с другой. Но потом я поняла, что когда Лукас снимает поводок с крючка рядом с дверью, это значит, что мы с ним сейчас пойдем «гулять», а мне это так нравилось! А еще я очень любила, когда мы возвращались домой и дома была Мамуля, я бежала к ней, чтобы она меня потискала, любила, когда Лукас наполнял мою миску кормом, садился, чтобы я могла поиграть с его ногами.

Еще я любила бороться с ним и то, как он сажал меня к себе на колени. Я любила его самого. Лукас был центром моего мира, и всегда, когда мои глаза были открыты, а нос ощущал запахи, я стремилась к нему. И каждый день приносил мне новые радости, и я училась новым играм с моим Лукасом, моим человеком.

– Белла, ты самый лучший щенок на свете, – часто говорил он мне, целуя.

Мое имя было Белла, и скоро я стала мысленно называть себя именно так: Белла.

По крайней мере, один раз в день мы ходили к моему прежнему логову. Там было несколько стоящих в ряд домов, в которых не было людей, но только в одном из них обитали кошки. Дома были обнесены забором из проволочной сетки, но Лукас всякий раз оттягивал сетку от столба, к которой она была прикреплена, и мы подходили к логову.

Оттуда по-прежнему шел сильный запах Мамы-Кошки, но запахи ее котят постепенно становились все слабее. Я знала также, и что туда вернулись некоторые из живших там прежде котов. Лукас приносил им всем еду и воду, но мне не разрешалось есть этот корм. И еще мне нельзя

было входить в логово, чтобы проведать мою маму.

– Ты ее видишь? Видишь ту киску? Она совсем рядом и наблюдает за нами, Белла. Ее можно разглядеть, хотя она и прячется в темноте, – тихо говорил мне Лукас.

Я любила слушать звук моего имени. Я чувствовала, что в голосе Лукаса звучит какой-то вопрос, но этот вопрос не приводил к получению новых лакомств. Пусть я не понимала смысла его слов, но я была рядом с Лукасом, так что все остальное было неважно.

Однажды днем я лежала на ноге Лукаса, на которую я свалилась от усталости после особенно ожесточенной игры в «атаку на тапки». Мне было неудобно так лежать, но я была слишком утомлена, чтобы шевелиться, так что моя голова находилась намного ниже остального тела.

Вдруг я услышала громкое урчание, оно становилось все громче, и в конце концов Лукас пошевелился, так что я поняла – он тоже его услышал.

– Белла, что это?

Я с трудом встала на лапы. Гулять? Лакомство? Лукас подошел к окну и посмотрел на улицу.

– Мамуля! – тревожно крикнул он.

Женщина вышла из своей комнаты.

– В чем дело?

– Они привезли экскаватор! Они собираются снести тот дом, а там все еще живут кошки! – Мамуля подошла к окну, а Лукас подошел к столу и торопливо выдвинул ящик. – Вот, смотри. Это карточка с телефоном приюта, который спасает бродячих животных. Позови Одри, а если ее не будет, просто скажи, что застройщик сейчас снесет дом и все кошки погибнут!

Лукас снял поводок с крючка и пристегнул его к моему ошейнику, и, пока он делал это, я ясно чувствовала, как от него исходит страх. Я встряхнулась и полностью проснулась.

– Я им позвоню. А что собираешься делать ты? – спросила Мамуля.

– Я должен их остановить!

– Лукас!

– Я должен их остановить!

И мы вместе выбежали на улицу.

Глава 3

Лукас выбежал из дома, таща меня за собой, и мы бросились на другую сторону улицы. Забор был частично разобран. Вокруг логова толпилась группа мужчин, и здесь же стояла огромная рычащая машина. Она производила на удивление низкий и громкий шум. Я присела, чтобы пописать, и один из мужчин отделился от группы и пошел к нам. От его ботинок исходили интереснейшие острые запахи масел и еще какие-то резкие ароматы, которые мне еще никогда не встречались.

– Под этим домом все еще обитают кошки, – сказал Лукас, когда мужчина подошел к нам. Лукас тяжело дышал, и его сердце билось гулко-гулко – я услышала это, когда он поднял меня и прижал к груди.

– О чем вы говорите? – спросил мужчина, хмурясь.

– Там кошки. Они обитают в подполе этого дома. Вы не можете его снести – это их убьет. Вы можете заняться другими домами, но в этом есть животные.

Мужчина пожевал свою нижнюю губу. Он взглянул на своих друзей, потом посмотрел на меня.

– Славный щенок. – Его рука была шершавой – я почувствовала это, когда он потрепал меня по голове, и еще я ощутила исходящие от нее запахи химикатов и различных почв, резкие и в то же время слабые.

Лукас сделал глубокий вдох и выдох и поставил меня на землю.

– Спасибо, – сказал он.

– Она помесь дога с мастифом, да?

– Кто?

– Твой щенок. У моего приятеля есть такой пес, и, когда он был маленьким, он выглядел так же. Я люблю собак.

– Это здорово. Может быть, она и в самом деле помесь дога и мастифа. Я просто не знаю, какой она породы. Собственно говоря, ее спасли, достав из подпола того дома, который вы сейчас готовитесь снести. Там обитала уйма разных кошек, и многие из них все еще там. Это я и пытаюсь вам объяснить – не всех животных удалось поймать. А по закону вы не можете снести дом, под которым обитают одичавшие кошки.

Из ведущей в логово дыры до меня доносился запах Мамы-Кошки, и я чувствовала, что она осторожно приблизилась к краю дыры. Я заерзала, желая пойти и проведать ее, но рука Лукаса остановила меня. Мне ужасно нравилось, когда меня держали на руках люди, но иногда я испытывала из-

за этого досаду, когда мне хотелось поиграть.

– По закону, – задумчиво повторил мужчина. – Но у меня есть разрешение на снос, вот оно, видите? Так что все будет по закону. Я не имею ничего против кошек, разве что считаю, что у моей подружки их слишком много. Но мне надо сделать свою работу. Вы меня понимаете? В этом нет ничего личного.

– Это дело очень даже личное. Оно личное для этих кошек. И личное для меня, – твердо сказал Лукас. – Они совершенно одиноки в этом мире. Их бросили на произвол судьбы. Я – это все, что у них есть.

– Я не стану участвовать в этом споре.

– Мы вызвали службу по спасению животных.

– Это не моя забота. Мы не можем ждать, когда они приедут.

– Нет! – Лукас подошел к большой машине и встал перед ней, и я тут же последовала за ним, так что поводок нисколько не натянулся. – Вы не можете это сделать.

Я уставилась на эту огромную машину, не понимая, что происходит.

– Ты начинаешь раздражать меня, приятель. А ну, отойди. Ты нарушаешь границы частных владений.

– Я не сдвинусь с места. – Лукас опять поднял меня и прижал к груди. Мужчина подошел к нам совсем близко и уставился на Лукаса. Они были одного роста, и их глаза находились на одном уровне. Мы с Лукасом тоже вперились в мужчину. Я завиляла хвостом.

– Ты и правда хочешь встрять в это дело? – тихо спросил мужчина.

– Вы не против, если я сначала поставлю на землю мою собаку?

Мужчина брезгливо отвернулся.

– Моя мамаша предупредила меня, что у меня в жизни будут и такие дни, – пробормотал он.

– Эй, Дейл! – крикнул один из остальных мужчин. – Я только что говорил с Гантером. Он сказал, что скоро будет.

– Ну, и хорошо. В таком случае он сможет сам разобраться с этим защитником прав животных. – Мужчина повернулся и отошел обратно к своим друзьям. Интересно, они подойдут к нам, чтобы погладить меня? Мне бы это было приятно.

Скоро к нам подъехала большая темная машина, и из нее вылез еще один мужчина. Он подошел к группе рабочих, стоявших у дома, и поговорил с ними. Все они смотрели на меня, потому что я была здесь единственной собакой. Потом мужчина из машины направился к нам, чтобы взглянуть на меня. Он был выше Лукаса и крупнее. Когда он подошел ближе, я почувствовала исходящие от него запахи дыма и нескольких

видов мяса, а от его дыхания и одежды пахло чем-то сладким.

– Ну, так в чем дело? – спросил он Лукаса.

– Под домом все еще обитает несколько кошек. Я уверен, вам бы не хотелось причинить им вред, – ответил Лукас.

Мужчина покачал головой.

– Там нет никаких кошек. Мы их всех переловили.

– Нет, не всех. Там, под домом, еще остается несколько кошек. Их, по меньшей мере, три.

– Да нет, вы ошибаетесь, к тому же у меня на все это нет времени. Мы и так отстали от графика из-за этих чертовых кошек, и я не собираюсь терять больше ни дня. Мне надо строить квартиры.

– Что вы с ними сделали? Со всеми теми кошками, которые здесь обитали? Среди них были и совсем маленькие котятка!

– Это не ваше дело. Вся эта история не ваше дело.

– Напротив, это мое дело. Я живу в доме напротив и вижу, как все эти кошки входят и выходят.

– Ну, и молодец. Как вас зовут?

– Лукас. Лукас Рэй.

– А я Гантер Бекенбауэр. – Мужчина на мгновение сжал руку Лукаса, потом отпустил ее. Когда рука Лукаса снова обхватила меня, от его кожи пахло мясом и дымом. Я осторожно принялась.

– Это вы проделывали дыру в моем заборе? Я уже три раза посылал людей, чтобы починить его.

Лукас ничего не ответил. Я по-прежнему лежала у него на руках и чувствовала, что меня вот-вот сморит сон.

– Значит, это вы кормите этих кошек, это ясно, как божий день. А это, как вы и сами понимаете, только осложняет дело.

– Вы хотите сказать, что предпочли бы, чтобы они голодали?

– Это же кошки. Они убивают птичек и мышей, или вы этого не знали? Так что они вовсе не голодают.

– Вы не правы. Они плодятся слишком быстро. Если их не изловить и не стерилизовать, они произведут на свет многочисленное потомство, и большинство котят погибнут от голода или от болезней, вызванных недостатком корма.

– И, по-вашему, в этом виноват я?

– Нет. Послушайте, я прошу у вас только одного – дайте людям время, чтобы решить эту проблему гуманно. Существуют организации, занимающиеся спасением тех животных, которые отнюдь не по своей вине брошены на произвол судьбы и ведут жизнь, полную опасностей. Мы

позвонили в одну из этих организаций, и они уже едут сюда. Дайте им сделать свою работу, и тогда вы сможете выполнить и вашу.

Мужчина, от которого пахло дымом и мясом, выслушал то, что сказал Лукас, но все так же продолжал качать головой.

– Похоже, вы сейчас просто цитируете какой-то интернетовский сайт, но речь сейчас не об этом. Вы хоть представляете себе, как сейчас трудно что-либо построить, Лукас? Приходится все согласовывать с добрым десятком разных служб. Я потратил на получение разрешения на снос этих домов целый год. Год! Так что сейчас мне надо наконец начинать работу. Прямо сейчас.

– Я не сдвинусь с этого места ни на шаг.

– Вы действительно собираетесь встать на пути экскаватора, который сносит дом? Вы же можете погибнуть.

– Ну и пусть.

– Знаете что? Я собирался договориться с вами по-хорошему, но вы не оставили мне выбора. Я сейчас вызову полицию.

– Вызывайте.

– Кто-нибудь когда-нибудь говорил тебе, что ты упрямый маленький ублюдок?

– Возможно, мне и говорили, что я упрям, – ответил Лукас. – Но никто никогда не говорил мне в лицо, что я ублюдок.

– Ха! Ну, ты и фрукт!

Мужчина отошел от нас, так меня и не погладив, что было необычно. Мы с Лукасом долго стояли неподвижно. Большая машина смолкла, и, когда она перестала громко рычать, я почувствовала себя совсем по-другому, как будто до этого что-то сдавливало мое тело, а теперь перестало. Лукас опять поставил меня на землю, и я стала внимательно обнюхивать землю. Мне хотелось поиграть, но Лукас хотел просто стоять, а из-за поводка я не могла далеко от него отбежать, чтобы порезвиться вокруг.

Когда появились еще люди, я завиляла хвостом. Это были женщина и мужчина, и они вышли из еще одной машины. На них обоих была темная одежда, а на их боках висели какие-то металлические предметы.

– Вот и полиция, – тихо заметил Лукас. – Ну, что ж, Белла, посмотрим, что произойдет теперь, когда сюда прибыли полицейские.

Два человека в темной одежде подошли к мужчине с дымно-мясными пальцами. По-моему, Лукасу было немного не по себе, но он по-прежнему не двигался с места. Я зевнула, потом радостно завиляла хвостом, когда эти два человека подошли к нам, чтобы увидеть меня. От женщины пахло собакой, а от мужчины – нет.

– О господи, какой милый щенок! – приветливо сказала женщина.
– Ее зовут Белла, – объяснил Лукас. Мне ужасно понравилось, что они говорят обо мне!

Женщина улыбнулась мне.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Лукас. Лукас Рэй.

– Итак, Лукас, почему бы вам не рассказать нам, что здесь происходит? – сказал ее друг-мужчина.

Мужчина разговаривал с Лукасом, а женщина встала на колени и начала играть со мной. Я прыгнула на ее руку. Теперь, когда я могла обнюхать ее, я различила на ее пальцах запахи двух разных собак. Я облизала ее пальцы и почувствовала вкус этих собак. Металлические предметы на ее боку лязгнули.

Когда женщина встала с колен, я посмотрела на Лукаса.

– Но тогда кто же должен защищать этих кошек, если не полицейские? – спросил Лукас. Он уже во второй раз употребил это слово – «полицейские». Я видела, что он расстроен, и уселась у его ног, надеясь, что это поможет ему снова стать веселым.

– У вас в этом деле нет никаких прав. Вы меня понимаете? – Мужчина в темной одежде махнул рукой в сторону большой машины. – Я понимаю ваши чувства, но вы не можете препятствовать строительным работам. Если вы не уйдете сами, нам придется вас арестовать.

Женщина, от которой пахло двумя собаками, коснулась руки Лукаса.

– Будет лучше, если вы и ваш щенок сейчас пойдете домой.

– Может быть, вы хотя бы осветите своим фонариком этот подпол? – спросил Лукас. – Тогда вы сами увидите, о чем говорю.

– Не уверена, что это что-либо изменит, – ответила женщина.

В это время подъехала еще одна машина. Она благоухала собаками и кошками и даже какими-то другими животными. Я подняла нос в воздух, чтобы разобраться, что к чему.

В этой новой машине приехали еще женщина и мужчина. Мужчина наклонился над задним сиденьем, вытащил оттуда какую-то большую штуку и поставил ее себе на плечо. Я не могла определить по запаху, что это такое. Он дотронулся до нее, и из нее полился свет, напомнив мне о том времени, когда из дыры в наше логово хлынули потоки света и на миг осветили кошек, убежавших в его глубину.

Я узнала эту женщину. Она была тем самым человеческим существом, которое залезло под дом в тот день, когда я встретила Лукаса. Я завиляла хвостом и ей, и мужчине, радуясь тому, что они пришли. Теперь здесь было

так много людей!

– Привет, Одри, – поздоровался с женщиной Лукас.

– Привет, Лукас.

Я хотела поближе рассмотреть женщину, которую, как я поняла, звали Одри, но она и ее друг не стали подходить к нам. Пучок света скользнул по лицу Лукаса, потом остановился на клочке земли перед дырой, ведущей в логово.

Мужчина, пахнувший дымом и мясом, направился к ним. У него были тяжелые шаги, и он махал руками, как будто хотел бросить игрушку собаке.

– Эй, вы! Здесь нельзя снимать!

Одри придвинулась ближе к мужчине с большой штукой на плече. – Мы снимаем вас, потому что вы собираетесь снести дом, в котором обитают бездомные кошки!

Дымно-мясной мужчина затряс головой.

– Здесь больше нет никаких кошек!

Я напряглась – Мама-Кошка! Она на мгновение замерла на краю дыры, оценивая ситуацию, а потом выбежала наружу и, промчавшись прямо мимо нас, исчезла в кустах, растущих у задней стороны забора. Я забыла, что я на поводке, и попыталась броситься за ней, но поводок заставил меня резко остановиться. Раздосадованная своим бессилием, я села и заскулила.

– Ты это заснял? – спросила своего друга Одри.

– Заснял, – ответил мужчина с большой штукой на плече.

– Так что, здесь нет кошек? – сказал Лукас дымно-мясному мужчине.

– Я хочу, чтобы вы арестовали этих людей! – заорал мужчина, обращаясь к людям в темной одежде.

– Они просто стоят на тротуаре, – спокойно сказал мужчина в темной одежде. – Нет такого закона, который бы это запрещал.

– Мы не станем никого арестовывать за съемку, – сказала женщина, от которой пахло двумя собаками. – К тому же вы нас уверяли, что здесь нет кошек.

– Я из организации по защите животных, – сказала Одри, не сходя со своего места. – Мы уже позвонили в комиссию по строительству. Они отзывают разрешение на снос из-за обитающих под домом одичавших кошек. Господа полицейские, если он снесет этот дом, это будет противозаконно.

– Это невозможно, – насмешливо ответил дымно-мясной мужчина. – В этой конторе дела так быстро не делаются. Они, черт бы их побрал, даже не сразу отвечают на телефонные звонки!

– Они отвечают сразу, когда им звонит одна из директоров нашего

правления, – ответила Одри. – Она к тому же еще и член администрации нашего графства.

Полицейские переглянулись.

– Это не наша епархия, – сказал мужчина.

– Но вы же видели эту кошку. А защита животных – это ваша обязанность, – сказала Одри. Я удивлялась, почему она к нам не подходит, но она продолжала стоять рядом с машинами. Мне ужасно хотелось, чтобы она с нами поиграла!

– Я несу большие расходы, пока все вокруг просто стоят! Я ожидаю, что полицейские наконец займутся своей работой и заставят этих людей убраться к черту! – сердито сказал мужчина, от которого пахло дымом и мясом.

Полицейские напряглись.

– Сэр, – сказала женщина Лукасу, – не могли бы вы взять свою собаку и передвинуться на тротуар?

– Нет, если он собирается разрушить этот дом и похоронить под ним беззащитных кошек, – упрямо ответил Лукас.

– Черт бы его побрал! – закричал дымно-мясной мужчина.

Мужчина и женщина в темной одежде опять переглянулись.

– Лукас, – сказала женщина-полицейский, – если мне придется просить вас дважды, я надену на вас наручники и посажу на заднее сиденье нашей патрульной машины.

Лукас несколько мгновений стоял молча, потом мы с ним подошли к Одри, чтобы она могла погладить меня. Я была так рада ее видеть! И еще я была рада тому, что за нами последовали дымно-мясной мужчина и полицейские, чтобы мы все могли быть вместе.

Дымно-мясной мужчина глубоко вздохнул.

– Тут были кошки – пара дюжин, но теперь их тут больше нет. Кошка, которую мы только что видели, возможно, приходила сюда просто на разведку – это не значит, что она здесь живет!

– Я вижу ее здесь каждый день, – сказал Лукас. Мимо меня ветер пронес бумажку, я попыталась поймать ее, но меня остановил поводок. – Так что она здесь точно живет. А кроме этой кошки здесь обитает еще и пара других.

– Кстати, поговорим обо всех тех кошках, которые обитали здесь раньше. В какой приют вы их отвезли? Я не могу найти их ни в одном из приютов, – многозначительно заметила Одри.

– Во-первых, обратите внимание, господа полицейские, этот парень Лукас резал мой забор. Он вздумал кормить этих кошек! А во-вторых, она

права, мы привлекли компанию со стороны, чтобы гуманно их изловить. Я не знаю, что они с ними сделали. Вероятно, они всех их пристроили в хорошие руки.

– Выходит, он кормил тех самых кошек, которых, по вашим словам, здесь уже нет. – Одри кивнула.

Какое-то время все стояли молча. Я зевнула.

– Эй, Гантер! – крикнул один из пахнущих пылью мужчин. – Звонит Мэнди. Она говорит, что речь идет о твоём разрешении на снос.

* * *

В конце концов большинство людей уехали. Одри опустилась на колени и стала играть со мной на редкой траве, пока ее друг укладывал большую штуку со светом обратно в ее машину.

– Это была гениальная идея – явиться сюда с телекамерой, – сказал Лукас.

Одри рассмеялась.

– Это вышло совершенно случайно. Я возила моего брата по городу, пока он снимал видеосюжет. Он учится в киношколе Колорадского университета в Боулдере. Когда позвонила ваша мать, мы сразу же поехали сюда, решив, что это отличная идея – изобразить дело так, будто съемки ведет какой-то новостной канал. – Она подняла меня и поцеловала в нос, а я в ответ лизнула ее. – Какая же ты лапочка! – И она снова поставила меня на землю.

– Ее зовут Белла.

При звуке своего имени я подняла голову и посмотрела на Лукаса.

– Белла! – радостно сказала Одри. Я уперлась передними лапами в ее колени, пытаюсь взобраться выше, чтобы облизать ее лицо. – Когда ты вырастешь, ты будешь такой большой собакой!

– Послушай, Одри. – Лукас слегка кашлянул, и я посмотрела на него, чувствуя, что он напряжен. Одри подняла голову и улыбнулась ему. – Я тут подумал, что было бы здорово, если бы мы с тобой начали встречаться. Смотри, Белла согласна.

– О. – Одри резко встала с земли. Я подошла к Лукасу и атаковала его ботинки. – С твоей стороны было очень мило это предложить, Лукас, но видишь ли, я только что переехала жить к моему парню, и это серьезно.

– Ну конечно. Я все понимаю.

– Эй, Одри! Мы уже можем ехать? Я хочу добраться до Голдена

пораньше, чтобы успеть поснимать во время последнего часа перед закатом, – крикнул мужчина из окна машины. Меня потянуло в сон, и я, зевнув, растянулась на траве, решив, что сейчас самое время вздремнуть. Я закрыла глаза и не стала их открывать, даже когда Лукас поднял меня на руки.

* * *

Позднее в этот же день я играла с Лукасом на мягком полу большой комнаты, которая называлась «гостиная». Лукас тянул по полу веревочку, а я бросалась на нее, хватала ее зубами и бежала прочь, но она выскальзывалась из моей пасти, и он, смеясь, начинал тянуть ее по полу снова, чтобы я могла атаковать ее опять. Я была так довольна, что он рядом, так рада, что Лукас смеется, что могла бы играть в эту игру всю ночь напролет.

В дверь постучали, и Лукас на мгновение замер, а потом пошел к ней. Я двинулась следом за ним. Он приставил глаз к двери, а я в это время почуяла в проникающем через щель под дверью холодном воздухе запах мужчины. Это был тот же мужчина, которого я видела у логова и от которого пахло дымом и мясом.

Лукас окаменел. Мужчина постучал еще раз. Наконец Лукас открыл дверь, отодвинув меня при этом ногой в сторону.

– Нам с вами надо поговорить, – сказал мужчина.

Глава 4

– Поговорить о чем? – спросил Лукас.

– Я могу войти в дом, или вы хотите, чтобы я так и стоял на пороге?

– Входите. – Лукас отступил от двери, мужчина вошел в комнату и посмотрел по сторонам. Лукас снова закрыл дверь, хотя это означало, что в дом больше не будет проникать весь этот поток великолепных ароматов с улицы.

Мужчина сел на диван.

– Классный щенок. – Он протянул ко мне пальцы, чтобы я их обнюхала. – Он, кажется, питбуль?

– Это не он, а она. Мы не знаем. Она жила под тем домом напротив.

Мужчина на мгновение словно застыл, и я посмотрела на него с любопытством, потом откинулся на спинку дивана.

– Кстати, об этом. Стало быть, я прав, и это вы кормите кошку в том доме?

– Да, я.

– Вот ирония судьбы, вам так не кажется? У меня теперь проблемы, и вызвали их вы. Если где-нибудь ставишь миски с кошачьим кормом, туда тут же набегают кошки. Это закон природы. И я не ошибся и тогда, когда сказал, что вы резали мой забор, верно?

Лукас ничего не ответил.

– Послушайте, я пришел к вам, чтобы убедить вас прислушаться к голосу разума. Общая картина куда масштабнее, чем вы думаете.

Я была недовольна тем, что они просто сидели без дела. И атаковала пушистый пискучий мячик, который лежал на полу. Я не могла раскрыть пасть достаточно широко, чтобы схватить его, и, когда пыталась сделать это, он просто откатывался в сторону, так что в конце концов я прыгнула на него сверху и заставила его лежать тихо. И зарычала, чувствуя себя свирепой и торжествуя.

– Простите, мистер э-э...

– Гантер. Зовите меня просто Гантер.

– Хорошо, Гантер, – согласился Лукас.

Значит, дымно-мясного мужчину зовут Гантер.

– Я хочу сказать, что мне жаль, но всем вашим рабочим было наплевать, когда я сказал им, что под домом обитают кошки, – продолжал Лукас. – Они собирались все равно снести его, несмотря на то что это

убило бы ни в чем не повинных животных.

– Ага, а потом вы вызвали эту шайку мстителей за бродячих животных, а они позвонили в администрацию графства, и действие моего разрешения на снос было приостановлено. А это значит, что может пройти пара недель, пока его не возобновят. Да какая там пара недель, у них там, черт возьми, на любой чих уходит больше месяца, а стало быть, дело откладывается до конца лета, а может, даже и на осень. И все это время я должен буду платить проценты по кредиту и заработную плату моим рабочим, и у меня будет простаивать оборудование, так что вся эта история обойдется мне в кучу денег. И все из-за одной чертовой кошки. А вам известно, что закон не запрещает мне просто пристрелить эту проклятую тварь, если мне так хочется?

– Там не одна кошка, а больше. Неужели вы хотите перестрелять их всех? Думаете, это будет для вас хорошая реклама?

– Поэтому я и пришел к вам. Я не хочу этого делать. Но вы прекрасно знаете, что, как только мы начнем рушить дом, все эти кошки выбегут наружу и удерут. Так что нет надобности их истреблять. Я просто хочу, чтобы, когда снос начнется, вы не звонили этой женщине, которая привезет с собой телевизионщика. Лады? Им и дела нет до правды, им бы только пустить в эфир новость о том, что мы будто умертвляем котят, что просто смешно.

– Вы никак не сможете определить, все они убежали или нет. Надо сначала поймать их и наглухо закрыть ход в подпол.

– Что? Ну нет! На это могло бы уйти несколько недель. Нам нужно решить этот вопрос немедленно. – Гантер на мгновение замолчал. – Может быть, стоит посмотреть на эту проблему с другой стороны, а? Эти квартиры, которые я собираюсь построить, будут просто классными. Высококачественные кухонные столы с полками, дорогая бытовая техника. У вас тут одна спальня и одна ванная, да? Я знаю этот дом, его построили еще в семидесятых. Нет системы центрального кондиционирования воздуха, только оконные блоки, дешевая электроплита. Все это здание, вероятно, скоро снесут – теперь, когда здесь решено возвести новую клинику, в округе везде идет новое строительство.

– У нас две спальни. И арендная плата за это жилье субсидируется государством.

– Об этом-то я и толкую. Вас буду субсидировать я.

– Не думаю, что это возможно. Наша субсидия – это часть пособия и льгот, которые моя мать получает как ветеран вооруженных сил.

– Черт возьми, парень, ты что, вообще не петришь? Хорошо, я скажу

проще. Я заплачу тебе тысячу баксов, а ты не станешь звонить защитникам прав животных. Ну что, лады?

– Стало быть, вы предлагаете мне тысячу долларов за то, чтобы я закрыл глаза на то, как вы похороните под обломками дома целую кошачью семью?

– Ничего не поделаешь, такова жизнь. Просто подойди к этому вопросу с точки зрения сравнительного анализа издержек и конечных результатов. Подумай сам, какую пользу эта твоя тысяча долларов сможет принести Гринпису или какой-нибудь шарашке вроде «Спасите кошек», или чему-нибудь еще в этом роде, и все это в обмен на жизнь какой-то пары шелудивых кошек, которые, скорее всего, и так подохнут будущей зимой.

Я зевнула и почесала ухо. Даже если вокруг были игрушки, которые можно было грызть или гонять по полу, люди все равно обычно предпочитали просто сидеть.

– Пять тысяч, – немного помолчав, сказал Лукас.

– Что? – Мужчина резко повернулся, так что диван заскрипел. Я посмотрела на него с любопытством. – Ты что, всерьез думаешь, что можешь со мной торговаться?

– Я просто внимательно вас слушаю. Вы обеспокоены, потому что ваша стройка может быть заморожена на несколько месяцев. Это может стоить вам кучу денег. Так что пять тысяч – это еще дешево. И даже десять тысяч.

Мужчина какое-то время молчал, потом громко рассмеялся. Тон его стал жестким.

– А чем ты зарабатываешь на жизнь, парень?

– В основном я учусь, а на следующей неделе начну работать помощником по административной части в госпитале Администрации по делам ветеранов. Это хорошее место, потому что именно там моя мать получает лечение.

Я растянулась на полу. Мне было скучно.

– Что ж, флаг тебе в руки. Я предложил тебе хорошую сделку, а ты оскорбил меня, пытаюсь вымогать у меня деньги. Так что я преподам тебе хороший урок. Ты ничего от меня не получишь. Ничего. А ведь ты мог заработать целую тысячу. Думаешь, в этом мире можно успешно заниматься строительными подрядами, не обзаведясь несколькими друзьями в администрации? Мне достаточно будет подмазать кого-нибудь из отдела по контролю за животными, и он подпишет бумагу, в которой будет говориться, что кошек под домом нет. И, скорее всего, это обойдется мне куда дешевле тысячи долларов. Так что я просто пытался тебе помочь.

По всему видно, что у вас нет лишних денег.

– Собственно говоря, это вы оскорбили меня, заявив, что мне следует пойти на сделку с совестью, приняв ваши деньги. Ведь мы с вами оба отлично понимали, что я не возьму их, – спокойно ответил Лукас. – А теперь вы еще и позволяете себе делать какие-то намеки насчет нашего уровня жизни.

Гантер встал с тахты.

– Держись подальше от моей земли. Стоит мне поймать тебя там – и тебя арестуют за нарушение границ частных владений.

– Спасибо, что зашли, – сухо сказал Лукас.

Иногда перед уходом люди обнимаются или касаются друг друга руками, но Лукас и Гантер не сделали ни того ни другого.

– Я не позволю причинить вреда этим кошкам, Белла, – сказал мне Лукас. Я услышала свое имя и начала гадать, не пришло ли время ужина.

* * *

Иногда Лукас и Мамуля оставляли меня одну. Когда это случилось впервые, я ужасно расстроилась и начала грызть те вещи, которые, как я знала, грызть не полагалось – газеты и обувь, то есть те вещи, которые Лукас не давал мне из своих рук и которые он и Мамуля всегда выдергивали из моей пасти, когда видели, что я схватила их зубами. Когда Лукас и Мамуля вернулись домой, они рассердились. Они потрясли ботинком перед моим носом и закричали:

– Нельзя!

Я знала слово «нельзя», и оно нравилось мне все меньше и меньше. В следующий раз, когда они оставили меня одну, я изгрызла свои игрушки и всего лишь один ботинок. Я поняла, что они опять рассердились, но не понимала, почему они оставляют меня одну. Мне казалось, что именно это важнее всего.

Когда Лукас был рядом, все было чудесно, но, когда он уходил, я чувствовала себя так же, как когда пряталась с моей мамой в трещине в задней стене логова, где было темно и страшно. Я не понимала, что я сделала плохого, и мне просто было нужно, чтобы Лукас вернулся домой и успокоил меня, показав, что он по-прежнему меня любит. Всякий раз, когда он говорил: «Нельзя!», я припадала к земле и ждала, когда он перестанет сердиться из-за того, что я натворила.

Моим любимым занятием было ходить с Лукасом, когда он кормил

кошек. Меня всегда ужасно интересовали шуршание и аромат пакета с кормом, хотя Лукас пока не давал мне попробовать этот корм. Мы переходили через улицу, Лукас отводил в сторону край забора и шел к дыре. Мне страшно хотелось пойти с ним к логову, чтобы поиграть, но он всегда привязывал меня к дереву на той стороне забора, которая выходила на улицу, так что я не могла побежать к дыре. Я чуяла доносящиеся из нее запахи трех кошек. Мама-Кошка никогда не подходила достаточно близко к краю дыры, чтобы я могла ее видеть, но остальные двое иногда выходили на свет.

– Я не могу быть с вами все время, потому что теперь у меня есть работа, – говорил кошкам Лукас. – Я постараюсь защитить вас, но, если сюда опять приедут большие машины, вам придется отсюда бежать. – Иногда Лукас заползал в дыру, и тогда я отчаянно скулила, пока он не возвращался назад.

Однажды вечером после того, как мы вернулись домой, Лукас и Мамуля сели за стол и начали есть курицу! Я терпеливо сидела, ожидая, когда мне перепадет вкусный кусочек, и не зря – Лукас опустил руку, и в ней был крошечный кусочек куриной кожи, который я быстро взяла из его пальцев. Я любила курицу и вообще все, что приходило ко мне из его рук.

– Там их сейчас, по меньшей мере, три, а может быть и четыре. Трудно сказать определенно.

– А как они преодолевают забор? – поинтересовалась Мамуля.

– О, там множество таких мест, через которые может протиснуться кошка или кот. Белла часто обнюхивает щель под нижней кромкой забора – может быть, они входят и выходят именно через нее.

Я с надеждой посмотрела на него, когда он произнес мое имя. Лакомство? Гулять? Еще кусочек курицы?

– А их можно как-то выманить наружу? – спросила Мамуля.

– Нет, они здорово боятся людей. Особенно черная кошка – но как ни странно, она из них самая храбрая и часто подходит к самому краю дыры, но я точно знаю, что она ни за что не выйдет наружу, пока там нахожусь я.

– А как насчет той молодой женщины, которая занимается спасением бездомных животных? Кажется, Венди?

– Нет, Одри. Да, я говорил с ней, и она сказала, что они постараются приехать, но сейчас у них в приюте полный завал, – ответил Лукас.

– Она милая.

– У нее уже есть парень.

– Ну... иногда девушки так говорят, но на самом деле...

– Мамуля, перестань.

Она рассмеялась.

– Ладно, ладно. Так каков план действий?

– Ситуация будет оставаться тупиковой, пока туда не сможет выехать Одри. Но я не позволю ему убить этих кошек.

– А что, если он попробует их отравить?

– Я ожидаю таких попыток и смотрю в оба. Но пока он не пытался подбросить им отраву. Думаю, он сейчас пытается найти кого-нибудь из управления шерифа, кто согласится взять мзду и официально подтвердить, что все кошки оттуда ушли.

Мама немного помолчала, потом сказала:

– Лукас...

– Что?

– Почему это для тебя так важно? Я, как и ты, люблю животных, но ты, не знаю, как сказать, похоже ты взялся за это не только поэтому.

Лукас заерзал на своем стуле.

– Думаю, это из-за того, что они на этом свете совсем одни.

Я взглянула на Мамулю, сидящую, скрестив лодыжки.

– Ты считаешь, что они нуждаются в защите, потому что их бросили. Точно так же, как ты сам нуждался в защите, когда тебя бросила я.

– После того как ты стала ходить на сеансы групповой психотерапии, с тобой стало невозможно вести нормальный разговор.

– Я говорю серьезно.

– Разве я не могу просто чувствовать, что я за них в ответе?

– Почему? Почему ты вечно считаешь, что ты за все в ответе? Как будто ты стал взрослым, еще когда тебе было всего пять лет. Это потому что...

Они замолчали. Я внимательно обнюхивала пол у ног Лукаса, надеясь найти там кусочек курицы, который я пропустила.

– Потому что что?

– Потому что ты единственный сын алкоголика.

– Мамуля, может быть, оставим эту тему? Иногда я что-то делаю, сам не зная почему, как тебе такой вариант?

– Я просто подумала, что было бы неплохо проанализировать твои мотивы.

– Мамуля, это же кошки. Может быть, просто скажем, что этим все и ограничивается и никаких задних мыслей у меня нет? Честное слово, я вовсе не живу с постоянной мыслью о том, что ты в чем-то виновата, и обо всем том, что произошло. Я знаю, что для тебя это важно, но я сейчас просто радуюсь тому, что у нас с тобой наконец опять стало все хорошо.

Ведь верно? И я считаю, что это нормально – не желать, чтобы какой-то предприниматель, занимающийся строительным бизнесом, похоронил под обломками дома нескольких беззащитных кошек.

– Ну хорошо, Лукас. Хорошо.

* * *

Мы с Лукасом играли и играли. Он любил говорить мне: «Делай свои дела», когда мы гуляли, после иногда он давал мне лакомство, но чаще не давал ничего. А еще он мог засунуть пальцы в рот и испустить резкий пронзительный звук, который поначалу меня пугал, но потом я поняла, что так он подает мне знак подбежать к нему и получить чуточку чего-нибудь съестного, так что я начала ощущать радостное волнение всякий раз, когда он подносил руки ко рту.

Меньше всего из того, что находилось в доме, мне нравился «вольер». Лукас и Мамуля говорили со мной очень весело, когда впервые показали мне эту штуку, но она была сделана из тонких полосок металла, и ее нельзя было изгрызть. Они положили внутрь мягкую подушку и научили меня игре «Иди в Свой Вольер», которая заключалась в том, что я заходила внутрь, ложилась на подушку, они закрывали дверь вольера и после этого давали мне лакомство. Но однажды они вдруг все поменяли: мы сыграли в «Иди в Свой Вольер» и они дали мне лакомство, а потом оставили меня в доме одну!

Мне почти нечего было грызть – оставалась только подушка. После того как я разодрала ее в клочки (она была совсем невкусная), я почувствовала себя очень одинокой. Я так тосковала по Лукасу, что лаяла все время, пока его не было.

Лукас очень расстроился из-за того, что оставил меня одну на целый день, хотя, когда он вернулся, я впала в такую безумную радость, что носилась по гостиной и прыгала на мебель, и каталась по ковру, и облизала его лицо. Он, похоже, огорчился из-за того, что я разбросала клочки набивки подушки по всему дому, но что еще я могла с ними сделать? Сам он не пробовал набивку на вкус и не знал, какая она невкусная. Я, разумеется, не могла ее съесть.

– У меня есть старое одеяло, которое можно туда постелить, – сказала Мамуля.

– Ты не должна рвать свою подстилку, Белла, – сказал мне Лукас.

Я завиляла хвостом.

– Может быть, в следующий раз стоит положить ей туда ее мячик, – заметила Мамуля.

Я посмотрела на нее, сразу же оживившись. Мячик? Я знала это слово – мячик был самой чудесной игрушкой во всем доме. Когда Лукас бросал его, он, подпрыгивая, несясь прочь, и я кидалась за ним, хватала его зубами и приносила обратно Лукасу, чтобы он бросил его опять.

Иногда Лукас брал мячик с собой, когда мы шли гулять. Мы приходили на большое открытое пространство, поросшее травой, где Лукас спускал меня с поводка – это место называлось «парк», – и там он бросал мячик снова и снова. Мячику никогда не удавалось от меня уйти.

Я любила бегать за мячиком, любила приносить его обратно Лукасу и еще любила, когда он говорил мне, что я хорошая собака. Иногда в парке были и другие собаки, и они гонялись за другими мячиками, делая вид, что им не хочется побегать за тем мячиком, который бросал Лукас.

Он был моим человеком. Больше всего на свете мне хотелось быть с ним каждый день. Ну, и еще лакомств. «Делай свои дела», – говорил мне он. И давал лакомство! А потом опять: «Делай свои дела». И никакого лакомства. Это была не самая лучшая из наших игр.

А потом я поняла, что «Делай Свои Дела» относится к тому, чтобы присесть и пописать или покакать, что я со временем стала предпочитать делать вне дома. Лукас излучал такое одобрение, когда я делала это на траве, всякий раз давая мне лакомство, что я наконец сообразила что означает «Делай Свои Дела». Мы пошли в парк, и я сделала «Делай Свои Дела» и получила лакомство, и Лукас так обрадовался, что бросил мячик, и тот поскакал туда, где иногда на качелях играли дети. Я погналась за мячиком, набирая скорость, Лукас побежал за мной, и, когда он с силой забросил мячик на пластиковый скат и тот покатился вверх, я побежала за ним, пытаясь цепляться когтями за скользкую поверхность, чтобы найти точку опоры. Мячик скатился вниз, и я тоже соскочила на землю и поймала его, когда он допрыгнул до моей пасти.

– Белла! – крикнул мне Лукас. – Ты смогла взбежать на горку! Хорошая собака!

Лукас был мною доволен. Он подвел меня к скату и сказал:

– Беги за мячиком на горку, Белла!

Мы играли в эту игру, опять и опять. Лукас с силой бросал мячик, так что тот катился вверх по «горке», и я бежала вслед за ним, потом соскакивала вниз, ловила его и приносила обратно Лукасу. Иногда мне удавалось поймать мячик в воздухе, с другой стороны горки, когда он отскакивал от земли. Когда у меня это получалось, Лукас восхищенно

смеялся.

Потом он давал мне воды, и мы с ним растягивались на траве. Воздух был прохладен, и на небе ярко светило солнце. Я положила голову на его ноги, и он начал гладить меня по ней. Когда его рука останавливалась, я тыкалась в нее носом, чтобы он продолжал меня ласкать.

– Мне так жаль, что приходится оставлять тебя, чтобы ходить на работу. Но мне нравится моя работа. У меня есть свой письменный стол, но я за ним почти не сижу, в основном я бегаю по всему госпиталю, помогая своим начальникам разбираться с историями болезней пациентов. Это интересно, но я скучаю по тебе, Белла.

Мне ужасно нравилось, когда он произносил мое имя.

– Ты слышала, как ночью Мамуля ходила по своей спальне? У нее снова началась бессонница. Я не знаю, что я буду делать, если у нее начнется очередной маниакально-депрессивный цикл. Господи, как мне хочется, чтобы ее смогли вылечить окончательно.

Я почувствовала, что от него исходит грусть, и поэтому тут же взобралась ему на грудь. Это сработало, он засмеялся и столкнул меня на землю.

– Ты такая глупая собака, Белла!

Всякий раз, находясь с Лукасом, я чувствовала себя счастливой. Я любила Мамулю, но чувство, которое я испытывала к Лукасу, было таким же непреодолимым, как голод, и когда я спала, мне часто снились сны, что мы с ним вместе ходим кормить кошек или играем с мячиком на горке.

Мне не нравилось выражение «идти на работу», потому что когда Лукас произносил его, это означало, что он покинет меня очень-очень надолго. «Мне надо идти на работу», – говорил он Мамуле, и после этого я оставалась только с ней. Я никак не могла взять в толк, почему он делает «Идти на Работу». Разве я не хорошая собака?

В течение дня Мамуля играла со мной и ненадолго выводила гулять, но мы с ней никогда не ходили кормить кошек или в парк.

Когда Лукасу приходило время перестать заниматься делом, которое называлось «Идти на Работу», я всякий раз чувствовала, что сейчас он вернется домой. Даже не чуя его запаха, я точно знала, что он идет по улице к нашему дому, и, подойдя к двери, садилась, ожидая его. Когда я чувствовала, что он уже близко, я начинала вилять хвостом, а мгновение спустя уже чуяла его запах и слышала его шаги на дорожке.

– Уж не знаю как, но она всегда точно знает, когда ты вернешься домой, – как-то сказала Лукасу Мамуля. – Перед этим она всякий раз подходит к двери и скулит.

- Вероятно, она просто держит в памяти мое рабочее расписание.
- Дорогой, этого расписания не удержишь в памяти даже ты сам. Ты каждый день уходишь с работы в разное время. Нет, у нее просто есть шестое чувство.
- Белла, собака-экстрасенс из Денвера, – сказал Лукас. Я посмотрела на него, но поняла, что, хотя он и произнес мое имя, это не приведет к получению лакомства.

* * *

Лукас делал «Идти на Работу», а Мамуля отдыхала на диване. В некоторые дни она ходила по дому и гуляла со мной и иногда пела – тогда ее голос становился то выше, то ниже, и это было совсем не похоже на разговор. Правда, в последнее время она по большей части просто лежала на диване. Тогда я прижималась к ней, чувствуя ее любовь, но также и грусть.

Я услышала, как кто-то поднимается по ступенькам к входной двери, но от этого человека исходил не знакомый мне запах, потому что я никогда не встречала его прежде. Я знала только, что это мужчина. И я залаяла.

– Нельзя, Белла! – отругала меня Мамуля.

Нельзя? Я не поняла, почему она употребила это слово.

Я услышала звонкую мелодию дверного звонка, которая звучала всякий раз, когда кто-то поднимался на крыльцо. Моя обязанность состояла в том, чтобы дать всем понять, что я ее услышала, так что я залаяла опять.

– Белла, нельзя! Плохая собака!

Я посмотрела на нее растерянно и вместе с тем виновато. Плохая собака? Что же я сделала плохого?

Мамуля приоткрыла дверь, и я просунула в щель свой нос, принюхиваясь и виляя хвостом.

– Привет, детка. – На крыльце стоял крупный мужчина. От его дыхания шел резкий запах какого-то химиката, от которого у меня немного защипало глаза, а его одежда приятно пахла хлебом.

Я почувствовала, что Мамуля расстроилась, и поэтому перестала так дружелюбно вилять хвостом.

- Как ты меня отыскал? – спросила Мамуля.
- Разве ты не пригласишь меня в дом, Терри?
- Ладно, проходи, но я как раз собиралась выйти.
- Ух ты, какой большой пес? Как его зовут?

– Это не он, а она. И ее зовут Белла.

– Привет, Белла! – Мужчина присел на корточки и, чуть было не упав, когда его рука потянулась ко мне, оперся ею о ковер. А потом потрепал меня по голове.

Мамуля сложила руки на груди.

– Не знаю, зачем ты пришел.

– Зах-хотелось – вот и при-ишел.

– Брэд, ты что, пьян? Или накачался наркотой?

– Что? Не-а.

– Посмотри на меня.

Мужчина встал.

Мамуля брезгливо покачала головой.

– Ты в стельку пьян. Да еще и обкурился.

– Ну, может, самую малость. – Мужчина рассмеялся, потом, волоча ноги, вошел в гостиную и огляделся по сторонам. Мамуля смотрела на него холодно. – Послушай, – начал он, – я тут много думал о нас с тобой. Мне кажется, мы совершили ошибку. Мне не хватает тебя, детка. Думаю, нам надо сойтись опять. Ведь ни ты, ни я не становимся моложе.

– Я не стану говорить с тобой, когда ты в таком состоянии. И не надейся.

– В каком таком состоянии? В каком?

Мужчина повысил голос, и я вздрогнула. Мамуля уперла руки в боки.

– Не начинай опять. Я не хочу с тобой скандалить. Мне просто нужно, чтобы ты ушел.

– Я не уйду, пока ты не назовешь мне хотя бы одну вескую причину, почему ты меня бросила.

– О боже.

– Ты выглядишь классно, Терри. Иди ко мне. – Он улыбнулся.

– Нет, – сказала Мамуля и отступила назад.

– Я серьезно. Знаешь, как часто я думаю о нас с тобой? Нам было хорошо вместе, детка. Помнишь, как мы завалились в тот отель в Мемфисе...

– Нет. Перестань. – Мамуля затрясла головой. – Нам вовсе не было хорошо вместе. Когда я жила с тобой, я была не я.

– Ты никогда не была самой собой больше, чем когда жила со мной.

– Какая чушь!

– Ничего себе! Я пришел сюда, чтобы сказать тебе все эти комплименты, а ты ведешь себя со мной как последняя стерва.

Он оглядел комнату.

– Недурно. Похоже, твой сынок снова живет с тобой. – Он прищурился. – Может, мне нужно поговорить с ним как мужчина с женщиной, чтобы он наконец повзрослел и перестал держаться за мамочкину юбку.

Мамуля вздохнула.

– О Брэд, то, что ты о нем думаешь, так далеко от истины.

– Да ну? Ты хочешь, чтобы он кончил так же, как его папаша? Помер на задворках какого-то магазина, торгующего спиртным? Ну да, наверное, ты не помнишь, как рассказала мне эту историю. И не помнишь, как тебе было худо, когда я тебя подобрал, – сказал он с плотоядной ухмылкой. – Так что за тобой должок.

– Ты правда так считаешь? Ну, так запомни – я тебе ничего не должна. И сам ты никто и ничего для меня не значишь.

– Э, да меня тут не уважают. Знаешь что? Ты не имеешь никакого права меня не уважать. Только не после того, что мы с тобой совершили вместе. Того, что я знаю.

– Уходи, уходи сейчас же! – Голос Мамули был громок и сердит. Я опустила глаза в пол, надеясь, что она сердится не на меня, но тут же в тревоге снова посмотрела вверх, когда мужчина вдруг схватил Мамулю за обе руки.

Глава 5

– Прекрати! – завопила Мамуля, и ее голос прозвучал так резко, что я залаяла. Мне было страшно. Она и мужчина врезались в стену, что-то упало на пол, и послышался звон разбивающегося стекла. Я припала к полу и попятилась.

Я услышала звук глухого удара, мужчина охнул и, согнувшись, стал пятиться, а Мамуля двигалась за ним, и слышались глухие звуки, когда ее руки раз за разом ударили его по лицу. Она резко развернулась, ударила его ногой, и он пошатнулся.

– Ах ты, сука! – заорал мужчина на нее. Он взмахнул рукой, но Мамуля перехватила ее и вывернула, а потом пнула его в ноги, и он повалился на пол. Я перестала лаять. – О боже, Терри, – прохрипел он. От него исходили ярость и боль. Он держал запястье одной руки в другой. Я учуяла запах его крови и увидела, как она тонкой струйкой стекает с его губы на подбородок.

– Нет, не вставай. Если ты сейчас встанешь, я сделаю тебе еще больнее, – сердито предупредила его Мамуля.

Мужчина смотрел на нее, не мигая.

– Уходи, – сказала ему Мамуля.

– Ты сломала мне запястье.

– Нет, не сломала. Хотя и могла это сделать.

– Я тебя убью.

– Нет, ты сейчас в моем доме, и если ты когда-нибудь приблизишься ко мне опять, то это я тебя убью, – свирепо сказала она. – А теперь убирайся. Нет, я же тебе сказала, не вставай! Ползи. Давай, давай. Выползай, пока я еще добрая.

Я озадаченно наблюдала, как мужчина ползет на карачках в сторону входной двери. Я двинулась к нему, чтобы обнюхать его, но Мамуля резко крикнула:

– Белла, нельзя! – так что я съежилась и села. Я знала, что сделала что-то, что рассердило ее.

– Меня сейчас вырвет, – выдавил из себя мужчина.

– Не здесь. Иди вон.

Мужчина дополз до входной двери, открыл ее и, пошатываясь, встал на ноги. Он повернулся и начал что-то говорить Мамуле, но она тоже подошла к двери и захлопнула ее перед его носом. Я слышала, как он упал

на ступеньки, потом, петляя, двинулся прочь, и его запах стал удаляться и постепенно становился все слабее и слабее.

Мамуля долго стояла у двери. Она была такая грустная. Я подошла к ней и ткнула носом в ее руку. Рука была мокрой, потому что она вытирала ею свои глаза. Я ужасно сожалела, что была плохой собакой.

– О Белла, почему я никогда ничего не могу сделать как надо?

Когда она села на диван, я взобралась туда же, чтобы побыть с ней, и положила голову ей на колени. И почувствовала, как какая-то часть ее напряжения и грусти мало-помалу уходит. Я дала Мамуле успокоение. Это было важнее, чем гулять, важнее, чем помогать кормить кошек, – это было самое важное из всего того, что я когда-либо делала. Я поняла, что должна сидеть с Мамулей до тех пор, пока буду ей нужна.

Она погладила меня.

– Ты хорошая собака, Белла. Хорошая, хорошая собака.

Одна из штук в доме, которую я научилась узнавать, называлась «телефон». Она была металлическая, и мне никогда бы не захотелось с ней поиграть, но Лукас и Мамуля говорили о ней часто. Иногда они прижимали телефон к щеке и говорили со мной, но я никак не могла взять в толк, что они хотят мне сказать, и при этом они никогда не давали мне лакомств.

Пока я лежала, прижавшись к Мамуле, она приложила телефон к щеке.

– Лукас, ты сейчас можешь говорить? – спросила она. При звуке его имени я подняла глаза. – Я просто... В общем, сюда приходил Брэд. Нет, я в норме. Не знаю, мы ведь не делали секрета из того, что переезжаем сюда, так что он мог узнать это от кого угодно. Пришлось ему немного наподдать. Он был... Не знаю, чем он накачался. Наверняка упился текилой. И еще он очень любит покурить опиум. Нет, тебе не надо приходить домой. Я чувствую себя хорошо, ведь здесь Белла.

Я завиляла хвостом.

– Я просто хотела сказать тебе, что всегда боялась, что, если увижу его снова, меня потянет в его мир. Боялась, что захочу вернуться к нему и к той жизни. Как будто какая-то часть меня не верит, что я действительно в завязке. Но когда он вошел в дом, я сразу поняла, что никогда не сделаю этого вновь. Ни с собой, ни с тобой. Я чуть не потеряла тебя – нет, послушай – я знаю, что тебе пришлось из-за меня пережить, и сейчас я просто хочу сказать, что тебе не надо беспокоиться на мой счет. Больше никогда. Ты меня понимаешь? – Мамуля немного помолчала, словно прислушиваясь. – Да, я пойду завтра на собрание группы. Я тоже люблю тебя, родной.

Мамуля положила телефон на диван. Она все еще была охвачена

тревогой. Я переползла с дивана к ней на колени. И постепенно напряжение отпустило нас обеих.

* * *

Когда Лукас взял меня с собой, чтобы покормить кошек в следующий раз, я почувяла, что в логове появилась еще одна кошка. Она не вышла на свет. Кошки, как я поняла, не очень-то любят людей.

– Я говорил с Одри, и она сказала, что они теперь ничего не могут сделать, потому что Гантер прикрепил к забору табличку: «Частная собственность. Посторонним вход воспрещен», – сказал Лукас Мамуле.

– На его месте я была бы счастлива, что они готовы изловить тех кошек, которые еще остаются там. Ведь тогда в выигрыше были бы все.

– Не знаю, что у него на уме, – вздохнул Лукас.

– Хочешь, я помогу тебе управиться с сетями, которые она к нам завезла?

– Честно говоря, нет. Я бы предпочел, чтобы ты просто сидела на крыльце и смотрела, не появится ли Гантер.

Лукас пристегнул к моему ошейнику поводок. Гулять! Мы перешли улицу, но у нас не было с собой никакой еды. Лукас толкнул забор, отогнул вперед его край, протиснулся в щель, потом хлопнул в ладоши, зовя меня за собой, поднял меня, перенес на ту сторону и поставил отогнутый край забора обратно на место.

– Ух, какая ты стала тяжелая, – пробурчал он.

Лукас велел мне сидеть, и я стала смотреть, как он поднимает с земли какие-то одеяла с пришитыми к ним деревяшками. Одеяла немного пахли кошками и были такими тонкими, что я могла видеть сквозь них его руки.

– Ну как, Белла, ты готова?

Я завиляла хвостом. Лукас отстегнул от моего ошейника поводок.

– Ну вот, используй свой шанс. Вперед, Белла! Вперед!

Лукас махнул одеялами. Я напряглась. Что же я должна сделать?

– Я знаю, тебе этого хочется. Вперед! Иди поймай кошек!

Я не поняла ни единого слова из того, что он сказал. И продолжала сидеть, стараясь вести себя как хорошая собака.

Он засмеялся, и я почувствовала, как от него исходит любовь, и завиляла хвостом.

– Что, никак не можешь поверить, что я разрешаю тебе туда залезть, да? Ну хорошо, смотри. – Лукас выпустил одеяло из одной руки и

подтащил меня к ведущей в логово дыре. Из нее шел запах нескольких кошек и котов, и среди них – запах Мама-Кошки. Но он был неблизким. Я вспомнила трещину в стене и подумала, что она, может быть, проскользнула сейчас в это тесное укрытие.

Лукас просунул мою голову в дыру. Я не понимала, что он хочет сделать, но мне вовсе не казалось, что я плохая собака. От кошек и котов пахло так, будто они боялись.

Я решила пойти проведать мою маму. Я опустилась на живот и протиснулась в дыру, которая почему-то стала намного уже. Забравшись в логово, я встряхнулась и завиляла хвостом.

Взрослых котов охватило уже знакомое мне чувство паники, по всему было видно, что они видят во мне угрозу. Это я-то угроза? Когда я направилась к укрытию в стене, они дружно, словно стая, бросились к дыре.

– Ага! – послышался крик Лукаса.

Я ткнулась носом в трещину, но не могла протиснуться через нее в укрытие. Я втянула воздух – Мама-Кошка была там, прячась в темноте. Я завиляла хвостом. Потом почувствовала, как она расслабилась и подалась вперед, и ее нос на мгновение коснулся моего. Она замурлыкала.

– Белла! Ко мне!

Я повернулась. Я так хотела, чтобы моя мама пошла со мной, но знала – она этого не сделает.

Когда я протиснулась через дыру обратно на свет, Лукас был очень рад. Он немного приподнял края одеял с земли, и я увидела сквозь них двух сердитых котов, которые злобно смотрели на него.

– Поймал сетями двух из них! – сказал он мне, широко улыбаясь. Я была счастлива, потому что он был счастлив.

Вернувшись домой, Лукас посадил котов в коробку. Они принялись жалобно мяукать, и в их громких голосах звучал страх. Я с любопытством обнюхала крышку коробки, и, пока я делала это, они вдруг затихли совсем.

– Тебе бы хотелось загнать этих котов на какое-нибудь дерево, да, Белла?

Я завиляла хвостом, подумав, что он, быть может, разрешит мне с ними поиграть. Может быть, тогда они стали бы менее ворчливыми.

Прямо перед ужином зазвонил звонок. Я, как и положено, залаяла и увидела, что Лукас явно недоволен тем, что в дверь звонят.

– Перестань! Прекрати лаять! – закричал он, вероятно для того, чтобы дать понять человеку, стоящему за дверью, чтобы он уходил. Я залаяла опять. – Хватит! – резко крикнул он. Лукас шлепнул меня по заду, и я

уоставилась на него в недоумении. Мы все кричали и лаяли, потому что раздался звонок, так почему он вдруг рассердился на меня?

Я завиляла хвостом, учуяв запах женщины, стоявшей на крыльце. Это была Одри. Она была ужасно рада видеть меня и сказала, что я хорошая собака и большая собака, а потом взяла коробку с котами и унесла ее. Я подумала, что она, наверное, отнесет их обратно в логово, и тогда я смогу повидать их, когда Лукас опять разрешит мне туда залезть.

В воздухе все еще витал слабый запах котов в коробке, когда Лукас сказал:

– Я, пожалуй, почитаю, – и мы с ним улеглись на его кровать. Рядом с ним стояла тарелка, от которой исходил такой изумительный аромат, что у меня чуть не закружилась голова. – Что, хочешь сыру, глупая ты собака? – Лукас держал между пальцами кусочек чего-то ужасно вкусного, и я замерла, пристально глядя на этот кусочек. – О господи, да ты от радости сама не своя – а ведь это всего лишь крохотный кусочек сыра!

* * *

На следующий день Мамуля привела меня домой с прогулки. Когда она стала отстегивать мой поводок, я почувствовала, что с ней что-то не так. От нее исходило какое-то новое, не знакомое мне чувство, и пот на ее коже пахнул совсем не так, как всегда. Я тревожно ее обнюхала.

– Ты хорошая собака, Белла, – прошептала она, но смотрела она при этом вовсе не на меня, а куда-то вдаль. – Ох, я чувствую себя как-то чудно.

В конце концов она села и стала «Смотреть Телевизор». Обычно, когда приходило время «Смотреть Телевизор», Лукас и Мамуля садились на диван и гладили меня, так что мне это нравилось. Но сейчас все было иначе, потому что с Мамулей было что-то не так. От нее по-прежнему пахло чем-то плохим, и, когда она положила руку мне на голову, рука была напряженной и тряслась. Я испытывала такую тревогу, что спрыгнула с дивана и свернулась калачиком у ее ног, но уже в следующее мгновение залезла обратно. Потом опять спрыгнула на пол, тяжело дыша, и пошла лакать воду. Вернувшись, я села и тревожно ткнулась носом в ногу Мамули. Я не знала, что именно с ней неладно, но чувствовала, что ей становится все хуже.

– В чем дело, Белла? Тебе нужно «Сделать Свои Дела»? Но мы же только что выходили на улицу.

Она пошла на кухню и достала коробку с лакомствами. Мне всегда

ужасно нравилось слушать, как она или Лукас достают эту коробку из буфета, но сейчас, когда Мамуля подошла к лестнице, ведущей в подвал, и открыла дверь, мне было не по себе. Им с Лукасом нравилось кидать лакомства в подвал, чтобы я сбегала за ними по лестнице, а потом поднималась обратно в дом. Обычно один из них при этом говорил: «Это хороший моцион». Я не знала, что это значит, и не понимала почему, если они хотят угостить меня лакомством, нельзя просто дать мне его с руки или отдать всю коробку сразу. Но на этот раз я чувствовала, что лучше не оставлять ее одну рядом с этой лестницей, хотя она и бросила вниз пару вкусных кусочков.

– Белла? Что с тобой? Ты что, не хочешь лакомства?

Даже звук ее голоса пугал меня. Я заскулила.

– Белла, беги! Съешь свои лакомства!

Мне было ясно, чего она от меня хочет, и эти лакомства, лежащие внизу, манили меня, испуская дразнящий аромат. Я сбежала вниз, чувствуя, что нам сейчас нужен Лукас. Всякий раз, когда происходило что-то неладное, Лукас приходил и все исправлял.

В спешке проглотив лакомства, я вдруг услышала сверху ужасный шум и почувствовала шевеление воздуха.

В ужасе я помчалась обратно наверх. Мамуля, скорчившись, лежала на полу. Она издавала какие-то тихие звуки, и ее руки касались лица и тряслись.

Я не знала, что мне делать. Я попробовала было положить голову ей на плечо, чтобы она успокоилась, но оно было напряженным и жестким и не расслабилось.

Я лаяла и лаяла. Немного спустя Мамуля перестала так трястись, но ее губы шевелились, и она продолжала тихо стонать.

Я никогда еще не была так рада тому, что могу чувствовать, как возвращается Лукас. Он скоро будет дома. Я лихорадочно ждала его, когда наконец почуяла, как расцветает его запах, и входная дверь распахнулась.

– Белла! Почему ты лаяла? В доме лаять нельзя! Мамуля? Привет, ты где?

Я отбежала от Лукаса и бросилась за угол, где на полу лежала Мамуля. Когда я увидела, что он не пошел вслед за мной, я побежала обратно. Он был на кухне и выдвигал ящики из буфета.

– Коробки с твоими лакомствами тут нет. Мамуля давала тебе лакомство? Она что, вздремнула?

Я залаяла.

– Эй! Белла, нельзя!

Я побежала обратно к Мамуле. Лукас все еще был на кухне. Я стояла над Мамулей и лаяла.

– Белла! Замолчи! – Лукас зашел за угол. – Мамуля! – Он подбежал к ней, нагнулся и потрогал ее шею. Потом выпрямился. Я ткнулась носом в щеку Мамули. Лукас схватил телефон и спустя мгновение начал громко говорить. В его голосе звучал страх. – Пожалуйста, поспешите! – крикнул он.

Вскоре в наш дом вошли несколько мужчин и женщин. Я чуюла их запахи, но Лукас запер меня в своей комнате, так что я не могла их видеть. Сначала было много шума, потом входная дверь закрылась, и все стихло.

Я осталась одна, и мне было страшно. Мне был нужен Лукас, но я понимала, что он ушел вместе с теми другими людьми. Я не могла взять в толк, что происходит, но знала, что Лукасу было страшно и что Мамуля не проснулась, когда он дотронулся до ее шеи. Весь свой страх я вложила в свой голос и принялась выть и скулить, царапая пол спальни, а потом залаяла, чтобы люди узнали, что меня бросили одну, что мне страшно и что мне нужно, чтобы ко мне пришел какой-нибудь человек и помог.

Но никто не пришел.

* * *

Я так тосковала по Лукасу, что не могла думать ни о чем, кроме как о его руках на моей шерсти. Мне не будет покоя, пока он не придет домой и не выпустит меня из спальни. Свет, лившийся в окно, потускнел, я почуяла, как воздух на улице изменился, как день превратился в ночь, но все это было очень-очень давно. Сейчас было то время ночи, когда пугливые ночные животные шуршат в высокой траве, когда птицы молчат, а машины проезжают редко-редко с шелестящим звуком, и их огни на миг освещают занавески. Где же Лукас?

Я была плохой собакой. Я уже научилась делать «Делай Свои Дела» на улице, но сейчас у меня просто не было выбора, и я пошла в угол и наложила там кучу. Я знала, что Лукас придет домой и будет кричать на меня: «Нельзя»! На полу я нашла длинную жесткую штуку, которую можно было грызть, и уже изгрызла ее в клочья, когда наконец почувствовала, что он возвращается, и услышала ни с чем не сравнимый звук его шагов, приближающихся к дому. Я в неистовстве прыгала, повизгивая, когда он открыл входную дверь и наконец-то, наконец-то прошел по прихожей и подошел ко мне.

– О Белла, прости меня. – Он наклонился к моей морде, чтобы я могла облизать его лицо. Я съежилась, когда он принес газет и воды, чтобы убрать кучу, которую я наложила в углу, но он не стал на меня кричать. Он подобрал с пола длинную штуку, которую я изгрызла. – Что ж, мне все равно никогда не нравился этот ремень. Давай, Белла, пошли гулять.

Гулять! Небо начало светлеть, и, пока мы шли по улице, я слышала птиц и чуяла запахи Мамы-Кошки и других собак и людей.

Я надеялась, что мы пойдем в парк. Мне хотелось весело бегать, гоняясь за белками, и забираться на горку, а еще играть, играть!

– У нее был еще один эпилептический припадок, – сказал Лукас. – У Мамули не было их уже давно. Мы думали, что благодаря лекарствам это больше не повторится. Я ужасно беспокоюсь, Белла. Врачи даже точно не знают, что их вызывает.

Я чувствовала, что ему грустно, но не понимала почему. Как можно грустить на прогулке?

Мамуля не вернулась домой ни в этот день, ни на следующий. Когда Лукас ушел, чтобы «Идти на Работу», он оставил меня в вольере, и я лаяла и лаяла, выражая лаем владевшие мною чувство бессилия и страх. Почему Лукасу надо уходить? Почему Мамули нет дома? Она когда-нибудь вернется? Лукас когда-нибудь вернется? Я буду хорошей собакой и буду «Сидеть» и приносить успокоение, если все просто придут домой и выпустят меня из вольера.

* * *

Я была вне себя от радости, когда Лукас и Мамуля вошли в дом вместе. Я лаяла и скулила, потому что мне отчаянно хотелось, чтобы они наконец выпустили меня из вольера. Когда Лукас отпер дверцу вольера, я, едва мазнув языком его лицо, бросилась в гостиную и залезла на диван, где лежала Мамуля. Она рассмеялась, когда я облизала ее щеки.

– Лежать, Белла, – велел мне Лукас.

Мне не понравилось, что он сказал «Лежать». Но когда он хлопнул в ладоши, я поняла, что, если я не спрыгну вниз и не лягу, он рассердится, и нехотя спрыгнула на пол. Мамуля протянула руку и погладила меня по голове, что было почти так же приятно, как лежать рядом с ней на тахте.

– Так что говорится в извещении о выселении? – спросила Мамуля.

– Там сказано, что, заведя собаку, мы нарушили условия договора аренды. У нас есть три дня, а потом они вызовут инспектора из отдела по

контролю за животными и начнут процедуру выселения. – Голос Лукаса был мрачен. Мне хотелось подойти к нему, чтобы утешить его, подарить ему успокоение, но мне также хотелось остаться на месте, чтобы Мамуля продолжала меня гладить.

– Я видела здесь и других собак, – сказала Мамуля.

– Верно. Собаки могут приходить к жильцам на время, но думаю, кто-то сказал управляющему, что Белла лает уже пару недель.

– Кто это был?

– Он мне не сказал.

– Не понимаю почему, если мы все хотим жить дружно, как добрые соседи, этот человек не мог просто прийти к нам и поговорить.

– Знаешь, Мамуля, ты иногда вселяешь в людей страх.

Они какое-то время молчали. Я ткнулась носом в руку Мамули, когда она вдруг перестала меня гладить.

– Мы не можем переехать, Лукас, – тихо сказала она.

– Я знаю.

– Отсюда ты можешь ходить на работу пешком. И на то, чтобы уладить все формальности с переводом моей субсидии на оплату квартиры на другой адрес, понадобится больше трех дней. К тому же это единственное жилье, которое мы можем себе позволить. И откуда мы возьмем деньги на страховой депозит?

– Но теперь у меня есть работа, Мамуля. Может быть, мы сможем позволить себе платить за квартиру больше.

– Я хочу, чтобы ты откладывал эти деньги на университет, – ответила она.

– Я и откладываю. Но для этого и нужны сбережения – чтобы тратить их, когда возникают непредвиденные расходы.

– Не могу поверить, что нас заставят съехать.

Они снова замолчали. Я подошла к Лукасу, я почувствовала, что его что-то гнетет, хотя и не понимала почему – ведь мы наконец все собрались вместе в нашем доме. Я свернулась у его ног.

– Что же нам делать, Лукас?

– Я что-нибудь придумаю.

* * *

На следующий день после того, как Мамуля вернулась домой, она приложила телефон к щеке. Лукас смотрел на нее, а я грызла резиновую

палку, которая называлась «косточка». Я знала, что есть и другие штуки, которые называют «косточки», и они нравились мне куда больше.

– Именно это я и пытаюсь вам сказать. В этом извещении ошибка. У меня нет собаки, – сказала она.

При звуке слова «собака» я подняла голову. Что она пытается мне сказать? Я посмотрела на Лукаса, но он по-прежнему не сводил глаз с Мамули.

– Ко мне приходил на время щенок, но лично я не имею собаки. – Услышав слово «собака» опять, я снова посмотрела на Мамулю. – Да, вот именно. Большое спасибо. – Она положила телефон на тахту. – Я им не солгала. Лично я не имею собаки. Белла твоя собака.

Я принесла косточку Мамуле, подумав, что она, наверное, хочет бросить ее в подвал, чтобы я сделала «Хороший Моцион».

Лукас усмехнулся.

– Прекрасный юридический аргумент.

Мамуля даже не попыталась взять у меня косточку.

– Но проблема сама собой не рассосется. Рано или поздно нас застукают, – сказала она.

– А может быть, и не застукают. Я буду выводить Беллу гулять только в предрассветное время и после захода солнца. В эти часы никто из персонала не работает. И уверен, соседям будет все равно, если только она не будет лаять. А как только мы окажемся на улице, кто сможет сказать, что я живу в этом доме? Я могу с таким же успехом просто идти мимо, выгуливая свою собаку.

Я не понимала, о чем они говорят, но мне нравилось слышать звук своего имени и слово «собака».

– Но что, если мне придется пойти в клинику? Ты не сможешь каждый раз отпрашиваться ради этого с работы. Я могу ходить на сеансы групповой психотерапии по вечерам, но больше ничего не смогу сделать.

– Может быть, мы сможем нанять кого-нибудь, чтобы сидеть с Беллой, пока нас не будет дома.

– И отказаться ради этого от чего, от покупки еды?

– Мамуля!

– Я просто хочу сказать, что мы не можем себе этого позволить.

– Согласен.

Я удовлетворенно вздохнула.

– Мне очень жаль. Не знаю, как нам удастся сделать так, чтобы нас не застукали. Ведь когда-нибудь, и, наверное, уже скоро, нам придется оставить ее в доме одну, а когда это произойдет, она начнет лаять.

Глава 6

Все следующие два дня мы играли в две новые игры. Одна называлась «Не Лай». Моей работой всегда было оповещать всех, когда я понимала, что за входной дверью кто-то есть. Как правило, я чуяла или слышала, что к двери подошел человек еще до того, как звенел звонок, и лаем оповещала об этом всех, кто был дома, для их же пользы. Иногда Лукас и Мамуля присоединяли свои голоса к моему, крича тому, кто стоял за дверью:

– «Перестань»! или «Замолчи»! Но когда мы играли в «Не Лай», Лукас становился в дверях, высовывал руку наружу, звенел звонок, а потом он строго говорил мне: «Не Лай» и рукой зажимал мою пасть. Мне совсем не нравилась эта игра, но мы играли в нее снова и снова. Потом Мамуля выходила на улицу, пока Лукас сидел в гостиной, и стучала в дверь, хотя обычно в нее звонили, но Лукас все равно говорил: «Не Лай». Все было так, будто они не хотели, чтобы я делала свою работу!

Игра «Не Лай» была очень похожа на игру «Ждать», которая мне тоже была не по душе. Когда Лукас говорил: «Ждать», я должна была сесть и не двигаться с места, пока он не вернется и не скажет мне: «Отдыхай». Иногда он давал мне лакомство и говорил: «Хорошо выполнила команду Ждать», и эта часть мне нравилась, но «Ждать» все равно требовало концентрации и было утомительным и скучным. Человеческие существа, похоже, не чувствуют, как течет время, и не понимают, какого удовольствия они лишаются, когда их собаке приходится просто сидеть и не играть. То же самое относилось и к «Не Лай». Я была хорошей собакой, только если помнила, что должна поступать так всегда. Когда кто-нибудь звонил в дверь и я выполняла команду «Не Лай», Лукас мог дать мне лакомство, а мог и не дать. Это меня выматывало, и я продолжала надеяться, что он позабудет об игре «Не Лай», но он все повторял и повторял эту игру, и Мамуля тоже.

Намного интереснее была игра «Иди Домой». Это означало, что Лукас сейчас отстегнет от ошейника мой поводок, и после этого я должна побежать к нашему дому и улечься перед входной дверью. Лукас настаивал, чтобы я все время ложилась именно там, где он хотел.

– Нет, ты должна лежать вот здесь, на этом пяточке, Белла. Здесь, где тебя не видно с улицы. Поняла? – Он хлопал по бетону до тех пор, пока я не ложилась, и давал мне лакомство. Когда мы делали «Иди Домой», я была хорошей собакой, и мне давали еду. Но когда я выполняла «Не Лай», я не чувствовала себя хорошей собакой, даже если Лукас давал мне лакомство.

– Она все поняла. Если мне это понадобится, она прибежит напрямик домой и ляжет у стены под живой изгородью, где ее никто не сможет увидеть, – сказал Лукас Мамуле.

Мамуля погладила меня по голове.

– Она хорошая собака.

Я завиляла хвостом.

– Но ей все еще трудно выполнять команду «Не Лай», – продолжал Лукас.

Я заскулила.

Мне больше всего на свете хотелось, чтобы Лукас говорил мне, что я хорошая собака, – это и еще «Крохотный Кусочек Сыра», что означало, что Лукас меня любит и дает мне вкуснейшее лакомство.

Несколько раз Лукас закрывал меня в вольере и клал передо мной телефон. Но телефон был мне неинтересен.

– «Не Лай», – строго говорил Лукас. Потом он и Мамуля выходили за дверь. Мне становилось одиноко, и я начинала лаять, и тогда Лукас бегом возвращался в дом, чего я и хотела! Но он всякий раз сердился на меня и несколько раз повторял мне: «Не Лай», не выпуская меня из вольера и даже не глядя меня, несмотря на то что я была безумно рада его видеть.

Я решила, что выполнять «Не Лай» еще более неприятно, когда ты заперта в вольере.

– По-моему, она по-прежнему не понимает, что от нее требуется, – сказал как-то вечером Лукас, обращаясь к Мамуле. В этот день мы ходили гулять в парк и играли с мячиком, и я чувствовала себя восхитительно сонной.

– Но она больше не лает, когда звенит звонок, – ответила Мамуля.

– Верно. Когда звенит звонок, Белла теперь ведет себя как хорошая собака.

Я сонно постучала хвостом по полу. Да, я была хорошая собака.

– На завтра я записана к невропатологу, – сказала Мамуля.

– Может быть, мне сказаться больным? Мы не можем рисковать, оставляя ее одну.

– Нет, Лукас, ты не должен отпрашиваться с работы.

Я завиляла хвостом при слове «Лукас» и встала на лапы на тот случай, если он собирается со мной погулять.

– Не знаю, что еще можно придумать, – мрачно сказал он. – Тебе нельзя пропускать этот визит к невропатологу, ведь чтобы попасть к нему на прием, нужно ждать целую вечность.

Я села и посмотрела на Лукаса, моего человека, насторожившись,

несмотря на усталость. Что-то было не так – и он, и Мамуля были очень, очень напряжены.

Я выполнила «Ждать» и, как хорошая собака, продолжала выполнять «Не Лай», но это, похоже, не помогло.

На следующий день рано поутру, примерно в то время, когда Лукас обычно делал «Идти на Работу», мы все втроем пошли гулять. Мне нравилось, когда мы гуляли вместе!

Едва выйдя из дома, мы, как всегда, перешли улицу. Я почуяла запах Мамы-Кошки, идущий из логова.

– Видишь? – сказал Лукас. – Теперь здесь новый забор. С обеих сторон нейлон, так что нельзя упереться носком и перелезть. А новая сетка сделана из толстой проволоки, которая приварена прямо к столбам. Чтобы ее перерезать, понадобились бы промышленные ножницы для болтов.

Мамуля нахмурилась.

– Погоди, стало быть, ты все-таки резал старый забор?

– Нет. Гантер заявлял, что я его резал, но мне ни разу не пришлось этого делать. Я просто разматывал проволоку с помощью плоскогубцев.

– Рада это слышать. А ты не мог бы подпрыгнуть, ухватиться за верхнюю кромку и, подтянувшись, залезть на нее и соскочить с той стороны?

– Может быть, и смог бы. – Лукас кивнул. – Но тогда Белла все равно осталась бы на внешней стороне забора, а мне нужно, чтобы она залезла в подпол и выгнала оттуда кошек прямо в мою сеть.

– А если внутрь залезешь ты сам, ты сможешь набросить на них сеть?

– Вероятно. Можно попытаться.

– А что, если с тобой туда залезу и я?

Лукас усмехнулся.

– Мамуля, там внутри довольно мерзко.

– Думаю, я видала места и похуже.

– Очень может быть.

– А кошки хоть могут сами выбираться за пределы двора? – Мамуля пощупала ткань, которой был покрыт забор. – Сдается мне, они могут вскарабкаться по этому нейлону.

– Наверное, да, но они прорыли лаз в задней части двора, еще когда здесь стоял старый забор, прорыли там, где нижняя часть его рамы была погнута. Так что, скорее всего, они входят и выходят именно там.

– Как ты думаешь, зачем он установил новый забор? – спросила Мамуля.

– По правде говоря, наверное, затем, чтобы не дать мне изловить

остальных кошек. Этим он как бы говорит мне, что может помешать мне их спасти и что я ничего не смогу с этим поделать.

– Ничего не скажешь, красавец.

Мы подошли к дороге, по которой быстро мчалось множество машин. За каждой из них тянулся шлейф различных запахов, а с лужаек и кустов доносились чудесные ароматы, так что я то и дело останавливалась, чтобы по достоинству оценить их. Из-за заборчика на меня залаял белый пес, и мне захотелось подойти и обнюхать его, но я была на поводке.

Когда мы подошли к большому зданию, Мамуля оставила нас и пошла в другую сторону. Я то и дело останавливалась и смотрела ей вслед, но она продолжала идти и ни разу не обернулась. Это меня очень огорчило. Мы только что начали так замечательно гулять всей семьей, и вдруг зачем-то разделились. Я этого не понимала. Ведь мы должны были быть вместе! Я нервно заскулила.

– Перестань, Белла. Она просто пошла на прием к врачу. Когда он закончится, она придет за тобой. А мне надо идти на работу.

Я была сбита с толку, когда он сказал «Идти на Работу», что означало, что он уходит и оставляет меня дома с Мамулей. Но ведь сейчас мы гуляли.

Лукас подвел меня к двери, которая при открытии запищала. Он вошел, опасливо огляделся по сторонам, потом втащил меня внутрь за собой. Пол был очень гладким и пахнул разными химикатами и множеством людей, хотя вокруг никого не было видно. Это было очень хорошее новое место, особенно тогда, когда Лукас вдруг побежал по коридору! Лукас закрыл нас в маленькой комнатке, где стоял еще более сильный химический запах. Он встал на колени, и я радостно завиляла хвостом.

– Слушай меня внимательно. Тебе нельзя находиться здесь, в госпитале. Если тебя найдут, у меня будут большие неприятности. Возможно, меня уволят. Это ненадолго. Мама сейчас на приеме у врача. А мне надо идти на работу. Я приду к тебе, как только отмечусь и заступлю на свою смену. Прошу, «Не Лай», Белла. Пожалуйста.

Только не это. Он сжал рукой мою пасть и потряс ее.

– «Не Лай».

А ведь я и не лаяла.

Я была в полнейшем недоумении, когда он вышел и закрыл за собой дверь. И что теперь?

Может быть, это такая разновидность «Не Лай», в которой, когда я залаю, Лукас откроет дверь? Даже если он рассердится на меня, это все же лучше, чем быть оставленной одной в этом незнакомом месте. Я чуяла, что

за дверью его нет, но он находился где-то недалеко. Это было похоже на то, что я чувствовала, когда он подходил к дому все ближе и ближе, возвращаясь после «Идти на Работу». Так что хотя он и оставил меня, он был где-то в этом здании или недалеко от него. Но где? И куда подевалась Мамуля? Я заскулила. Не могли же они и впрямь захотеть оставить меня совсем одну в этой комнатке! Что-то тут было не так!

Я выполняла «Сидеть» как хорошая собака, уставившись на дверь и всем своим существом желая, чтобы она открылась. Из-за нее до меня не доносилось вообще никаких звуков. В конце концов, не имея сил терпеть это и дальше, я принялась лаять.

* * *

Лукас открыл дверь только после того, как прошло много-много времени, столько, что я успела гавкнуть много раз. Еще до того, как он открыл ее, я почуяла, что он здесь и что с ним еще один человек, а когда он вошел в комнату, за ним вслед вошла какая-то женщина. От нее пахло цветами и еще чем-то приятным и вкусным. Я была ужасно рада видеть Лукаса и прыгнула на него, упершись в него лапами, чтобы он наклонился и я могла поцеловать его в лицо. Мой человек вернулся ко мне! Теперь мы могли выйти из этой крошечной комнатки и, быть может, пойти в парк, где он даст мне лакомства.

– Ну что, видишь ее? – сказал Лукас женщине.

– Но ты же сказал мне, что это щенок! А она уже вполне взрослая. – Женщина нагнулась и протянула мне руку, от которой слегка пахло чем-то сладким. Я нежно облизала ее пальцы, и она сразу же ужасно мне понравилась, потому что они были такие сладкие.

– Нет, она все еще щенок, ей где-то восемь месяцев от роду. Ветеринар сказал мне, что она родилась в марте или в начале апреля.

Женщина почесала меня за ушами.

– Знаешь, когда у парня есть щенок, это здорово действует на девушек. – Я прижала голову к ее руке.

– Я что-то об этом слышал.

Женщина выпрямилась.

– Но не на меня.

– Неужели? А ведь я взял к себе Беллу именно ради того, чтобы произвести впечатление на Оливию из отдела техобслуживания.

– Последнее время я стала замечать, что ты делаешь вообще все

именно ради этого.

– Должно быть, мой метод все-таки действует, если ты начала это замечать.

– Я также заметила, что мусоропровод опять засорился. Прежде всего я замечаю именно это. Мой главный приоритет.

– Хорошо знать, какое место я занимаю в списке твоих приоритетов.

– Так что ты намерен делать? Ты же знаешь, если тебя застукают здесь с собакой, то уволят. В электронном письме доктора Ганна с перечнем миллиона тех вещей, которые его сотрудники ни в коем случае не должны делать, не-приводи-на-работу-свою-собаку вроде как стоит на одном из первых мест.

– Я тут подумал, ты же из отдела техобслуживания здания, а эта подсобка находится в вашем ведении, так, может быть, ты смогла бы заняться здесь уборкой или еще чем-нибудь и потратить на это где-то около часа? Просто чтобы составить компанию Белле, и тогда она не будет лаять.

– Ничего себе. А с какой стати ты решил, что я тебе вообще что-то должна?

– Не мне. Сделай это ради собаки.

– Белла, – сказала женщина, глядя меня по голове, – твой папочка просто нахал.

– Ты же говорила, что я ботан. По-моему, одно с другим не сочетается.

– О, твой случай – исключение.

– Значит, ты находишь меня исключительным?

Женщина рассмеялась.

– В тебе нет ни капли того, что я считаю исключительным. Или удивительным. Или интересным.

– Тут ты не права. На самом деле я очень удивительный.

– Да ну?

– Честное слово.

– Ну, тогда скажи мне про себя хоть что-нибудь, что могло бы меня удивить.

– Идет. – Лукас на мгновение замолчал.

– Вот видишь.

– Ну ладно, а как насчет вот этого – я живу напротив кошачьего дома.

– Что? – женщина рассмеялась.

– Я же тебе говорил. Я полон сюрпризов.

– Ну хорошо, но я все равно не могу проторчать здесь целый час. Я не такая, как ты, – я не могу все время бегать, находясь незнамо где и не занимаясь ничем путным. У меня есть начальница, и она, скорее всего, уже

гадает, куда это я запропастилась.

– Но именно это и было ставкой в нашем споре. Я тебя удивлю, а ты присмотришь за моей собакой.

– Никакого спора не было. Я ничего не делаю на спор.

– Ну да. Но если меня застукают здесь с собакой, то уволят нас обоих.

Послышался стук в дверь. Мне показалось, что к такому случаю «Не Лай» не относится, и я дала Лукасу знать, что там кто-то есть. Он и женщина застыли, уставившись друг на друга.

* * *

Когда Лукас открыл дверь, я увидела, что за ней стоит худой мужчина. От его ботинок пахло землей и травой, и у него были длинные волосы и волосатое лицо. Я подалась вперед, чтобы поприветствовать его, но путь мне преградил вставший перед моим носом Лукас.

– Надеюсь, я не прерываю ваше свидание, – с иронией сказал он.

– Ему бы хотелось, чтобы это было свидание, – ответила женщина. – Он только об этом и думает.

Лукас рассмеялся.

– Привет, Тай. Оливия затащила меня в эту подсобку. Ты явился как раз вовремя, чтобы спасти меня от нее.

– Так что же это за лай я слышал с того конца коридора? – Мужчина сел на корточки, и я подошла к нему, виляя хвостом. – Неужели в госпитале Администрации по делам ветеранов завелась собака? Не может быть. – У него были ласковые руки, и от них пахло кофе и разными людьми.

Лукас вскинул руки, потом опустил их.

– Мы не можем оставить ее в доме одну. Когда ее оставляешь одну, она лает, а в компании, у которой мы арендуем квартиру, нам сказали, что если застукают нас с собакой, то выселят, а Беллу отправят в приют для бездомных животных. Я понимаю, что это против правил, но я просто не знал, что еще можно предпринять.

– Так что он решил попросить меня присмотреть за Беллой в этой подсобке, – добавила женщина.

– Только пока моя мать не вернется от врача.

– Он вечно впадает в панику, – сказала женщина. – Пусть он и на два года старше меня, но я куда взрослее.

– Что ж, думаю, у меня есть решение для этой проблемы, – объявил мужчина. – Я просто возьму Беллу с собой в отделение.

– А если об этом узнает доктор Ганн? – с тревогой в голосе спросил Лукас.

– Доктору Ганну приходится руководить всем этим госпиталем в условиях жесточайшей нехватки финансирования, и у него просто нет времени, чтобы выследить собаку, которая зашла в гости. К тому же, я думаю, нам удастся пару часов держать пребывание здесь Беллы в тайне.

Мужчина взял мой поводок и начал водить меня по другим комнатам. Пол в них был застелен жестким ковром, и кругом стояли кресла, на которых сидели люди. От ковра пахло людьми, химикатами и едой, но там не было запахов собак. Мне не нравилось, что меня увели от Лукаса, но все люди здесь любили меня, гладили и произносили мое имя. Многие из людей были старыми, но не все были рады меня видеть. Кресла были мягкими, когда я клала на них голову, чтобы люди могли погладить мои уши.

Я узнала, что мужчину, который водит меня по комнатам, зовут Тай. Он был очень хороший и дал мне немного курицы, хлеба и яичницы. У одной женщины, ее звали Лейла, дрожали руки, когда она гладила меня по голове.

– Хорошая собака, – шепнула она мне на ухо.

Потом один мужчина дал мне ложку соуса, такого восхитительного, что мне захотелось от удовольствия лечь на спину и покататься по полу.

– Не корми ее десертом, Стив, – сказал Тай.

Мужчина опять засунул ложку в соус.

– Ванильный, – сказал он. Соус находился в пластмассовой баночке, которая стояла на столике рядом с его мягким креслом, и там же стояла горящая лампа, которая нагревала еду, так что от нее шел сладкий аромат. Я смотрела на руку мужчины так же пристально, как когда я видела перед собой «Крохотный Кусочек Сыра». Ложка опустилась, и я облизнулась, ожидая, пока она не опустится достаточно низко, чтобы я могла осторожно взять лакомство у мужчины.

Тай постучал пальцем по спинке кресла, на котором сидел этот мужчина.

– Ну все, Стив, это последняя ложка, – сказал он.

Мужчину с соусом звали Стив.

– Эта собака напоминает мне бульдога-полукровку, который был у меня в детстве. Можешь приходить сюда, когда захочешь, Белла. – Я облизала его пальцы.

Тай пожал плечами.

– Не уверен, что это возможно, Стив. Если доктор Ганн проведает, что

здесь побывала Белла, с ним случится истерика.

– Ну и пусть. – Голос Стива зазвучал резко, и он сжал клок моей шерсти в кулаке. Я посмотрела не него, не понимая, в чем дело. – Он понятия не имеет, что нам приходится терпеть.

Тай погладил меня по голове.

– Да нет, Стив, он хороший человек. Просто у него забот полон рот, а тут ему еще и спускают сверху кучу всяких правил.

Стив разжал кулак и отпустил мою шерсть.

– Ну что ж, ладно. Тогда просто ничего ему не говори.

– Хм. – Тай потер рукой подбородок.

– Еще ложечку. – Стив повернулся в своем кресле, взял со столика ложку, и я уставилась на него, не мигая.

– Нет, хватит. Нам пора идти. – Тай потянул за поводок, и я нехотя пошла за ним, то и дело оборачиваясь и бросая жалобные взгляды на Стива. – Ты хорошая собака, Белла. Я хочу кое с кем тебя познакомить.

Тай подвел меня к мужчине, сидящему в большом широком кресле у окна. Его звали Мак, у него не было на голове волос, и руки у него были такие мягкие, когда он провел ими по моим ушам. У него была очень темная кожа, а от его пальцев пахло мылом и немножко беконом.

Маку было грустно, так же грустно, как иногда бывало Мамуле, – это была тоска, смешанная с отчаянием и страхом. Я вспомнила, как леглась рядом с Мамулей, когда на нее накатывали такие чувства, и я положила передние лапы на кресло Мака, а потом залезла вся, чтобы побыть с ним.

– Ух ты! – Тай рассмеялся.

С подушек кресла поднялась пыль, и я глубоко вдохнула ее. Мак крепко обнял меня и долго не отпускал.

– Как дела, Мак? Держишься?

– Ага, – сказал Мак. Он произнес только одно слово. Но я чувствовала, что чем дольше он прижимает меня к себе, тем слабее становится терзающая его боль. Я была хорошей собакой, делающей свою работу и приносящей успокоение Маку. Я была уверена, что Лукас это одобрит.

Наконец в комнату вошла Мамуля. Он обняла некоторых из сидящих в комнате людей.

– Тебе надо будет приводить сюда Беллу почаще, – сказал ей Тай. – Она имела умопомрачительный успех.

– Ну... посмотрим, – ответила Мамуля.

– Я серьезно, Терри. Если бы ты видела, как приободрился Мак.

– Мак? В самом деле?

– Можно минутку с тобой поговорить? – тихо спросил ее Тай.

Они отошли в угол, чтобы побыть со мной.

– Ты понимаешь, зачем большинство этих ребят приходят сюда каждый день? – спросил Тай.

Мамуля посмотрела на людей, сидящих в креслах.

– Чтобы побыть с такими же, как они сами.

– Верно, но только отчасти. Дело в том, что им, кроме всего прочего, просто некуда больше идти. В отличие от тебя у них нет сыновей, о которых нужно заботиться.

– Заботиться, – медленно проговорила Мамуля. – Не уверена, что я так уж забочусь о нем. В основном это он обо мне заботится.

– Усек. Я просто хочу тебе сказать, что когда они узнали, что вы с сыном тайком привели сюда собаку, это дало им чувство, что они кому-то нужны. Знаешь что? Дай им одержать какую-никакую победу. Они все солдаты, и им будет полезно почувствовать, что они снова ведут бой, даже если это будет всего лишь восстание против глупого запрета на собак. Почему бы завтра тебе не привести ее сюда опять?

– Ну, не думаю, что это хорошая идея. Если доктор Ганн об этом узнает, положение Лукаса окажется...

– Он ничего не узнает, – перебил ее Тай. – Мы спрячем Беллу и от него, и от всех прочих, кто стал бы возражать. Ну как, согласна? Давай сделаем это, Терри.

* * *

На следующий день, когда Лукас собрался «Идти на Работу», мы с Мамулей пошли с ним! Меня опять отвели в большую комнату, где в креслах сидели мои друзья, и Мамуля тоже села и стала с ними говорить. Все были очень рады меня видеть.

На этот раз у мужчины по имени Стив не было с собой потрясающе сладкого соуса.

– Хочешь пирожного? – сказал мне он.

Это было чудесно. Мне понравился Марти, который немного поборолся со мной на полу. И Дрю, у которого не было ног, но который покатал меня на своем кресле, как будто на машине. Я сидела у него на коленях и виляла хвостом, и все смеялись. Правда, пахло при этом не так, как когда катаешься на машине. Мне нравилось прижиматься к Дрю, когда он вел свое кресло. Может быть, когда-нибудь Лукас будет водить машину, и тогда он позволит мне сидеть у него на коленях? Это был замечательный

день. Все тискали меня и дарили мне лакомства и свою любовь.

Я выполняла «Сидеть» для Джордана, который давал мне маленькие кусочки гамбургера один за другим, когда Лейла сказала:

– Сюда идет доктор Ганн! – и Тай подхватил меня и отнес на диван, где сидел Мак.

– «Лежать», Белла! – сказал мне Тай. Мак протянул руки и прижал меня к себе, и я легла рядом с ним, чтобы дать ему успокоение. Кто-то накрыл меня сверху одеялом. Я не могла понять, в чем суть этой игры, но всякий раз, когда я чуть-чуть шевелилась, Мак клал на меня руку и заставлял лежать смиренно. Его сердце колотилось часто-часто.

– Доктор Ганн, – громко сказал Тай, – можно попросить вас подключить сюда еще несколько кабельных каналов вдобавок к тому, по которому передают погоду?

Слышала я другие голоса. Я лежала смиренно, прижавшись к Маку.

– Хорошая собака, – похвалил он меня так тихо, что я едва его расслышала.

Когда с меня сняли одеяло, люди захлопали в ладоши и стали говорить мне, что я хорошая собака, и я в радостном волнении виляла хвостом.

Позднее я узнала, что женщину из подсобки зовут Оливия. Она пришла проведать меня и дала мне несколько кусочков еды и говорила с Мамулей.

В тот вечер Мамуля произнесла ее имя несколько раз.

– Почему бы тебе не пригласить ее куда-нибудь? – спросила она Лукаса.

Я принесла мячик и теперь не сводила с него глаз, надеясь, что Лукас покатает его по полу.

– Ну, не знаю. Она ведь меня терпеть не может.

– Если бы она тебя терпеть не могла, то игнорировала бы, а не дразнила.

– Она меня вовсе не дразнит. Мы с ней просто совсем разные. Она вроде как гот. Оливия называет меня Типичным Американским Занудой и говорит, что я для нее – лекарство от бессонницы.

Мамуля мгновение помолчала.

– Это, случайно, не из-за меня?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты не можешь присматривать за мной постоянно, а если бы и мог, мне бы это не понравилось. Для матери нет ничего хуже, чем быть для своего ребенка обузой. Если ты от всего отказываешься из-за меня, это значит, что вся моя жизнь прожита зря.

– Не говори так!

– Я говорю это не потому, что меня изводят мрачные мысли, а потому что это правда. Тебе известно, что я больше всего на свете сожалею о том, что бросала тебя. Я оставила тебя одного, когда пошла в армию, и едва не покинула насовсем, когда попыталась покончить с собой. Но теперь все это для меня в прошлом, Лукас. Я больше никогда тебя не брошу, и я хочу только одного – чтобы у тебя было будущее. Пожалуйста, поверь мне – для меня нет ничего важнее этого.

– Хорошо, хорошо, Мамуля, только и ты поверь – у меня есть будущее. Меня ждет замечательное будущее. И я ничему не позволю этому помешать.

Немного спустя Мамуля ушла, а мы с Лукасом пошли кормить кошек. Вместо того чтобы повести меня прямо к логову, Лукас привел меня к задней части двора, где под забором был прокопан лаз. От земли и забора здесь исходили запахи сразу нескольких кошек, и я поняла, что теперь их в логове стало еще больше. Среди них была и Мама-Кошка. Лукас насыпал корм из пакета в миску и подсунул ее под забор.

– Придется им приходиться за едой сюда, – сказал он, словно с чем-то смирившись. – Я не могу подобраться к ним ближе. Я стала ждать, когда он толкнет забор, чтобы тот открылся, но вместо этого Лукас повел меня вокруг забора к передней его части, а потом остановился, глядя на что-то белое на темной ткани, которой забор был покрыт.

– Это извещение о сносе, Белла. Значит, ему все-таки удалось получить разрешение.

Я почувствовала, что Лукаса что-то гнетет, и посмотрела на него, гадая, что же это. Мы с ним побежали обратно к двери нашего дома и зашли внутрь. Мамули там не было. Лукас подошел к своему стенному шкафу и достал из него тонкие пахнущие кошками одеяла с деревяшками в углах, которые я у него уже видела. Потом схватил телефон и взялся за мой поводок.

– Ты готова, Белла?

Мы побежали через улицу обратно к забору.

– Эх, – сказал Лукас, – похоже, мой план не сработает. Даже если я сумею залезть вместе с тобой на забор, не знаю, как мне удастся спустить тебя на землю с той стороны так, чтобы тебя не покалечить. – Он потрепал меня по голове. – Тогда сделаем вот что. – Он отстегнул мой поводок от ошейника. Я завилыла хвостом. – Это будет для тебя хорошей практикой. Ну что, готова? Белла, «Иди Домой»!

Я знала, что должна делать. Я перебежала через улицу, а затем

свернулась калачиком именно на том месте, на котором мне надо было лечь. Это было так здорово!

И тут я услышала, как Лукас чем-то загромыхал, и подняла голову. Я знала, что должна продолжать играть в игру «Иди Домой», но ничего не могла с собой поделаться. Я увидела, что Лукас сидит на заборе, качаясь вместе с ним, а потом он исчез из виду с другой его стороны.

Мы никогда раньше не делали этого, когда играли в «Иди Домой». Обычно, он подходил ко мне и давал мне лакомство, или же Мамуля открывала дверь и давала мне лакомство. Вся суть игры «Иди Домой» состояла именно в том, чтобы кто-нибудь из них дал мне лакомство.

Я заскулила. Я ничего не понимала.

И тут из-за угла вдруг выбежала Мама-Кошка! И помчалась по улице. Это было чем-то совершенно новым и, похоже, означало, что «Иди Домой» отменяется.

Моя мама скрылась в темноте, но я могла легко найти ее по запаху.

И я радостно побежала вслед за ней.

Глава 7

Идя по следу Мамы-Кошки, я поднялась по склону до ряда домов с деревянными террасами, стоящих на выступе холма. Ее запах сильнее всего чувствовался под одной из этих террас – она укрылась в самой глубине, там, где земля почти смыкалась с досками. Я сумела заползти под террасу совсем немножко – дальше щель между досками и землей стала слишком узкой, чтобы я могла туда пролезть. Я засунула нос поглубже и вдохнула запах моей мамы. Понимает ли она, что я тут? Выйдет ли она ко мне?

Спустя мгновение ее запах стал сильнее, и я увидела ее. Она какое-то время смотрела на меня немигающими глазами. Я попятилась, отползла туда, где смогла встать, и она последовала за мной и, мурлыча, потерлась головой о мою шею.

Моя мама. Когда я была маленькой, я бесцеремонно возилась, боролась и кувыркалась с ней в нашем логове, но сейчас, хотя это место с его низким деревянным потолком было так похоже на то, где я родилась, я чувствовала, что будет неправильно опять пытаться с ней играть. Я была теперь слишком большой, а она – слишком хрупкой.

Мама-Кошка была частью той жизни, которой я жила до того, как встретила Лукаса. Ее запах напоминал мне о том времени, когда в моем мире не было ни людей, ни собак, а были одни только кошки. Теперь я лишь смутно помнила, какой была жизнь в логове, но от ее мурлыканья я испытала чувство безопасности и защищенности. Все запахи и звуки моей прежней жизни вернулись, такие же явственные, словно я опять лежала, прижавшись к ее боку, и рядом со мной лежали мои братики и сестрички – котята.

Ее дыхание пахло кормом, который давал ей Лукас. И я поняла, что, когда Лукас делал «Кормить Кошек», он давал им корм, не предназначенный для меня. Лукас заботился о Маме-Кошке. Забота о кошках была нашей с ним работой.

Мама-Кошка не понимала, какой чудесной может быть жизнь с таким человеком, как Лукас. Она боялась людей. И я знала, что, даже если я попытаюсь, я не смогу дать ей успокоения, чтобы она начала доверять его рукам, даже тогда, когда он приносит еду. Кошки отличаются от собак.

Когда я подумала о Лукасе, то почувствовала себя немножко плохой собакой. Я убежала без него, вместо того чтобы оставаться на моем месте у стены, хотя он сам поменял все, когда перелез через забор.

И я решила, что если я выполню «Иди Домой», то буду хорошей собакой. Я колебалась, прежде чем покинуть Маму-Кошку, потому что, если она останется здесь, как же Лукас найдет ее, чтобы покормить? Я хотела, чтобы она пошла за мной, но, поворачиваясь, чтобы уйти, я понимала, что она этого не сделает. Я сбежала вниз по склону холма, потом обернулась, чтобы посмотреть на нее. Она наблюдала за мной с вершины, и ее поднятый хвост лениво подрагивал.

Я подумала: увижу ли я когда-нибудь свою маму опять?

* * *

Я выполнила «Иди Домой». Когда я улеглась, свернувшись на моем особом месте, Лукас открыл дверь. Я бросилась к нему, подпрыгнула, чтобы он меня приласкал, но он вел себя со мной сурово и назвал меня плохой собакой. Я не понимала, что я сделала плохого, но видела, что он ужасно на меня сердит.

– Ты ни в коем случае не должна убегать, Белла. Ты всегда должна выполнять команду «Иди Домой».

Я услышала свое имя и поняла, что правильно поступила, когда выполнила «Иди Домой», но он почему-то все еще сердился. Я пошла к своей подстилке и плюхнулась на нее, испытывая тоску оттого, что Лукас так из-за меня расстроен.

Когда пришла Мамуля, я вскочила и завиляла хвостом, и она сказала, что я хорошая собака, я решила, что то, что произошло, уже в прошлом и меня опять все любят.

– Как прошло собрание группы? – спросил Лукас.

– Отлично. Сегодня все прошло просто великолепно. Все спрашивали меня о Белле: ее появление – это самое лучшее из всего, что происходило с ними в этом месте. У нее, похоже, завязались особые отношения с каждым. А как у тебя дела с кошками?

– Мне не удалось поймать ни одной, я только снял их на видео. Я также сделал снимок оповещения о сносе и все переслал Одри в приют, занимающийся помощью животным.

– Хорошая мысль. Может быть, она сумеет как-то помочь.

– Может быть, сумеет.

– Ты не мог бы переслать копию и на мою электронную почту?

– Конечно. И вот еще что – Белла сегодня убежала.

Услышав свое имя, я подняла глаза.

– Да ну? – Мамуля громко втянула ртом воздух. – Белла, ты убежала?

Я опустила глаза. Теперь я снова чувствовала себя плохой собакой, хотя понятия не имела, что же я сделала плохого.

– Я подумал, что это неплохая мысль – скомандовать ей идти домой и спрятаться у стены, где ее загораживает от прохожих живая изгородь, а я тем временем перелезу через забор. Мне хотелось поскорее попробовать поймать сетью какую-нибудь кошку, и я решил не тратить время на то, чтобы сначала отвести Беллу домой. Так что это моя вина. Когда я наконец оставил свои попытки загнать кошек в подполе в сеть и вернулся домой, ее нигде не было.

– Куда же ты ходила, Белла? – спросила Мамуля.

Я завиляла хвостом. Значит, я прощена? Судя по голосу Мамули, она на меня больше не сердилась. Я подошла к ней и подсунула голову под руку, и она погладила меня. Ура!

– Завтра я попробую еще раз, – сказал Лукас. Я подошла к нему, и он меня приласкал. На свете не было чувства лучше, чем ощущать себя хорошей собакой для Лукаса и для Мамули. Я побежала за мячиком и принесла его Лукасу, чтобы отпраздновать это дело.

Тем вечером незадолго до того, как лечь спать, мы с ним сыграли в «Крохотный Кусочек Сыра». Я так сосредоточилась, что дрожала, глядя на лакомство, пока он наконец не рассмеялся и не дал мне его.

Я была хорошей собакой.

В следующий раз, когда мы вышли, чтобы «Идти на Работу», земля была покрыта чем-то холодным, мокрым и чудесным.

– Снег! – сказал Лукас. – Это снег, Белла!

Я решила, что снег – это самая потрясающая вещь, которую я испытала в жизни с тех пор, как узнала, что такое «Крохотный Кусочек Сыра», и, может быть, также бекон. Я была все еще вся мокрая от него, когда у большого здания Лукаса встретил Тай и, взяв мой поводок, отвел меня в большую комнату с креслами, чтобы я смогла проведать всех моих друзей. Мак протянул ко мне руку, и я запрыгнула на его диван и немного подремала, прижавшись к нему. Мак был самым грустным человеком из всех, кого я когда-либо встречала, но, когда я приходила к нему, он всегда становился немного веселее. Я делала свою работу, выполняла свою задачу, даря успокоение.

Потом Тай привел меня в комнату, где люди сидели на креслах, расставленных кругом. Среди них был мой друг Дрю, он не стал меня катать на своем кресле, но сказал, что я хорошая собака.

Тай легко потянул за мой поводок, так что мы с ним вместе оказались

в середине круга, чтобы каждый, кто хотел увидеть собаку, смог это сделать.

– Слушайте все. Если Белла кому-то из вас мешает, если у кого-то здесь аллергия на собак или еще какая-нибудь причина возражать, пусть скажет мне сейчас. Если возражений нет, то она здесь для того, чтобы вам помочь. Она каким-то образом чувствует, когда кто-то мучается, пытаясь отыскать нужные слова, вам это понятно? И она подойдет прямо к вам, если у вас возникнет такая проблема. Да, и мне надо сказать вам еще одну вещь перед тем, как мы начнем, – визиты Беллы в госпиталь Администрации по делам ветеранов проходят без санкции руководства. Вы все меня слышали?

Мы долго находились в этой комнате, и все просто сидели, не давая мне никаких лакомств. Один мужчина заплакал, прижав руки к лицу, и я положила голову ему на колени, стараясь помочь, делая свою работу точно так же, как когда я помогала Мамуле. Это были мои друзья, и мне хотелось, чтобы они знали – не надо грустить, потому что рядом есть собака, чтобы подарить им успокоение.

Позднее Лукас пришел навестить моих друзей и назвал меня хорошей собакой. Когда мы с ним уходили, к нам подошла Оливия, чтобы повидать меня. У нее в руке был маленький кусочек курицы, который она отдала мне. Мне очень нравилась Оливия.

– Хочешь пойти с нами домой? – спросил ее Лукас.

– Я пойду с Беллой. Думаю, и ты можешь пойти вместе с нами, – ответила она.

Мы вышли из боковой двери. Снег! Я прыгнула в него и опрокинулась на спину, задрав лапы.

– Какая же ты глупышка, Белла, – сказала мне Оливия.

Лукас тихонько потянул за мой поводок.

– Ну все, хватит. Пойдем, Белла. – Я встала на лапы, вытряхивая воду из шерсти.

– Как вам удастся скрывать Беллу от доктора Ганна? – спросила Оливия. Я посмотрела на нее, надеясь, что она произнесла мое имя, потому что хочет дать мне еще курицы, хотя и чуяла, что курицы у нее в карманах больше нет. Но люди всегда могут найти и курицу, и печенье, и рыбу, стоит им только захотеть.

– Тай проводит ради этого целую военную операцию. Когда у них проходит очередное собрание по программе двенадцати шагов, она находится с ними. Когда Белла с пациентами, Тай расставляет вокруг дозорных, которые стоят на стреме. Они все ведут себя так, словно

находятся в лагере военнопленных и их задача – обвести вокруг пальца охрану. Думаю, медсестры все знают, но врачи понятия не имеют о том, что творится под их носом. Тай говорит, что, если Беллу застукают, он скажет, что это его собака. Начальство ни за что не выгонит с работы Тая, потому что все ветераны на него просто молятся, и именно он проводит по вечерам сеансы групповой психотерапии.

Гуляя, мы набрали на белку! Она лежала на мостовой вся расплющенная, и от нее исходил потрясающий аромат. Снег вокруг нее растаял. Я осторожно вдохнула этот аромат. Белка была мертвая. Я знала, что такое смерть, я каким-то образом приобрела это знание, хотя никогда с ней раньше не сталкивалась, точно так же, как я знала, что надо лизать Лукаса, когда он нагибается, чтобы поговорить со мной. Или что сейчас мне надо ткнуться в эту белку плечом.

– Белла, нельзя! – крикнул Лукас, дергая за поводок. Я в изумлении посмотрела на него. Нельзя? Но что же я сделала плохого?

– Ты же не хочешь, чтобы и от тебя так паршиво пахло, верно, Белла? – сказала мне Оливия. Мы отошли от белки, и я с сожалением обернулась и взглянула на нее. Жалко, что моя шерсть не будет так благоухать.

– Как у вас дела с вашим арендодателем? Вам все еще грозит опасность выселения? – спросила Оливия.

– По правде говоря, думаю, они пока делают вид, что ничего не знают о Белле. Пока она не лает, никто из соседей не жалуется, к тому же у нас разработана целая система безопасности – когда мы идем гулять, я сначала смотрю направо, потом налево, и, если никого вокруг нет, веду ее напрямиком на улицу. Если никто из жильцов официально не известит управляющего жилым комплексом, что мы держим собаку, думаю, у нас не будет проблем. Белла хорошо справляется с выполнением команды «Не Лай».

Я изумленно взглянула на Лукаса. «Не Лай»? Что это сейчас означает?

– Я хорошо провела вечер, когда поехала с тобой, – немного помолчав, заметила Оливия.

Лукас улыбнулся.

– Я тоже. Это было совсем как свидание, только с оскорблениями.

– Это ты насмеялся над моей манерой езды.

– Ничего я над ней не насмеялся. Я просто заметил, что не ожидал, что мы собьем столько пешеходов.

– Знаешь, мы ведь живем в Америке. Ты мог бы просто купить машину, и тогда бы уже я сидела на пассажирском сиденье и вопила, пока бы ее вел ты сам.

– Перестань – я вовсе не вопил. Я был в таком ужасе, что не мог издать ни звука. И вообще, по-моему, общественный транспорт – это самое то. Он не так загрязняет окружающую среду, так что, может быть, тебе стоит попробовать пересесть на него.

– Сама себе удивляюсь – я встречаюсь с парнем, который разъезжает на автобусах.

– Встречаешься? Ага, стало быть, мы с тобой все-таки встречаемся. Так сказать, уже официально.

– Я только что допустила серьезную ошибку.

– Да брось, тебе это пойдет на пользу. Теперь ты наконец-то будешь встречаться с парнем, которому не надо раз в неделю бегать отмечаться к инспектору по надзору за теми, кто условно-досрочно освобожден из тюрьмы.

– У нас было еще только одно свидание, так что пока не очень-то раскатывай губу.

– Я собираюсь изменить свой статус на Фейсбуке.

– О господи.

– Знаешь, осенью я собираюсь поступать на медицинский факультет. До тех пор мне не понадобится машина – в госпиталь для ветеранов и в магазины мы с матерью можем ходить пешком, к тому же в Денвере есть прекрасно функционирующая сеть автобусных маршрутов. И вдобавок ко всему этому у женщины, с которой я встречаюсь, есть машина.

– Это худший день в моей жизни. – Когда мы завернули на нашу улицу, Оливия коснулась руки Лукаса. – Интересно, зачем сюда приехали все эти полицейские?

* * *

Я уже слышала слово «полицейские», и для меня оно обозначало людей в темной одежде с металлическими штучками на боках.

– Не знаю. Похоже, кто-то их вызвал, наверное, что-то стряслось, – сказал Лукас. – Но это точно была не моя мать, ведь все копы толпятся на другой стороне улицы.

– О да, там митинг протеста. Видишь? – Оливия махнула рукой.

Нам пришлось остановиться, что раздосадовало меня, потому что мне хотелось посмотреть на всех людей, которые стояли на тротуаре перед моим старым логовом. Некоторые из них держали в руках палки с большими листами бумаги и махали ими в воздухе.

– Я снял на видеокамеру кошек в подполе и извещение о сносе. Как видно, кто-то разместил его на Фейсбуке. – Лукас стучал пальцем по своему телефону. Потом он показал его Оливии. Я зевнула. Телефоны такие скучные. – Отлично! Смотри, моя мама добавила сюда кадр с грузовиком, на котором сюда привезли экскаватор, а все остальное – это кадры, которые я снял в подполе, и извещение о сносе дома. Она послала все это каждому из городских активистов движения по защите животных.

– Потрясающе! Мне нравится твоя мама – она настоящий бунтарь. Не то что некоторые, – сказала Оливия.

– Видишь того сердитого типа? Это Гантер. Это он хочет снести дом с кошками. Думаю, он бы назвал бунтарем и меня. Он сказал мне, что собирается подкупить какого-нибудь инспектора из отдела по контролю за животными, чтобы тот дал официальное заключение, что под домом нет кошек.

– Он тебе прямо так и сказал? Не очень-то умно с его стороны.

– Он просто считает, что ему все позволено и никто ему не указ.

– Смотри, приехали телерепортеры из службы новостей. Вон их фургон, – сказала Оливия. – Похоже, ты станешь знаменитым.

– Я не забуду ни тебя, ни прочих безызвестных людишек, благодаря которым это произойдет.

– О, я знаю, меня тебе не забыть никогда.

Лукас оставил меня с Оливией. Он поговорил с несколькими из стоящих на тротуаре людей, включая женщину, которую звали Одри. На мостовой стояло несколько людей в темной одежде, махая руками машинам. Кто-то направил на лицо Лукаса яркий свет.

Оливия по-прежнему держала мой поводок, и от ее руки все еще немножко пахло курицей.

* * *

Я была рада увидеть Мамулю, когда мы наконец пришли домой. Лукас и Оливия ушли, что огорчило меня и продолжало огорчать, пока Мамуля не насыпала в мою миску корм.

Я услышала громкую мелодию звонка и выполнила «Не Лай». Мамуля пошла к двери, преграждая мне путь к ней своими ногами, и оказалось, что это пришел тот дымно-мясной мужчина, Гантер.

– Ваш сын дома, мэм?

– Нет, его сейчас нет.

– Меня зовут Гантер Бекенбауэр.

– Да, я знаю, кто вы такой, – сухо ответила Мамуля.

– Вы знаете, что ваш сын сделал сегодня вечером?

– Да, знаю.

– Он подговорил шайку своих дружков устроить бутафорский митинг протеста на принадлежащей мне земле. Почему он так на меня взъелся? Что, черт возьми, я вам сделал?

– Думаю, он просто пытается спасти несколько ни в чем не повинных животных.

– На мой сайт в Интернете все пишут и пишут, угрожая меня убить. Да я мог бы вас за это засудить.

Мамуля явно не собиралась позволить мне подойти к Гантеру поближе, чтобы обнюхать его, хотя меня ужасно интересовал мясной аромат, исходящий от его одежды. Я села.

– Позвольте мне задать вам вопрос, – сказала Мамуля. – Почему бы вам просто-напросто не дать людям, которые спасают животных, залезть в этот подпол и выловить оставшихся там кошек? Это бы решило все проблемы.

– Дело в том, что эти дома признаны ветхими. Они рассыпаются на глазах. Если кто-нибудь проникнет в подпол одного из них и получит увечье, ответственность за это ляжет на меня и мне придется выплатить ему огромную компенсацию за причинение вреда.

– Защитники животных могут подписать бумагу, освобождающую вас от ответственности и выплаты каких-либо компенсаций.

– Послушайте, знаете, в чем тут суть? Это моя собственность, а ваш сын незаконно вторгается в мое владение и кормит этих проклятых кошек, и только поэтому они вообще все еще там! Уже наступила зима. Вам известно, насколько дороже становятся строительные работы, когда температура падает ниже нуля? Эту проблему мне создал ваш сын, и если пару-тройку кошек расплющит, виноват в этом будет именно он. Разместите это на вашем сайте в соцсети. – Гантер тыкал своим пахнущим дымом и мясом пальцем прямо в лицо Мамуле. Судя по его тону, он был очень сердит, и я почувствовала, как у меня на загривке поднимается шерсть. Мне хотелось зарычать, но я не издала ни звука. Означает ли «Не Лай», что мне нельзя и рычать?

Мамуля смотрела на Гантера, и ее лицо ничего не выражало.

– Вы уже закончили?

– Вам придется несладко, если я начну с вами войну, дамочка.

– Войну? – Мамуля сделала шаг к Гантеру, не сводя с него глаз. Я

чувствовала исходящие от нее сильные эмоции. – Думаете, это война? Вы ничего не знаете о войне.

Мужчина перевел взгляд на меня.

– Ваша собака становится довольно крупной. Это что, питбуль? Как вы вообще можете держать тут собаку? Я знаю людей, которые сдают вам это жилье, и разве владение собакой не противоречит вашему договору об аренде?

– Я могу еще что-нибудь сделать для вас, мистер Бекенбауэр?

– Я просто хочу, чтобы вы запомнили, что я пытался уладить это дело полюбовно.

– Я запомнила другое – вы явились в мой дом, чтобы заявить, что между нами начинается война. До свидания. – Мамуля закрыла дверь. Когда она сделала это, ее напряженные мышцы расслабились, но она показалась мне усталой. – О Белла, – тихо проговорила она, – у меня насчет всего этого очень плохое предчувствие.

Лукас начал часто уходить из дома без меня, а когда возвращался, от него пахло Оливией. Я удивлялась тому, что он бывает с нашим другом, Оливией, но не берет с собой меня, свою собаку.

Было столько разных вещей, которые я не понимала. Мне нравилось ходить к ветеринару, она была хорошая женщина, но однажды мы пришли к ней, и я заснула, а когда проснулась, мы уже были дома, и у меня на шее был жесткий пластиковый ошейник. Эта штука была неудобна и нелепа. Из-за нее я не могла лизать себя нигде.

– Теперь ты стерилизована, Белла, – сказал мне Лукас. При звуке моего имени я махнула хвостом, потому что он, похоже, не был на меня сердит, но он все равно наказывал меня несколько дней, заставляя меня носить этот странный ошейник.

Когда прошло уже много времени после того, как этот ошейник был снят, Мамуля и я остались дома одни, потому что Лукас сделал «Идти на Работу», чтобы встретиться с Оливией. Мамуля казалась мне усталой и грустной. Она несколько раз прикладывала руку к лицу.

И тут воздух наполнился острым кислым запахом. Он был мне знаком: когда я почуяла его в прошлый раз, Мамуля заболела, и меня оставили в доме одну на всю ночь. Я тревожно заскулила, но она на меня даже не посмотрела.

И тогда я залаяла.

– Белла! «Не Лай»! – громко отругала меня Мамуля.

Я начала часто дышать, встревоженная и испуганная. Когда Лукас пришел домой, я прыгнула на него, скуля.

– В чем дело? Что с тобой, Белла?

– Она странно ведет себя уже полчаса, – сказала Мамуля, входя в гостиную. – Ох, мне надо прилечь. – И она рухнула на диван.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросил Лукас.

– Просто дай мне минутку полежать.

Исходящий от нее острый кислый запах стал еще сильнее, и я ничего не смогла с собой поделать. Я залаяла опять.

– Белла! «Не Лай»! – скомандовал мне Лукас.

Я продолжала лаять.

– Эй! – Он шлепнул меня по заду. «Не Лай», Белла! Ты же... Мамуля? Мамуля!

Мамуля издавала какие-то тихие звуки, похожие на писк, ее пальцы скрючились и хватали воздух. Лукас подбежал к дивану, на котором она лежала.

– Мамуля, Мамуля, – прошептал он, и я почувствовала его страх, сильный, острый. Он достал телефон. – У моей матери судорожный припадок, – сказал он в него. – Поспешите.

Затем он свернулся калачиком на диване рядом с Мамулей, чтобы дать ей успокоение. Я запрыгнула на диван тоже, легла рядом с ним и положила голову ему на плечо, пытаясь помочь. – С тобой все будет хорошо. Пожалуйста, Мамуля, пусть с тобой все будет хорошо.

Скоро в нашем доме появились две женщины и мужчина. Они переложили Мамулю на кровать на колесиках и вывезли ее за дверь. Лукас отвел меня к моему вольеру и закрыл меня там.

– Ты хорошая собака, Белла. Ждать.

Я совсем не чувствовала себя хорошей собакой, потому что меня оставили одну. Я выполняла «Не Лай» всю ночь и очень тосковала по Лукасу. Я боялась, что он больше никогда не придет домой.

Я не понимала, что происходит.

* * *

Лукас вернулся, когда на улице было еще темно, покормил меня, погулял со мной и лег вместе со мной на кровать. Мы сделали «Крохотный Кусочек Сыра», но он казался рассеянным и не смеялся. Я прильнула к его боку, чувствуя, что в нем еще остался страх, и испытывая удовлетворение оттого, что я совсем рядом с моим Лукасом и помогаю ему тем, что прижимаюсь к нему. Когда утром он ушел, он чувствовал себя уже более

нормально, и я стала терпеливо ждать его возвращения.

Мамуля, Лукас и Оливия пришли домой все вместе. Я носилась вокруг них кругами, ужасно радуясь тому, что вижу их всех.

– Большое спасибо за то, что вы нас подвезли, – сказала Мамуля Оливии. – Но, право же, это было совсем не обязательно. Я чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы пройти пешком.

– Да пустяки. Все равно Лукас теперь смотрит на меня как на свою персональную службу такси, – ответила Оливия.

Вечером, после того как Оливия ушла, Лукас сел за стол и стал играть со своим телефоном.

– Тут говорится, что пятнадцать процентов собак могут чувствовать приближение эпилептических припадков.

– Поразительно. Она явно знала, что со мной происходит, – ответила Мамуля.

– Ты поразительная собака, Белла, – похвалил меня он.

Я завиляла хвостом, услышав одобрение в его голосе, когда он произнес мое имя. Я была ужасно рада, что мы все дома вместе, и знала, что скоро Лукас сделает «Крохотный Кусочек Сыра».

Раздался стук в дверь. Я подавила свой порыв и стала выполнять «Не Лай».

– Держи Беллу, – сказала Мамуля.

Лукас схватил меня за ошейник.

– Нам надо убедиться, что это не из компании, управляющей домом, Белла, – тихо сказал он. – Так что «Не Лай». – Мне очень нравилось ощущение его руки на моей шерсти и те ласковые звуки, которые он издавал, и то, как он произнес мое имя.

Я почуяла, что за нашей дверью стоит мужчина, запах которого иногда витал в воздухе рядом с домом. Мамуля поговорила с ним недолго, потом закрыла дверь. Лукас отпустил мой ошейник, и я подошла к ней, потому что она была грустна и сердита.

– Что это? – спросил Лукас.

– Уведомление о выселении.

– Что?

– Я расслабилась и потеряла бдительность. Мне казалось, что мы проскочили. – Мамуля тяжело опустилась в свое кресло.

– Белла вела себя так хорошо! – Лукас тоже сел. – Ни разу не залаяла. Как же они пронюхали?

– О, – сказала Мамуля, – я знаю как.

Глава 8

На следующий день я пошла вместе с Лукасом, чтобы «Идти на Работу», теперь это было моим самым любимым делом после игры в «Крохотный Кусочек Сыра». Я проводила время с Таем и другими моими друзьями. Теперь многие из них приносили мне маленькие лакомства, потому что я была такой хорошей собакой. Стив дал мне холодный и очень вкусный кусочек чего-то похожего по вкусу на молоко, но намного слаще. Марти дал мне бекона. Их любовь ко мне была очевидна, она выражалась в их ласках, словах и объятиях. Одному старику нравилось целовать меня в нос, но у него плохо получалось нагибаться, так что я научилась подходить к его креслу, класть передние лапы ему на грудь и лизать его в лицо. Когда я делала это, он смеялся. Его звали Уайли, и он называл меня не Белла, а «Я Бы На Ней Женился».

– Ей-ей, я бы на ней женился, – каждый раз говорил он Таю.

Обычно, когда я ходила в гости к моим друзьям, я проводила с ними большую часть дня, даря успокоение, поедая лакомства и играя в игру «Доктор Ганн», которая состояла в том, что я ложилась на диван между двумя людьми, они накрывали меня всю одеялом и ласково гладили, пока кто-то не кричал: «Отбой»! Это было похоже на «Ждать», только куда интереснее. Но в этот день Лукас и Тай повели меня в другую часть госпиталя. Мы немного постояли перед дверью, слушая, как звенят колокольчики, и я выполняла «Не Лай», а потом дверь открылась, раздвинувшись в стороны, и мы вошли в маленькую комнатку, которая гудела и тряслась. У меня в животе было такое же ощущение, как когда мы ехали в машине Оливии. Когда дверь опять открылась, все запахи изменились, так что я поняла, что мы теперь находимся в каком-то другом месте. Это было как поездка на машине, но без машины!

Идя за Лукасом и Таем по гладкому коридору, я нюхала пол и стены, чуя запахи многих людей и химикатов. Тай и Лукас, похоже, нервничали, и мы двигались очень быстро, так что я не могла как следует втянуть в себя все эти запахи. Мы несколько раз повернули, потом Лукас постучал в открытую дверь и просунул в нее голову.

– Доктор Стерлинг? Я Лукас Рэй. Я звонил вам сегодня утром.

– Входите, – сказал мужчина. От его рук сильно пахло химикатами, когда они с Лукасом схватили друг друга за пальцы, потом он, передумав, схватил пальцы Тая, а потом, опять передумав, опустил руку. – Это и есть

та самая собака?

– Это Белла.

Я завиляла хвостом. Мужчина нагнулся и потрепал меня по голове. Он мне нравился, несмотря на острый запах, исходивший от его ладоней.

– Лучше закрой дверь, Тай, – сказал мужчина.

Все сели, так что села и я. В комнате было мало запахов, к которым стоило бы привыкнуть. Правда, я учуяла, что из открытого мусорного ведра, которое стояло у стола, немножко пахнет картошкой.

– Итак, я изучил этот вопрос, – сказал мужчина. – Действительно, существуют собаки, чующие приближение эпилептических припадков. Большинство из них проходит специальное обучение, чтобы научиться делать то, что Белла, по вашим словам, умеет от природы, то есть предупреждать. Некоторые люди утверждают, что такие собаки спасли немало жизней, хотя, разумеется, есть и скептики. И по закону вам должны разрешить иметь такую собаку, если таково предписание врача. И неважно, если в вашем многоквартирном доме действует запрет на домашних животных – для вас должно быть сделано исключение. Я говорил с нашим юристом, и он сказал, что в законе о справедливом решении жилищных вопросов это прописано очень ясно.

– Слава богу, – пробормотал Лукас.

Мужчина поднял одну свою вонючую руку.

– Погодите, все не так просто. Для этого нужно пройти целую процедуру. Вы должны будете получить на Беллу свидетельство, удостоверяющее, что она именно такая собака. А до этого она останется просто домашним животным.

– Но я же говорил вам, она лаяла оба раза, когда моя мать была близка к эпилептическому припадку. Если бы мы тогда понимали, в чем дело, мы бы смогли принять меры!

Я чувствовала, что мой человек отчего-то сильно возбужден, и посмотрела на него с беспокойством. Что стряслось?

– Я понимаю это, сынок, – ответил мужчина. – Но от обладания врожденной способностью до обладания официальным свидетельством путь неблизкий.

– Сколько времени может занять получение такого свидетельства?

– По правде сказать, я точно не знаю, но, похоже, это сложный процесс. – Мужчина пожал плечами. – Я могу сказать тебе определенно только одно – наш госпиталь этим не занимается.

– У нас есть только три дня, а потом они запустят процедуру выселения, – простонал Лукас. Я лизнула его руку.

– Док, а вы не могли бы ему дать какое-нибудь письмо на этот счет? – спросил Тай.

– Нет, не могу. Даже если от такого письма и была бы какая-то польза, в чем я сильно сомневаюсь – ведь, как я уже сказал, для признания Беллы такой собакой существует четко прописанная процедура – я все равно не могу заявить, что она обучена предупреждать о приближении эпилептических припадков, поскольку она такое обучение не прошла. Она просто собака с врожденной способностью это делать.

Тай вскочил на ноги. Он казался еще более возбужденным, чем Лукас.

– Послушайте, она по-настоящему особая собака. Она приходит в отделение, и ты видишь, как у людей проходит стресс. В программе групповой психотерапии из двенадцати шагов новички от нее в восторге, потому что она дает им уверенность в себе. Она сидит перед всеми ними, и почти каждый, кто хочет рассказать о своих проблемах, сначала гладит ее. И я знаю, она очень помогает Терри. Она говорит, что от Беллы больше проку, чем от антидепрессантов, которые она принимает. Ее все любят. Белла творит добро, док. А это дорогого стоит.

Мужчина немного помолчал.

– Стало быть, вы все-таки знаете, что, приводя собаку в госпиталь для ветеранов, вы тем самым нарушаете правила, верно? – спросил он наконец.

– Я знаю, что готов сделать все, что только возможно, чтобы помочь тем мужчинам и женщинам, о которых я забочусь. Мужчинам и женщинам, которые служили своей стране. Людям, которым по множеству причин сейчас приходится туго. И раз уж эта собака может положительно влиять на то, как они себя чувствуют, я, черт возьми, сделаю все, чтобы она продолжала их навещать! – с жаром ответил Тай.

Мужчина поднял руку.

– Не поймите меня превратно. Я просто хотел удостовериться, что вы понимаете – если доктор Ганн или пара-тройка других врачей, имена которых я мог бы вам назвать, узнают, что вы тайно проводите в госпиталь домашнее животное, они прикроют всю вашу программу. Хотя лично я в этом не заинтересован.

– Белла не просто домашнее животное, – спокойно сказал Тай. Теперь он казался мне уже не таким сердитым. – Именно это я и пытаюсь вам объяснить.

Мне понравилось, что Тай произнес мое имя, и я завиляла хвостом.

– Как дела у твоей матери? – спросил мужчина Лукаса.

– Ей стало... в чем-то лучше, в чем-то хуже. Последнее время она уже не чувствует себя такой подавленной, вот только меня сильно беспокоят эти

ее судорожные припадки. Мы-то думали, они у нее прошли.

– А твоя собака помогает ей справляться со своей депрессией?

– Да. Еще как.

– Расскажи мне об этом поподробнее.

– Ну, она остается с Беллой на целый день. И когда я возвращаюсь домой, то вижу, что ей намного лучше, чем раньше, я хочу сказать, до того, как у нас появилась собака. Я уже очень давно не видел, чтобы она, как бывало прежде, чувствовала себя настолько подавленной, что весь день ходила бы в пижаме или ничего не ела. Она гуляет с Беллой, и это дает ей массу энергии. И Белла, похоже, понимает, когда на нее начинает наваливаться тоска, и каждый раз, когда это происходит, она кладет голову маме на колени.

Лукас произнес мое имя, и я опять завиляла хвостом.

– Рад слышать, что ей стало лучше.

– Она начала намного чаще ходить на собрания по программе двенадцати шагов. – Лукас взглянул на Тая.

– Лукас, я в общем-то не могу этого подтвердить, – словно извиняясь, сказал Тай.

– А, ну да. Извини.

– В общем, дело сводится к следующему, – сказал мужчина, откашлявшись. – Я не могу дать вам какой-либо документ, подтверждающий, что она обучена предупреждать о приближении эпилептических припадков. Однако, если я правильно понимаю закон о справедливом решении жилищных вопросов, для признания ее собакой, обеспечивающей эмоциональную поддержку, достаточно письма от врача, наблюдающего Терри. И я напишу такое письмо прямо сейчас.

– А в этом случае... компания, управляющая домом, разрешит нам остаться в нашей квартире, если у нас будет такое письмо? – с надеждой спросил Лукас.

– Я, конечно, не адвокат, но судя по тому, что я читал в Интернете, они будут обязаны это сделать.

– Огромное спасибо, доктор Стерлинг. Вы даже представить себе не можете, как много это значит для меня и моей матери.

Мужчина взял карандаш и какое-то время писал что-то на листке бумаги.

– Но это вовсе не означает, что вам теперь все сойдет с рук. – Он пристально посмотрел на Тая. – Приводя ее сюда, вы все равно нарушаете правила, установленные в госпитале для ветеранов. Если бы она была официально признана собакой, предупреждающей о приближении

эпилептических припадков, это был бы другой разговор, но проводить сюда животных, оказывающих эмоциональную поддержку, запрещено.

– Я вас понял, доктор, – сказал Тай.

– Я не собираюсь на вас стучать. Я просто предупреждаю вас о возможных последствиях, если вас раскроют.

– О, думаю, мы сумеем сохранить визиты Беллы в тайне, – сухо заметил Тай. – Этим занимаются люди, знающие толк в таких делах.

Мужчина отдал листок бумаги Лукасу, и тот положил его в карман. Он явно был ужасно, ужасно рад, но почему-то не отметил свою радость, дав мне лакомство.

* * *

После этого кое-что в нашем доме изменилось. Лукас перестал на мгновение выходить из дома на улицу один, прежде чем бежать со мной на тротуар. Теперь мы выходили вместе, и Лукас не возражал, если я мешкала, обнюхивая землю вокруг крыльца.

Поначалу это сбивало меня с толку. Я уже поняла, что хорошая собака учится новым вещам, проделывая их снова и снова. Именно так мне стало понятно, что «Не Лай» означает, что я должна молчать, как бы меня ни провоцировали, а «Крохотный Кусочек Сыра» означает, что Лукас меня любит и держит в руке совершенно особенное лакомство. Когда он говорил мне, что я хорошая собака, это было так же замечательно, как любое лакомство, даже курица, хотя, разумеется, было еще лучше, если к этому прилагалось еще и лакомство.

Но люди могут все менять без предупреждения, и я просто приняла эту перемену как часть жизни с моим человеком. Правда, я все равно никак не могла взять в толк, почему мы теперь выходим из дома по-другому.

Когда со мной гуляла Мамуля, мы не ходили так далеко, как с Лукасом, но иногда мы останавливались, чтобы поговорить с людьми.

– Это моя терапевтическая собака, – говорила им Мамуля. Что бы это ни значило, я слышала слово «собака» и чувствовала одобрение и нежность этих людей, когда они начинали меня гладить, и понимала, что они тоже считают меня хорошей собакой.

Когда воздух стал теплее и под ветром зашелестели листья, Оливия начала возить нас на машине в места, расположенные высоко на холмах, где все запахи были совершенно другими.

– Давай пойдем в поход, – говорил мне Лукас. Меня всегда охватывало

радостное волнение, когда он подходил к своему стенному шкафу и доставал оттуда мешок с лямками, которые надо было надевать на плечи, потому что в этом мешке всегда находились лакомства для меня.

– Смотри, лиса! – вдруг крикнула Оливия как-то раз, когда мы пошли в поход. Я почувяла запах животного, которое никогда не попадалось мне прежде, и увидела его впереди на нашей тропе. Оно бежало примерно как кошка, низко припав к земле.

– Видишь лису, Белла? Там лиса! – взволнованно сказал Лукас.

Лиса отличалась от другого животного – койота. Мы иногда видели их, и я на каждого из них рычала. Похоже, лису было бы интересно погонять, но вот в койотах было что-то делающее их похожими на маленьких плохих собак – и я таких собак инстинктивно ненавидела.

– Белла явно хочет погнаться за ним, – заметила однажды Оливия, когда мы встретили это животное. Одинокий койот стоял далеко впереди, нахально преграждая нам путь и уставившись на меня. Я зарычала.

– Верно, но они хотя и маленькие, но очень злобные, – ответил Лукас. – И их тут может быть больше одного – этот вышел на открытую местность, чтобы заманить Беллу за собой, в то время как пара других, возможно, скрывается в кустах.

– Я же не говорила, что ты должен позволить ей погонять его. Я просто сказала, что ей этого хочется.

– Ты вечно твердишь, что мне надо научиться смотреть на вещи проще. Вот я подумал, что дать моей собаке поохотиться на дикое животное – это часть твоей программы.

– Ты меня неправильно понял. Я имела в виду, что тебе вообще надо заняться самосовершенствованием, – беззаботным тоном ответила она.

– Мне нравятся эти долгие пешие прогулки. Они дают нам время для того, чтобы ты смогла перечислить все мои недостатки, – сухо заметил Лукас.

Раздосадованная, я смотрела, как койот ускользает. Почему мы не разделились с ним?

– Как твоя мамуля?

Я подняла голову и посмотрела на Оливию, когда она произнесла слово «Мамуля».

– Знаешь, весьма и весьма неплохо. Если не считать этих судорожных припадков. Но зато настроение у нее теперь просто замечательное.

– А у нее всегда была депрессия?

Я остановилась и стала нюхать скелет птички, от которого восхитительно пахло гнилью, пока поводок не натянулся, и мне не

пришлось отойти.

– По правде сказать, я точно не знаю. Когда она поступила на военную службу, я стал жить с моей тетей Джули. А потом, когда мама вернулась из Афганистана, все стало совсем плохо. Ну, сама понимаешь, у нее появились проблемы с алкоголем и наркотиками. Опекунство надо мной суд отдал Джули, и мама просто исчезла на пару лет. Потом она прошла курс принудительного лечения, попала в программу реабилитации и попросила, чтобы я принял ее обратно в свою жизнь.

– Попросила тебя? Ничего себе.

– Ага.

– Она явно тобой гордится. Все время говорит о том, какие у тебя высокие оценки и какой ты ответственный.

– Хм, зато ты учишь меня почаще прислушиваться к голосу живущего в моей душе рискованного авантюриста.

Оливия коротко рассмеялась.

– Да, кстати об этом, – сказала она, немного помолчав. – Ты говорил это прежде кому-нибудь еще? – Мы, не останавливаясь, поднимались по склону высокого холма, и нас обдувал холодный воздух, идущий от покрытых снегом гор. Да, там, наверху, был снег – и мне было интересно, не пойдём ли мы туда, чтобы поваляться в нем.

– Говорил что?

– Ты сам знаешь что.

Лукас пнул камешек, и тот отлетел вперед, как мячик.

– Нет, ты была первой. А ты, ты говорила это кому-нибудь прежде?

– Нет.

– Выходит, когда ты скажешь мне, что тоже любишь меня, в следующий раз, этот момент войдет в историю.

– Так ты собираешься сказать это опять? – Она засмеялась.

– Я люблю тебя, Оливия.

– Мужчины постоянно мне это говорят.

– Я серьезно.

– Конечно, серьезно. Ты самый серьезный человек, которого я когда-либо встречала.

Лукас остановился и торжественно положил руки мне на голову.

– Белла, Оливия боится выражать свои чувства.

Я завиляла хвостом.

Оливия опустилась рядом со мной на колени.

– Белла, Лукас считает, что ему непременно нужно обсуждать все.

Они наклонились друг к другу над моей головой и поцеловались.

Почувствовав волну любви, которая захватила их обоих, я встала на задние лапы, а передние положила на них. Они наслаждались любовью, и я хотела быть ее частью.

* * *

Мы с Лукасом шли по тротуару, возвращаясь из парка, когда рядом с нами остановились два грузовичка. Дверь одного из них открылась, и оттуда вышел дымно-мясной мужчина, Гантер.

От другого грузовичка пахло просто изумительно. Он весь был пропитан наслоенными друг на друга запахами множества собак, кошек и других животных, побывавших там, в том числе и мертвых. Я натянула поводок, чтобы подойти к нему поближе для более детального изучения, но Лукас держал меня крепко.

– Отдел по контролю за животными, – с беспокойством в голосе сказал он. – Пошли, Белла.

– Эй, Лукас! – позвал его Гантер. – Подойди сюда на минутку.

Из передней двери второго грузовичка вылез мужчина. От него пахло собаками и кошками. Он был грузный и со шляпой на голове.

– Эй, парень! Мне надо потолковать с тобой насчет твоей собаки, – сказал он.

– Белла, «Иди Домой»! – скомандовал Лукас, но в этой разновидности игры он не отстегнул мой поводок, и когда побежала я, побежал и он. Это было так здорово, что мне хотелось бежать и бежать, но «Иди Домой» означало также, что я должна добежать до моего места у стены и лечь. Едва я сделала это, как Лукас открыл дверь и втащил меня в дом.

Я сразу почувствовала, что Мамули дома нет. Лукас тяжело дышал, и по его дыханию и запаху его кожи я почувствовала, что он напряжен.

– Ты хорошая собака, Белла. Ты хорошо выполнила команду «Иди Домой».

Я завиляла хвостом.

Позвонили, и я выполнила «Не Лай». Лукас пошел открывать. Я чувствовала, что это мужчина в шляпе из чудесного грузовика с запахами животных. Лукас на мгновение приложил глаз к двери, затем со вздохом открыл ее.

– «Сидеть», Белла, – сразу же скомандовал он.

Мне хотелось поприветствовать нашего нового гостя, но я знала, что значит «Сидеть», и тут же села.

– Отдел по контролю за животными, – грубо сказал Лукасу мужчина в

шляпе.

– Я знаю.

– Итак, насколько мне известно, у вас дома живет питбуль.

– Я... мы не знаем, какой она породы. Она была брошена сразу после рождения. Мы обнаружили ее в том самом подполе, где, по словам кого-то из ваших сотрудников, вообще нет животных. А между тем там все еще обитают кошки. И их там больше, чем когда-либо прежде. Но вам, скорее всего, это известно.

– Мне не нравится ваш тон, – тихо сказал мужчина в шляпе.

– А мне не нравится то, что вы не соблюдаете этических норм.

Послышалось шуршание ткани – мужчина в шляпе весь напрягся.

– В Денвере содержание питбулей запрещено законом, вам кто-нибудь это говорил?

– Белла особенная. Она терапевтическая собака моей матери. Моя мать – ветеран войны, она служила в Афганистане.

– Говорите, это терапевтическая собака?

– Хотите посмотреть письмо от врача, который наблюдает мою мать? – вежливо спросил Лукас.

– Вы можете на минутку подзвать сюда вашу собаку?

– Зачем?

– Я не собираюсь забирать ее у вас. Я не имею права входить в частные дома и квартиры с этой целью.

– Белла. – Мне показалось, что Лукас сказал это без особого желания, но он хлопнул себя по бедру, и я сразу же подошла к нему. Я чувствовала, что Лукасу не нравится мужчина в шляпе, поэтому я не стала подходить к нему, чтобы он меня погладил, а осталась возле ноги Лукаса, вдыхая аромат множества животных, который исходил от одежды нашего гостя.

Мужчина в шляпе энергично кивнул.

– Да, это точно питбуль.

– Ну и что? – Лукас пожал плечами. – У нас есть письмо от врача.

Мужчина сунул руку в карман и что-то достал. Потом двинул большим пальцем, раздался тихий хлопок, и воздух наполнился вкусным запахом. Он бросил лакомство на пол, и я сразу же схватила его. Что бы там ни думал Лукас, мне нравился мужчина в шляпе.

– В следующий раз будьте любезны не кормить мою собаку, пока не попросите разрешения у меня, – холодно сказал Лукас.

– Суть в том, что она должна уметь не обращать внимания на лакомство, лежащее на земле. Она не сумела, так что она не подходит под определение терапевтической собаки.

- Не может быть.
- Если я поймаю это животное за пределами вашей квартиры, я его конфискую. На эту породу наложен запрет.
- Конфискуете?
- Вам придется заплатить штраф, потом мы наденем на нее чип и если поймаем ее еще раз, то уничтожим.
- Вы, наверное, шутите.
- Таков закон. Я просто исполняю свою работу.
- Вы исполняете ее так же, как тогда, когда дали заключение, что под домом напротив нет кошек? Это Гантер платит вам, чтобы вы отравляли нам жизнь? Мы не сделали ничего плохого! – запальчиво крикнул Лукас.
- Вот тут вы ошибаетесь. Вы укрываете собаку запрещенной породы. Питбули – животные опасные и свирепые.
- Неужели Белла кажется вам опасной и свирепой?
- А это неважно. Даже если она ласкова, как новорожденный ягненок, закон говорит, что она животное злобное, значит, так оно и есть. До скорой встречи, приятель. До очень скорой.

* * *

На следующий день, когда Лукас вернулся после «Идти на Работу», с ним пришла и Оливия. И мы поехали на машине! Я высунула нос навстречу ветру так далеко, как только смогла, упиваясь изумительной смесью запахов, которые так быстро менялись.

Скоро мы оказались в здании, очень похожем на то, куда Лукас делал «Идти на Работу», чтобы повидать Оливию. Мы стояли в маленькой комнатке, в которой было еще несколько не знакомых мне людей, и я хотела познакомиться с ними, но мне мешал поводок. Комнатка гудела, тряслась, и у меня от этого сосало в животе. Она была намного тише, чем та, в которой я стояла с Лукасом и Таем, и каждый раз, когда дверь комнатки открывалась, запахи на другой ее стороне оказывались совершенно другими, и люди выходили, возможно, огорчившись, что им не дали поиграть со мной. Я не понимала, что мы делаем в маленькой комнатке, но я была рада находиться в ней и была рада, когда мы из нее вышли.

Мы прошли по тихому коридору и вошли в комнату, где стоял стол, а пол был мягкий, потому что его покрывал ковер. Вскоре в нее вошел мужчина с бумагами в руках.

- Я Майк Пауэлл, – поприветствовал он нас. Я завиляла хвостом.

– Спасибо, что согласились с нами встретиться. Я Лукас Рэй, а это моя... – И он показал на Оливию.

– Выбирай слова, – предостерегающе сказала она.

– Мой друг Оливия Филипс.

– Я его водитель. – Оливия немного подержала руку мужчины, но потом решила, что ей это не нравится, и отпустила ее. – Но он обращается со мной совсем не так, как того требует мой статус.

Мужчина рассмеялся, потом наклонился, чтобы увидеть меня. Я лизнула его в лицо.

– Значит, это Белла. Какая лапочка.

Они все говорили и говорили, пока я искала самое мягкое место в комнате. Рядом с узким столом лежал коврик, но он был недостаточно велик, чтобы я уместилась на нем целиком. Я легла на него, пыхтя.

Потом я задремала, но сонно приоткрыла глаза, когда услышала, как мужчина произнес мое имя.

– Белла противостоит городским властям. Боюсь, законодательство Денвера на сей счет находится в противоречии со здравым смыслом. Вам известно, что в перечне пород собак Американского клуба собаководства нет отдельной породы, называемой «питбуль»? Это целый класс собак, включающий такие породы, как американский бульдог, американский питбультерьер, стаффордширский терьер и стаффордширский бультерьер, а также любые гибриды, похожие по своему внешнему виду на собак этих пород. Как бы то ни было, несколько лет назад собака, которую в прессе обозвали питбулем, загрызла ребенка, и после этого городской совет ввел этот запрет. Существует много доказательств, что эти собаки ничуть не более опасны, чем любые другие – собственно говоря, по-моему, чаще всего людей кусают таксы. Просто питбули очень заботятся о своих хозяевах и всегда стремятся их защитить – возможно, отсюда все и пошло. Кстати, вы знаете, что с тех пор, как ввели этот запрет, питбули стали в Денвере еще популярнее, чем до него? Вот за что я люблю американцев – достаточно сказать им, что они не могут чего-то иметь, и им сразу же хочется это заиметь, чтобы показать, что они не желают прогибаться перед властями.

Как бы то ни было, проблема заключается не в том, что Белла – питбуль, а в том, что ее так назвал представитель отдела по контролю за животными. Достаточно заявления одного их инспектора, и ее могут у вас забрать. Если еще два инспектора согласятся с тем, что Белла – питбуль, она согласно денверскому закону объявляется питбулем. Это совершенно бредовая система, но они действуют именно в соответствии с ней.

– А как же письмо врача? Это не липа, Белла действительно оказывает моей матери большую эмоциональную поддержку, – сказал Лукас.

– Боюсь, предписания закона на сей счет весьма суровы. Бросить собаке лакомство и посмотреть, возьмет ли она его с земли – это, возможно, грубый критерий, но это один из тех проверочных тестов, которые они имеют право применять. И если собака провалит хоть один из них, то все, кончен бал. И этот их приговор обжалованию не подлежит.

– Совсем? Неужели? – спросила Оливия.

– Во всяком случае, в пределах системы приютов для животных. Мы, конечно, могли бы обратиться в суд, но это стоило бы вам очень дорого, – ответил мужчина. – И пока суд стал бы рассматривать дело, Белле пришлось бы оставаться в приюте. На то, чтобы добиться решения суда, могли бы уйти месяцы.

– Тогда что же нам делать? – в отчаянии спросил Лукас. – Этот тип сказал, что если поймает меня с Беллой на улице, то заберет ее.

Мужчина развел руками.

– Вы хотите получить честный ответ? Ну, так вот, по денверским законам, вы не сможете сделать ничего.

Оливия пошевелилась. Впервые с тех пор, как я ее знала, я почувствовала, как в ней разгорается гнев.

– И инспектора отдела по контролю за животными могут вломиться в квартиру Лукаса и Терри?

– Нет. Этого я не говорил. Для этого им потребуется постановление суда.

– А как насчет нашего крыльца?

– Эта норма относится и к нему. И к подъездной дорожке, и к гаражу. Если эта территория или помещение включены в ваш арендный договор, то Белле там ничего не грозит.

Лукас наклонился, чтобы поговорить со мной, и я завиляла хвостом.

– Так тому и быть, Белла. Если увидишь того плохого человека, то «Иди Домой» и оставайся на своем пяточке. Ладно? Если мы будем действовать так, то нам не будут страшны никакие угрозы.

– Я очень обеспокоена, Лукас, – тихо сказала Оливия.

– Я тоже.

Глава 9

Через несколько дней Лукас ушел, делая «Идти на Работу», чтобы потом прийти домой с запахом Оливии на одежде, но меня он с собой не взял. Но я все равно чувствовала его, когда он был где-то там – я носила с собой его присутствие точно так же, как запах. Он был моим человеком, и мы с ним составляли одно целое. Ничто не могло этого изменить. Это было такой же частью моего существа, как сознание того, что я собака.

Мамуля пристегнула к моему ошейнику поводок, потому что мы шли «Гулять»! Я нетерпеливо переминалась с лапы на лапу, пока она сначала надела куртку, а потом сняла ее.

– Становится слишком тепло, чтобы надевать куртку, Белла, – сказала она. Я сидела под дверью и вела себя так хорошо, как только может вести себя хорошая собака, и наконец мы вышли из дома. Когда мы проходили мимо логова, я почуяла запахи обитающих там кошек, но среди них не было запаха Мамы-Кошки.

Я была взволнована и рада, потому что думала, что мы, возможно, делаем «Идти на Работу» сами и что скоро я увижу Тая и Стива и всех остальных моих друзей и Оливию, и, конечно же, Лукаса. Но Мамуля повернула в другую сторону. Мы шли по улице, по которой никогда не ходили прежде, и я чуяла запахи множества чудесных вещей: запахи животных, как живых, так и мертвых, и ароматы всякой вкусной еды, которые исходили от баков, стоящих рядами в концах подъездных дорожек к домам людей. Воздух был пропитан пылью цветов. Из-за забора на меня залаяла собака-самец, и я присела на зеленой траве перед ним и вежливо оставила ему напоминание о том, что здесь была я.

Мамуля редко гуляла со мной подолгу, но сегодня она была веселой, и мы все шли и шли, исследуя новые места. И тут мимо нас проехал грузовичок, от которого пахло множеством разных животных, и эти ароматы были такими сильными, что мне захотелось подбежать к нему и понюхать. Когда он остановился, я была рада из-за чудесного благоухания, которое он выпускал, но Мамуля замедлила шаг, и я почувствовала, что она встревожена.

В кузове грузовичка в вольере из проволоки сидела маленькая собака-самка. Она смотрела на меня, но я была хорошей собакой и продолжала выполнять «Не Лай», даже когда она обиделась на меня и пронзительно завизжала.

Мужчина в шляпе вылез из грузовичка, подтягивая брюки. Мамуля остановилась, и я почувствовала, что тревога в ней нарастает. Я уставилась на мужчину в шляпе, гадая, не исходит ли от него угроза. Тогда я защищу Мамулю, потому что этого хотел бы Лукас.

– Мы конфискуем эту собаку, – крикнул мужчина, закрывая переднюю дверь грузовичка. Он произнес слово «собака» так, словно я веду себя как плохая собака, хотя я по-прежнему выполняла «Не Лай».

– Нет, не конфискуете, – ровным голосом ответила Мамуля.

– Она является муниципальным имуществом. Моя работа – конфисковать ее. Если вы начнете выступать, я вызову полицию, и вас арестуют. Таков закон. – Мужчина в шляпе засунул руку в грузовичок и достал оттуда длинную палку с веревочной петлей на конце. Я с любопытством смотрела на эту штуку, пока он подходил все ближе. Это что, новая игрушка?

– Вы не можете забрать Беллу. Она собака-помощник.

– Нет, по закону она не может иметь такой статус. – Мужчина в шляпе остановился, и я почувствовала, что он обеспокоен, может быть, даже более обеспокоен, чем Мамуля. Почему-то то, что происходило, вызывало беспокойство у всех.

– Послушайте, я не хочу, чтобы здесь заварилась каша.

– Тогда не заваривайте ее.

– Дайте мне сделать свою работу, иначе вы отправитесь в тюрьму.

Мамуля встала на колени рядом со мной и положила руку на мою морду. Я облизала ее ладонь и почувствовала оставшийся на ней еле уловимый вкус масла. Она отстегнула мой поводок.

– Белла! «Иди Домой»!

Я была поражена. Я играла в «Иди Домой» только с Лукасом и не знала, что эта игра известна и Мамуле.

– «Иди Домой»! – громко повторила она.

Я никогда еще не уходила от моего места перед нашим домом так далеко, но я знала, что делать. Я пустилась бежать.

Я слышала, как у меня за спиной лает маленькая собака в проволочном вольере, и даже когда я перестала чують благоухание грузовичка, я продолжала слышать ее лай и знала, что грузовичок двигается, поворачивает вслед за мной. Я помчалась через дворы, наслаждаясь неистовым чувством, которое давали мне мои бегущие во всю прыть лапы, и ощущением полной свободы. На меня лаяли собаки, но я не обращала на них внимания. У меня была задача, и я должна была ее выполнить.

Подбежав к нашему крыльцу, я, часто дыша, свернула в клубок на

своем месте под кустами. Я вела себя как хорошая собака.

Я услышала, как подъехал грузовичок и сразу же почувяла знакомую смесь запахов животных, которые там побывали, и запах маленькой собаки в вольере, которая уже перестала лаять. Потом хлопнула дверь, и я с любопытством подняла голову.

Рядом с грузовичком стоял мужчина в шляпе. Он хлопнул по своим брюкам и позвал:

– Эй, Белла! Ко мне!

Я была в недоумении – ведь в «Иди Домой» играют не так. Но потом мужчина бросил что-то к своим ногам, и я почувяла запах мяса. Ура! Я выполнила «Иди Домой», и теперь он меня за это вознаграждал. Так должно быть всегда. Я оставила свое место под кустами и, ринувшись к мужчине, схватила лакомство с тротуара.

– Белла!

Это была Мамуля. Она выбежала из-за угла на нашу улицу и мчалась ко мне. Это тоже было изменение в нашей игре: раньше ни Лукас, ни Мамуля никогда не звали меня на бегу после того, как я переставала прятаться.

Я подумала, что, наверное, надо побежать к ней, и вся напряглась, и тут почувствовала, как мою шею обхватил ошейник из веревки, и я вдруг оказалась на самом ужасном поводке, который только могла себе представить – он был твердый, негнущийся, и я попыталась от него освободиться.

– «Нельзя», Белла, – сказал мне мужчина в шляпе.

– Белла! – снова крикнула Мамуля, и ее голос был полон отчаяния и муки.

Мужчина поднял меня, обхватив мое тело одной рукой, а другой держась за твердый поводок. Он засунул меня в вольер рядом с маленькой собакой, которая тут же съежилась и подалась прочь от меня, не желая бросать мне вызов теперь, когда я была от нее так близко. Мужчина закрыл дверцу вольера. Что же мы делаем? Я чувствую, что нужна Мамуле! Я заскулила. Когда грузовичок заурчал и поехал по улице, я испугалась и растерялась. Я ничего не понимала.

Я сидела в вольере, зная, что надо выполнять «Не Лай». Грузовичок отъезжал все дальше и дальше от нашего дома, Мамуля все еще бежала за ним, но, когда мы заворачивали за угол, я увидела, как она упала на колени и поднесла руки к лицу.

Мужчина в шляпе довел свой грузовичок до здания, которое благоухало собаками и кошками и другими животными. Я услышала едва различимый лай собак, и в их голосах звучал леденящий страх.

Сначала мужчина в шляпе на негнущемся поводке завел в здание маленькую собаку, а потом меня. Когда я вошла внутрь, лай сделался намного громче, а запахи – намного сильнее. Я чуяла, куда отправилась маленькая собака, но меня отвели в другую комнату, где находились большие лающие собаки в вольерах с высокими стенками. Я не хотела там быть. Я хотела быть с Лукасом.

С меня сняли ошейник и тоже посадили в вольер. По сравнению с другими вольерами, которые я видела, он был очень большим. В нем была мягкая подстилка для меня и миска с водой. Я попила из нее, потому что мне хотелось сделать что-то нормальное и знакомое.

Другие собаки лаяли непрерывно, и меня ужасно тянуло присоединить мой голос к их голосам. Но я этого не сделала, потому что знала – я должна выполнять «Не Лай». Должна «Сидеть». Я должна быть самой-самой хорошей собакой, такой хорошей, какой только могу быть, чтобы Лукас наконец пришел и забрал меня отсюда.

Я просидела в вольере недолго, когда пришла молодая женщина и вывела меня из комнаты. Она тоже надела на меня негнущийся поводок – я не могла понять, зачем людям нужна такая странная штука, ведь она не дает хорошей собаке лизать их лица и руки и упираться в них передними лапами.

Она отвела меня в комнату, которая воняла химикатами. Там находились мужчина в шляпе и приятная женщина, которая мягко касалась меня, совсем как ветеринар. Приятная женщина прижала что-то к моей груди.

– По-моему, ее нельзя назвать питбулем, Чак, – сказала она. Я слегка вильнула хвостом, надеясь, что, когда все это закончится, придет Лукас и заберет меня.

– И я, и Гленн, и Альберто – мы все заявили, что это питбуль. Так что это уже официально, – ответил мужчина в шляпе.

– Альберто сейчас в отпуске, – резко сказала приятная женщина. Похоже, она была раздражена.

– Я отправил ему ее фото, и он факсом прислал мне свое заявление, сделанное под присягой.

– Это все туфта, – пробормотала женщина.

– Знаешь, я уже объяснял тебе правила, и мне это надоело. Всякий раз, когда мы привозим тебе питбуля, ты заводишь один и тот же спор.

– Потому что все это неправильно! Ваша троица объявляет питбулями больше собак, чем все остальные инспектора отдела по контролю за животными, вместе взятые.

– Это потому, что мы работаем здесь уже давно и повидали, что бывает, когда какой-нибудь питбуль кусает ребенка! – зло сказал мужчина в шляпе.

Женщина устало вздохнула.

– Эта собака в жизни никого не укусит. Смотри, я спокойно могу засунуть руку в ее пасть.

У ее пальцев был вкус мыла, химикатов и собак.

– Я делаю свою работу, а ты занимайся своей. Вживи ей чип, чтобы в том случае, если мы поймем ее в Денвере еще раз, мы знали, что эту собаку отлавливали уже два раза, так что теперь она подлежит уничтожению.

– Я знаю, что мне делать, Чак, – резко ответила женщина. – И я подам протест, как только мы здесь закончим.

– Еще один? Я от страха уже наделал в штаны, – глумливо сказал мужчина в шляпе.

В конце концов меня поместили во все тот же вольер. Я никогда еще не чувствовала себя такой несчастной. На меня все больше действовали страх, отчаяние и тревога, исходившие от других собак, так что я часто задышала и начала метаться по вольеру. Я могла думать только об одном – о Лукасе. Он придет и заберет меня. Отведет домой. Я буду хорошей собакой.

Но каждый раз, когда дверь открывалась, входил какой-то другой человек, а не Лукас. Некоторые собаки бросались к дверям своих вольеров, чтобы быть поближе к этим людям, виляя хвостами и вставая на задние лапы, в то время как другие в страхе отбегали назад. Я виляла хвостом, но больше никак не реагировала на этих людей. Обычно каждый, кто входил, уводил с собой какую-то собаку или, наоборот, приводил новую.

Что же мы все здесь делаем?

В конце концов ко мне подошел приятный мужчина, но не затем, чтобы отвести меня к Лукасу. Вместо этого он надел на меня очень странный поводок, который полностью обхватывал мою морду.

– Ты добрая собака. Ты хорошая собака, – сказал он мне, ласково касаясь меня. Я завиляла хвостом, радуясь тому, что могу выйти из вольера. Я надеялась, что сейчас мы пойдем домой, к моей семье!

Приятный мужчина открыл стальную дверь и вывел меня во двор. Мои ноздри расширились от резкого изменения запахов. Земля под моими лапами была твердой, неровной и сухой, и на ней росла вялая, редкая трава. Почти все пространство двора было пропитано запахами побывавших здесь собак, я явственно чуяла их с каждым вдохом.

– Меня зовут Уэйн, – сказал мужчина. – Извини за намордник. Считается, что ты злобная собака-убийца, которая может отгрызть мои руки и ноги.

Его тон был таким же добрым, как и его руки. Он поднес костяшки пальцев к моей морде, и я лизнула их через дырку в странном поводке, так хорошо, как только могла. Мы походили по дорожке вдоль высокого забора. Мне было очевидно, что до меня здесь гуляло много-много собак. Я с благодарностью присела у забора – я не хотела «Делай Свои Дела» в вольере, хотя в нем и было немало места, а другие собаки в комнате были не такими чистыми, как я.

Мужчина не подобрал за мной мой помет, как это делали Лукас и Мамуля.

– Не беспокойся, Белла, одной кучей больше, одной меньше. Мне придется скоро выйти сюда еще раз, и тогда я уберу их все. В этом и заключается весь шик моей работы.

Он жалел меня и гладил, но он не отвел меня к Лукасу. Потом мужчина повел меня все к тому же вольеру, хотя я села на пол и не хотела двигаться, когда он тянул за мой поводок.

– Пошли, девочка, – тихо сказал он. – Иди в свою будку.

Мне так не хотелось возвращаться в вольер, но мужчина начал толкать меня сзади, мои лапы заскользили по скользкому полу, и вот я уже оказалась внутри и печально свернулась на подстилке в то время, как мужчина запер дверцу. Я опустила нос между лап и стала слушать, как все эти плохие собаки игнорируют правило «Не Лай». Я была убита горем. Наверное, я была очень, очень плохой собакой, если Лукас отправил меня в это место.

* * *

Неужели такова моя новая жизнь? Меня выгуливали во дворе по нескольку раз в день, иногда это делала приятная женщина по имени Глиннис, а иногда – мужчина по имени Уэйн, и каждый раз на меня надевали неудобный поводок, который не давал мне разжать зубы. В

комнате все время, и днем, и ночью, слышался лай собак. Иногда приходил Уэйн и поливал ее из шланга, и после этого запахи собачьего помета сначала усиливались в сыром воздухе, а потом слабели и исчезали, отчего комната с вольерами становилась еще менее интересной.

Я так тосковала по Лукасу. Я хорошая собака, которая все время выполняет «Не Лай», но иногда я плакала. Когда я спала, мне казалось, что я чувствую прикосновение его рук к моей шерсти, но, когда я просыпалась, его не было.

Я вспомнила белку, которую мы как-то нашли на улице, ту, которая была раздавлена чем-то тяжелым. Как же она была не похожа на живую бегущую белку.

И теперь я чувствовала себя точно так же.

Я ничего не ела. Я лежала на подстилке и не двигалась с места, когда дверь вольера открывалась, чтобы Уэйн или Глиннис погуляли со мной во дворе с высоким забором. Мне не было дела даже до всех чудесных меток, которые оставили там собаки-самки и собаки-самцы. Я просто хотела, чтобы пришел Лукас.

Когда в комнату зашла какая-то новая женщина, надела на меня мой старый ошейник и повела меня в коридор, я с трудом встала на лапы, чувствуя себя одеревеневшей и вялой. Я послушно пошла за женщиной, но я не виляла хвостом. Моя голова была опущена, и, чуя витающие в воздухе ароматы собак и кошек, я больше не испытывала интереса.

Она привела меня в маленькую комнату.

– Ну вот, Белла, давай наденем его обратно. – И она снова надела на меня странный неудобный поводок. На полу лежала мягкая подстилка, и я обошла ее кругом и, вздохнув, легла на нее. – Я сейчас вернусь, – сказала мне женщина и ушла. Я не знала, где нахожусь, и мне было все равно.

И тут дверь открылась. Лукас! Я вскочила на лапы и бросилась в его объятия, едва он вошел.

– Белла! – воскликнул он и, покачнувшись, сел на пол.

Я задыхалась и скулила взахлеб, пытаюсь лизнуть его через дурацкий поводок. Я потерлась головой о его грудь и села на его колени, положив на нее передние лапы. Он обхватил меня руками, и все мое существо пронизало чувство несказанного счастья. Я все-таки хорошая собака! И Лукас все-таки любит меня! Я ни за что не расстанусь с ним снова. Я испытывала такое облегчение, такую благодарность. Мой человек был здесь, чтобы отвести меня домой!

Новая женщина была в комнате тоже. Она отыскала для меня Лукаса!

– Можно я сниму с нее эту хоккейную маску? – спросил Лукас.

– Вообще-то нам этого не разрешают, когда речь идет о питбулях, но, конечно, снимите, ведь она явно неопасна.

Лукас отстегнул штуку, сковывавшую мой нос, и я наконец смогла как следует его поцеловать.

Женщина держала в руке какие-то бумаги.

– Итак, вы, насколько я знаю, подписали все документы, но я хочу еще раз напомнить вам, что в них говорится. Если вашу собаку, неважно по какой причине, еще раз поймают в границах Денвера, ее продержат у нас три дня, а затем уничтожат. Для питбулей действует правило, гласящее, что, если такую собаку поймали в городе два раза, она подлежит уничтожению. Апелляции не принимаются, разве что вы обратитесь в суд, но должна вам сказать, что судьи чаще всего прислушиваются к заключению инспекторов отдела по контролю за животными. Большинство наших инспекторов замечательные люди, по-настоящему заботящиеся о животных, но тот, который задержал Беллу... Скажем так, Чак не из тех, кто мне симпатичен, к тому же у него есть еще и пара дружков ему под стать, с которыми он играет в покер. Они вечно покрывают друг друга во всех делах. Вы понимаете, что я говорю? Такова система, и в ней все против вас.

Лукасу было грустно, несмотря на то что мы с ним опять были вместе.

– Я не знаю, что делать.

– Вы должны вывезти ее за пределы Денвера.

– Я не могу... Существуют обстоятельства, из-за которых я не могу переехать сразу. Моя мать... в общем, это сложный вопрос.

– Что ж, желаю вам удачи. Не знаю, что еще можно вам сказать.

Когда мы вышли на улицу, там нас ждала Оливия! Я взвизгнула от радости, чувствуя себя такой счастливой, что мне хотелось бегать и бегать кругами. Она встала на колени и выразила всю свою любовь, крепко обняв меня и позволив мне облизать ее лицо.

Подошел мужчина – это был Уэйн. Может быть, мы сейчас все вместе погуляем по тому двору?

– Лукас? – спросил Уэйн.

– Уэйн? – Они стукнулись кулаками, но это не была драка. – Оливия, это Уэйн Гетц. Мы с ним вместе учились в старших классах школы. Уэйн, Оливия мой водитель.

– Я его девушка, – сказала Оливия.

– Классно, – сказал Уэйн, широко улыбаясь. – Так значит, Белла твоя собака? Она потрясающая.

Я завиляла хвостом.

– Спасибо. Да, она хорошая собака.

– Стало быть, ты здесь работаешь? – спросил Лукас.

Уэйн пожал плечами.

– Я здесь на исправительных работах. Меня опять застукали на краже в магазине.

– Ах, вот оно что.

Уэйн рассмеялся.

– Да нет, со мной будет все путем. Я собираюсь бросить разгульную жизнь, честное слово.

Мне не терпелось встретиться с Мамулей, и я ткнулась носом в ладонь Лукаса.

– А чем ты сейчас занимаешься? – спросил Лукаса Уэйн.

– Работаю в госпитале для ветеранов. Я помощник при паре координаторов медицинских услуг. Оливия работает там же – ее работа заключается в том, чтобы орать на людей.

– Только на Лукаса, – сказала Оливия.

– Ты всегда собирался поступить на медицинский факультет, – сказал Уэйн.

– Мои намерения не изменились. – Лукас кивнул. – Если все сложится удачно, я начну учиться там осенью.

Наконец-то они перестали разговаривать друг с другом, и я забралась в машину Оливии. Я села на заднее сиденье и высунула нос из окна.

Я знала, что никогда не пойму, что произошло. Я не понимала, почему меня закрыли в комнате с вольерами, где сидели собаки, и почему Лукас так долго ждал, прежде чем наконец прийти и забрать меня. Я знала только одно – мы одна семья, и я никогда больше не покину наш дом.

* * *

Мы опять начали вставать до того, как станет светло, и ходить гулять, а во второй раз выходили из дома уже в темноте.

– Только в эти часы мы можем быть уверены, что по улицам не ездит этот губитель собак.

– Мы уедем из Денвера, – твердо сказала Мамуля.

– Куда? В Авроре действует запрет на питбулей, то же самое в Коммерс-Сити и в Лоун-Три.

– Уверена, что все-таки есть какое-то место, куда мы могли бы перебраться.

– Такое место, которое будет нам по карману? После того как мы

разорвем наш арендный договор? Да где нам взять денег на страховой депозит? И на какие шиши мы будем перевозить наши вещи? – резко спросил Лукас. – У нас нет средств даже для того, чтобы купить машину!

– Перестань! Я не позволю тебе так говорить. О человеке можно сказать, что он побежден, только если он сдался, – сурово сказала Мамуля. – Давай начнем искать другую квартиру немедленно.

Тем вечером, когда Лукас вывел меня на позднюю прогулку, я почувала, что где-то далеко за нами едет тот самый грузовичок, пахнувший множеством кошек и собак. Лукас не обернулся, чтобы посмотреть на него, но я знала – он рядом.

Глава 10

Когда мы вышли из дома на следующее утро, небо еще было темным, а на земле лежал мокрый снег. Лукас усмехнулся.

– Такова денверская весна, Белла.

На улице почти не было ни людей, ни машин, так что вокруг царили тишина и покой. Запахи были приглушены, и из-за снега мои лапы сразу же стали мокрыми. Все было чудесно. Чувство тревоги отпустило Лукаса, и он стоял и смеялся, глядя, как я катаюсь по восхитительно холодному снежному одеялу. Я фыркала и чихала, и мне хотелось играть весь день, но, после того как я сделала «Делай Свои Дела», мы повернули и пошли обратно.

Мы поднялись по ступенькам на крыльцо, и Мамуля ждала нас у двери.

– Этот тип из отдела по контролю за животными не появлялся?

– Нет. Они не выезжают на улицы так рано, – ответил Лукас. – И сегодня вечером я тоже подожду допоздна, прежде чем вывести ее гулять.

– Бедная Белла. Ей придется ждать так долго.

– С ней все будет в порядке. Ума не приложу, что еще мы можем предпринять.

– Я буду продолжать подыскивать нам в Интернете другую квартиру.

– Конечно, Мамуля.

– Ставки арендной платы так выросли. – Она вздохнула.

– А ты уже поговорила со своим куратором?

– Да. Это вопрос не безнадежный, просто его решение займет много времени. Я могу подать заявление после того, как мы реально подыщем подходящую квартиру.

– Как раз времени-то у нас и нет, – угрюмо сказал Лукас.

– Не смотри на меня с таким мрачным видом. Все обойдется.

– Мы никогда не сможем отыскать такую квартиру, которая бы подошла нам во всех трех отношениях: чтобы в ней было разрешено держать Беллу, чтобы она находилась недалеко от того автобусного маршрута, рядом с которым стоит госпиталь, и чтобы она отвечала всем требованиям для получения твоей субсидии на оплату жилья.

– Не говори «никогда». У нас непременно все получится.

Лукас погладил меня по голове.

– Будь хорошей собакой, Белла. А мне сейчас нужно «Идти на Работу».

Мы с Мамулей провели день вместе, я была ужасно рада, что могу просто лежать на полу, не находиться в комнате с лающими собаками и знать, что я дома и что Лукас вернется и от его одежды будет пахнуть Оливией. На улице припекало солнце, и я чуяла, что снег растаял.

В тот вечер Лукас вышел из дома без меня, взяв с собой кошачий корм, а потом вернулся.

– Этого грузовичка с ловцом собак не видно, – сказал он Мамуле. – Он пристегнул к моему ошейнику поводок, и я начала возбужденно крутиться перед входной дверью, поскуливая, чтобы он наконец выпустил меня наружу.

Я чуяла, что моя мама находится сейчас в логове на другой стороне улицы и что Лукас дал ей и остальным кошкам еды.

Мой нос чуял и еще кое-что. Тот грузовичок, в кузове которого были проволочные вольеры, вернулся и стоял сейчас через улицу от нас. Моего веселого настроения как не бывало – может быть, он вернулся за мной? Я не хотела снова возвращаться в то здание. Я подняла голову и посмотрела на Лукаса.

– Все в порядке, Белла. Угрозы нет.

Я явственно услышала, как урчит грузовичок, поворачивая на нашу улицу. Запахи кошек и собак сделались намного сильнее, но, похоже, Лукас не мог их учуять.

Лукас тихонько потянул за поводок.

– Пошли, Белла. – Тот грузовичок двигался, приближаясь к нам. Я сделала то, чего хотел от меня Лукас, и пошла вперед, и тут внезапно он встал как вкопанный. Грузовичок громко заревел и остановился прямо перед нами. Из него выпрыгнул мужчина в шляпе.

– Властью, данной мне городом Денвером, я конфискую это животное, – объявил он.

Лукас встал рядом со мной на колени, пытаясь отстегнуть от ошейника мой поводок. Я напряглась – значит, сейчас мне надо будет выполнить «Иди Домой»?

Мужчина в шляпе поднял руку.

– Если вы спустите эту собак с поводка, я выстрелю в нее дротиком с ядом.

Лукас был испуган и рассержен.

– Вы этого не сделаете. – Он сделал шаг по направлению к дому.

– Не осложняй дело, парень, – тихо сказал мужчина в шляпе. – Я вызвал полицейскую подмогу, как только увидел, что ты ступил на тротуар. Что бы ты ни попытался предпринять, тебе будет только хуже.

– Зачем вы все это делаете?

– Я выполняю закон.

– Мы скоро переедем. Разве не этого вы от нас хотите? Разве не этого хочет Гантер? Мы переедем и не сможем увидеть, как он сносит тот дом, в котором, по вашему заключению, нет кошек. Нам просто нужно время, чтобы подыскать другую квартиру. Лады? Просто дайте нам еще несколько дней.

– Не могу. Все вы так говорите. Если бы мы давали отсрочку всем, у кого есть питбули, мы никогда бы не смогли задержать ни одну из этих собак. Они бы здесь так и кишели.

– Пожалуйста.

За нами остановилась машина. На ее крыше мигали яркие огни. Из нее вышли два человека. Они были одеты в темную одежду, а на поясах у них были металлические штуки. Обе они были женщинами. Одна была намного выше другой. Полицейские.

– Это питбуль. Его уже задерживали. А его владелец оказывает сопротивление, – приветствовал их мужчина в шляпе. – Вы должны арестовать его за отказ подчиниться моему законному требованию.

– Это питбуль? Вы в этом уверены? – спросила та из женщин, которая была повыше.

Мужчина в шляпе кивнул.

– Да, это официально подтвердили трое наших инспекторов.

– Ну, может быть, – с сомнением в голосе ответила женщина.

– Мы не имеем отношения к этому вашему решению, – сказала другая женщина.

– По-моему, эта собака не похожа на питбуля, – сказала женщина повыше.

– Ваше мнение никого не интересует, – сердито ответил мужчина в шляпе.

Обе женщины посмотрели на него без какого-либо выражения на лицах. Потом та, что была повыше, повернулась к Лукасу.

– Назовите ваше имя.

– Лукас Рэй.

– Знаете, Лукас, вы должны передать вашу собаку инспектору отдела контроля за животными, – сказала она ему добрым голосом.

– Но они хотят убить ее! Это несправедливо. Я только вчера забрал ее из приюта для собак. Всего один день назад, – ответил Лукас. – Мы с матерью уезжаем из Денвера, нам просто нужно время.

Я тревожно зевнула, чувствуя отчаяние Лукаса, ярость мужчины в

шляпе и напряжение этих двух женщин.

– Неужели вы не можете дать ему несколько дней на переезд? – спросила женщина повыше. – По-моему, это разумная просьба.

– Нет. Я выполняю свою работу. Вы должны арестовать этого парня за отказ передать мне это животное.

– Пожалуйста, не тычьте в меня пальцем, – холодно сказала женщина повыше.

Мужчина в шляпе опустил руку.

– Если мы сочтем нужным произвести арест, мы его произведем. Но главное для нас – это разрядить взрывоопасную ситуацию. А ваша демагогия этому не способствует.

– Что? – брызгая слюной, заорал мужчина в шляпе.

Я ткнулась носом в руку Лукаса, чтобы удостовериться, что вокруг не происходит ничего плохого.

Вторая женщина тем временем отошла в сторону и что-то тихо сказала через плечо. Теперь она вернулась.

– Сержант говорит, чтобы мы здесь закруглялись, – сказала она своей высокой подруге.

Женщины подошли к нам. Я ощущала их доброту, она чувствовалась в том, как та из них, что была пониже, коснулась руки Лукаса.

– Может быть, вы сможете обратиться к адвокату, но сейчас вы должны отдать ему вашу собаку, – мягко сказала она ему. – Иначе нам придется надеть на вас наручники и отвезти в участок. Вы же этого не хотите?

– У нас нет денег на адвоката. Пожалуйста.

– Мне очень жаль, Лукас.

Лукас зарылся лицом в мою шерсть. Я слизнула с его лица соленые слезы. От него исходили волны глубокой печали.

– Но она не поймет. Она подумает, что я бросаю ее, – задыхаясь, проговорил он голосом, полным муки.

– Ну хватит, поехали, – сказал мужчина в шляпе.

– Сэр, вы должны отойти в сторону, – отрывисто сказала женщина повыше.

– Прощайтесь с ней. А то потом будете жалеть, что не попрощались, – шепнула женщина пониже.

Лукас обнял меня.

– Прости меня, Белла. Я не могу тебя защитить. Это моя вина. Я люблю тебя, Белла.

Мужчина в шляпе подошел ближе, размахивая странным негнуцимся

поводком.

– В этой штуке нет необходимости! – крикнул Лукас, и я почувствовала, как в нем разгорается гнев.

– И вы двое будете просто стоять, позволяя ему вот так трепать языком? – сказал мужчина в шляпе, обращаясь к двум женщинам.

– Вот именно. А что вас смущает? – раздраженно ответила женщина пониже.

– Дайте ему самому поместить свою собаку в клетку, – приказала женщина повыше.

Лукас подвел меня к одному из вольеров, стоящих ближе к краю кузова грузовичка. Мужчина в шляпе открыл его дверцу, и Лукас поднял меня с земли и ласково посадил меня внутрь.

– Я люблю тебя, Белла, – прошептал он. – Прости меня, прости.

Я знала, что то, что происходит, хорошо, потому что Лукас был со мной и защищал меня. Я завиляла хвостом, и он отстегнул от моего ошейника поводок. Потом поцеловал меня в морду. Моему человеку все еще было так грустно. Мне хотелось выполнить команду «Иди Домой» и улечься вместе с Лукасом на кровать и прижаться к нему, как я прижималась к Маку, когда мы делали «Идти на Работу». Чтобы подарить ему успокоение. И поиграть в «Крохотный Кусочек Сыра». Тогда ему не будет так грустно.

Мужчина в шляпе закрыл дверцу вольера.

– Прощай, Белла, – сказал мне Лукас, и голос его дрогнул. – Я никогда тебя не забуду.

Когда грузовичок поехал, Лукас стоял на мостовой, вытирая глаза.

Я знала, что должна «Не Лай», но я вдруг так испугалась, что ничего не смогла с собой поделаться и залаяла. Кажется, теперь я начала понимать, что произошло.

* * *

Скоро я опять оказалась в комнате с вольерами, в которых были заперты лающие собаки. Я чувствовала себя совершенно несчастной. Лукас нуждался во мне, а мне был нужен мой Лукас. Почему он отправил меня сюда? Мне здесь было не место.

Я свернулась на мягкой подстилке, уткнувшись носом в хвост и стараясь не слушать собак, которые не умели выполнять «Не Лай». Их голоса и запахи были полны ужаса, одиночества и чувства собственного

бессилия. Я старалась не поддаваться всему этому, но вскоре и я начала скулить.

Я чувствовала, как идет время. Днем в комнате становилось светлее, но и ночью в ней не было совершенно темно. Собаки лаяли непрерывно. Меня стошнило в углу вольера, и Уэйн смыл это водой из шланга. Меня выводили гулять вдоль забора то он, то приятная женщина Глиннис, и каждый раз на меня надевали странный поводок, закрывавший мою морду. Земля во дворе была твердой от топтавших ее множества собачьих лап.

– У меня на душе кошки скребут, Белла, – сказала мне Глиннис, ведя меня медленно, чтобы я могла обстоятельно обнюхивать забор. Запахи всех этих собак приводили меня в смятение. – Ты такая ласковая собака. Ты никогда никого не кусала. Большинству наших инспекторов и в голову бы не пришло объявить тебя питбулем, но получилось так, что к тебе прикопался один из плохих парней. Все здесь считают Чака засранцем.

Она не произнесла имени «Лукас», и я не чуяла на ней его запаха.

Я вернулась в комнату с вольерами, но теперь все было куда хуже. Глиннис была такой угрюмой, а собаки вокруг меня – особенно грустными.

Я часто дышала и металась по вольеру, пыталась лечь на подстилку и тут же вскакивала опять, и так снова и снова. И я не могла больше соблюдать правило «Не Лай». Я лаяла и лаяла, как плохая собака, умоляя, плача, горюя и вопрошая, почему меня здесь держат. Но ответом мне был только вой и лай остальных собак.

Следующим вечером произошло что-то странное. Я почувствовала, как в комнату зашел Уэйн, хотя я его и не видела. В конце прохода между вольерами был стенной шкаф, и, поскольку им пользовалось много людей, мне был знаком звук, который он издавал, когда его дверцу открывали и закрывали. И сейчас я снова услышала этот звук. Запах Уэйна сразу же изменился – он никуда не ушел, но стал слабее. Уэйн находился в стенном шкафу. Остальные собаки тоже чуяли, что он там, – я чувствовала это по их лаю.

Раньше никто не закрывался в стенном шкафу, а теперь Уэйн находился в нем так долго, что я устала ждать, когда он выйдет. Я погрузилась в беспокойный сон, но сразу же проснулась, услышав, как Уэйн подошел к моему вольеру, поднял щеколду и осторожно открыл дверцу.

– Белла! – прошипел он. – Ко мне!

Остальные собаки остервенело лаяли, наверное, именно поэтому Уэйн подошел к моему вольеру, а не к одному из других. Он надел на меня незнакомый мне ошейник и пристегнул к нему поводок – нормальный

поводок, а не такой, который сжимал мою морду так, что я не могла открыть пасть.

– Пойдем!

Он провел меня мимо остальных собак, потом по коридору, и наконец мы вышли во двор. Раньше Уэйн никогда не выводил меня гулять ночью, да еще так поздно. Я быстро присела, но не успела я закончить, как поводок натянулся. Уэйн бежал, и мне пришлось бежать вместе с ним. Это было совсем не похоже на прогулку с Глиннис, которая понимала, что вокруг полно запахов, которые мне надо изучить, и давала мне возможность остановиться и принюхаться. Уэйн же тянул меня за собой слишком быстро. Мы с ним добежали до самого конца двора, где было темно.

– Уэйн! – шепнул кто-то. И тут я почуяла его запах – Лукас был здесь!

Мы с Уэйном подбежали к самому забору. Я царапала его когтями, пытаюсь добраться до Лукаса, лизнуть его. Лукас и Оливия были за забором, и она просунула сквозь него руку, чтобы я смогла поцеловать ее. – Подними ее! – тревожно и торопливо сказал Лукас. – Мы накрыли колючую проволоку одеялом.

Уэйн, крикнув, оторвал меня от земли. Подняв меня над головой, он зашатался. Я испугалась и обмякла.

– Какая она тяжелая! – прошипел он.

– Подержи лестницу! – сказал Лукас Оливии. На заборе висело мое одеяло, и Лукас, перегнувшись через него, протянул ко мне руки. Потом он схватил меня, подтянул наверх и перенес через забор.

– Спокойно, Белла, я тебя держу.

Я лизала его лицо, пока он спускался по металлическим ступенькам, прижимая меня к себе совсем так же, как когда я была щенком. Меня касались и руки Оливии.

– Хорошо, Белла! – тихо похвалила меня она.

Наконец я добралась до земли. Я изо всех сил виляла хвостом, не в силах сдержать поскуливание, которое вырывалось из моего горла. Мне хотелось, чтобы Лукас лег на землю и я могла залезть на него. Он пощупал мою шею.

– Это не тот ошейник.

Уэйн внимательно посмотрел на меня.

– Точно. Я просто снял с вешалки первый попавшийся.

Оливия тихонько потянула за мой ошейник.

– Разве это так уж важно?

– Наверное, нет, – ответил Лукас. Просто на том была табличка с ее именем и номером моего телефона.

Оливия погладила мои уши.

– Мы купим тебе новый ошейник, Белла.

Я завиляла хвостом.

– Послушай, Лукас, по-моему это стоит больше сотни баксов, – прошептал Уэйн. – Мне пришлось воспользоваться электронным пропуском инспектора, который сейчас в отпуске. Журнал регистрации покажет, что все двери открывал он. И они скоро поймут, что здесь что-то нечисто.

– Ты сказал: ровно сотня. И она у меня при себе, – сказал Лукас.

– Я просто хочу сказать, что это оказалось более рискованным делом, – сказал Уэйн.

– Ты стер из памяти компьютера данные о том, что Беллу второй раз привозили сюда? – спросила Оливия.

– Да, это как раз было нетрудно. Я просто сел за стол регистрации и нажал на кнопку удаления. Белла все еще значится в базе данных, но сведений о том, что ее привозили во второй раз, там уже нет. Так что ее теперь нет и в списке на уничтожение.

– Спасибо, Уэйн, – ответила Оливия.

– У меня при себе нет больше денег. – Лукас снова поднялся по ступенькам и снял с забора мое одеяло. Он сбросил его на землю, а затем спустился и сам. – Я принес только сотню. Как ты и говорил.

– Я просто подумал, что, если я попадусь, у меня будут большие неприятности.

– Значит, не попадайся. – Вот, возьми. – Лукас просунул что-то сквозь забор, и Уэйн это взял.

– Ну ладно, чувак, – грустно сказал Уэйн.

– Спасибо, Уэйн. Ты спас Белле жизнь, – сказала Оливия.

– Что ж, я не прочь насолить этому говнюку, который конфисковал ее у тебя. Все здесь его терпеть не могут.

Лукас потянул за мой поводок.

– Пойдем, Белла.

* * *

Мы поехали на машине Оливии! Я была так счастлива, что они оба рядом! Я просунула голову между передними сиденьями, и они оба гладили меня по ушам.

Однако Лукасу все еще было грустно, хотя мы все снова были вместе.

Что бы я ни сделала плохого, я постараюсь больше никогда этого не повторять. Мне ни за что не хотелось возвращаться в ту комнату, полную лающих собак.

– Как ты, малыш? – спросила Оливия и коснулась затылка Лукаса.

– Нормально, – хрипло ответил Лукас.

Оливия вздохнула.

– Ты же знаешь, я бы взяла ее к себе, не задумываясь.

– Конечно, знаю. Но это по-прежнему будет Денвер.

– А ты уже перебрал всех? И нет никого, кто мог бы поддержать ее у себя?

– Тетя Джули живет в Лондоне. Бабушка слишком немощна. Почти все мои друзья живут в Денвере. А у моего приятеля Чейса уже есть две собаки, и его девушка говорит, что не согласится, чтобы он взял к себе еще и Беллу.

– Вот беда.

Мамуля была дома, и я приветствовала ее, уперевшись лапами ей в грудь и облизав ее лицо, когда она опрокинулась на спину.

– Белла! – рассмеялась она, но ее тоже что-то угнетало.

В доме находилась еще одна подруга Лукаса. У нее был знакомый мне запах, но я не могла вспомнить, кто она такая, пока она не протянула руку и не погладила мою морду.

– Привет, Белла, – приветствовала она меня. Исходящие от нее запахи кошек и ее собственный аромат напомнили мне о том, как она заползла в логово, пытаясь поймать Маму-Кошку в тот самый день, когда я встретила Лукаса.

– Есть и хорошие новости. Одри говорит, что с кошками будет все хорошо, – сказала Мамуля.

– Верно, – сказала Одри. – Иногда нам очень помогает то, что в нашем правлении состоит член администрации графства. Благодаря ей действие выданных Гантеру разрешений на снос было заморожено, пока он наконец не даст нам возможности изловить всех оставшихся в подполе кошек.

– Это здорово, – сказал Лукас, – но думаю, Белле это не поможет.

– Нет, раз она уже значится в базе данных.

– Спасибо, что помогаешь нам, Одри, – сказала Оливия.

– Да ладно. Всегда рада помочь. Такие вещи творятся постоянно. Закон сформулирован так, что в Денвере уничтожается столько собак, которые никогда никому не причинили бы вреда. Но когда мы вывезем Беллу из Денвера, ей уже ничего не будет угрожать.

– Куда ты собираешься ее отвезти? – спросила Оливия.

– В Дуранго, – ответила Одри. – Там живет одна семья, которая постоянно спасает у себя собак, признанных питбулями.

– Как только мы подыщем квартиру за пределами границ Денвера, я приеду и заберу ее, – сказал Лукас.

– А вы можете приблизительно сказать мне, сколько времени это займет? – спросила Одри.

– Это дело небыстрое, – ответила Мамуля. – Сначала нам придется пройти всю эту абсурдную бюрократическую канитель. К тому же во многих многоквартирных домах существуют ограничения на размеры собаки, а Белла – крупный пес.

– Понятно.

Мамуля посмотрела на нее.

– Что, что-то не так?

– Ну, думаю, я поначалу неправильно поняла ваши намерения. Я думала, мы ищем для нее временную приемную семью, которая будет хорошо о ней заботиться, пока мы не подыщем семью, которая возьмет ее насовсем.

– О нет, – сказал Лукас. – Нам надо просто укрыть ее в безопасном месте, пока мы не сможем переехать.

– Я вижу, что здесь есть какая-то загвоздка, – сказала Мамуля. – Почему бы вам не сказать нам, в чем она состоит?

– Просто наша система пристройства животных создавалась не для этого. Когда Белла переедет к своей временной приемной семье, она займет в их доме место, которое могло бы достаться другой собаке. Нам надо пристраивать наших собак как можно быстрее. Это единственный способ спасти им жизнь – в базе данных животных значится слишком много, а людей, готовых взять их к себе, слишком мало. Если Белла пробудет во временной приемной семье несколько недель или даже месяцев, какую-то другую собаку могут тем временем усыпить, потому что для нее уже не найдется места.

В комнате воцарилась тишина.

– Послушайте, – продолжала Одри, – я понимаю, как это для вас тяжело, и, разумеется, если вы подыщите себе новую квартиру в ближайшее время, вы сможете ее забрать. Но прошу вас, подумайте, что будет лучше для всех, включая Беллу. Из того, что вы мне рассказали, я поняла, что отдел по контролю за животными объявил на нее охоту и не собирается отступать. Почти все работающие там инспектора – порядочные люди, которые занимаются этим делом, потому что хотят защищать животных, но у того из них, с которым имеете дело вы, репутация хуже

некуда.

– Когда мы ее вызволили, шли уже последние из тех трех суток, в течение которых они держат таких собак у себя, прежде чем усыпить.

– Тогда мы не можем рисковать, и надо вывезти ее за пределы города немедленно. Странно, что они ее выпустили, я никогда раньше не слышала о таком, – заметила Одри.

Лукас и Оливия переглянулись. Мне хотелось, чтобы все поскорее достали мячик и дали мне лакомств, вместо того чтобы быть такими напряженными, стоять без дела и говорить.

– Сколько времени у меня есть? – тихо спросил Лукас.

– Ну, если вы ставите вопрос таким образом... я расскажу временной приемной семье о вашем плане. Уверена, мы могли бы подождать, по меньшей мере, неделю. Вы будете держать меня в курсе, сообщая, как идут поиски новой квартиры?

– Этим займусь я, – сказала Мамуля.

Лукас встал на колени и обнял меня.

– Обещаю тебе, я сделаю все, чтобы подыскать новую квартиру. Если надо, я буду работать на двух работах. Я приеду за тобой, Белла, как только смогу. Прости меня, прости.

И он, и Мамуля, и Оливия плакали, и это меня озадачило. Мне захотелось утешить их, но я не знала как. – Она не поймет. Подумает, что я ее опять бросаю, – сказал Лукас. В его голосе звучала боль.

Через несколько мгновений Одри пристегнула к моему ошейнику поводок и, к моему изумлению, вывела меня из дома и подвела к машине. Оливия и Мамуля стояли на крыльце, обнявшись.

– До свидания, Белла! – закричали они.

Лукас посадил меня в вольер, стоявший в машине Одри, положив туда мое одеяло, чтобы мне было мягко лежать. Потом наклонился и просунул сквозь решетку пальцы. Мы играли в «Крохотный Кусочек Сыра»! Ничего не понимая, но чувствуя благодарность к нему за то, что он считает меня хорошей собакой, я осторожно взяла лакомство из его руки. Когда я все съела, он не убрал пальцы, и я облизала их, совершенно сбита с толку. Я чувствовала его горе и ничего, ничего не понимала.

– Возможно, мы прощаемся с тобой навсегда, Белла. Если это и впрямь случится, прости меня. Я хочу, чтобы ты знала – в моем сердце ты навсегда останешься моей собакой. Просто это единственный доступный мне способ тебя защитить.

Когда он закрыл дверь машины, я могла видеть сквозь стекло его лицо. Оно было искажено, его щеки были мокрыми, и, когда машина поехала

прочь, я заскулила.

Я опять чувствовала себя плохой собакой.

Глава 11

Одри была приятной женщиной. Она разговаривала со мной и говорила, что я хорошая собака, но она увозила меня прочь от Лукаса. Я чувствовала, что он отодвигается от меня тем дальше, чем дольше гудит и трясется эта машина. Но его запахом было пропитано мое одеяло, и я тыкалась в это одеяло носом, глубоко дыша и упиваясь ароматом Лукаса. Это было одеяло, которое связывало меня с Лукасом.

И пока мы ехали, я почувствовала, что помню и другой запах. Раньше этот аромат, состоящий из запахов машин, людей, дыма и многого другого, аромат, который витал возле нашего дома, никогда не казался мне отчетливым, он был всего лишь фоном для неповторимого запаха нашего крыльца, входной двери, Мамули, Лукаса и меня самой. Но сейчас, пока мы ехали, эти фоновые запахи мало-помалу слились в единое ни с чем не сравнимое целое, в могучее собрание ароматов, которое для меня означало наш дом. Мы проезжали мимо других схожих с ним скоплений запахов, но мне было легко различить в воздухе ту палитру ароматов, которая отличала место, где живу я. Я даже могла определить, в какой стороне находится мой дом, когда приятная женщина Одри выпускала меня из машины, чтобы я сделала «Делай Свои Дела». Вот в том направлении, думала я, поворачивая туда нос, – вот в том направлении лежит мой дом.

Там находится Лукас. Но мы ехали не туда.

Вместо того чтобы отвезти меня к Лукасу, Одри привезла меня в дом, где я прожила много дней с женщиной по имени Лоретта, мужчиной по имени Хосе, большой собакой-самцом, маленькой белой собакой-самцом, двумя кошками и птичкой. Маленького самца звали Рэскал, и его никто не научил «Не Лай». Большого самца звали Грамп, и он был старый и медлительный, со светло-коричневой шерстью. Он никогда не лаял и весь день оставался очень сонным. Кошки не обращали на меня никакого внимания, а птичка пристально смотрела на меня, когда я обнюхивала ее клетку.

В первый день я чувствовала себя слишком несчастной, чтобы есть, и во второй тоже. Но потом я поняла, что Лукас отправил меня в это место, чтобы я здесь его ждала, и начала есть, когда ели остальные собаки. Мне надо было быть такой хорошей собакой, какой только возможно, чтобы Лукас приехал и забрал меня.

Мне дали подстилку, которая благоухала ароматами множества других

собак и, по меньшей мере, одной кошки. Я добавила к ней мое одеяло, связывавшее меня с Лукасом, чтобы иметь рядом его аромат, пока я буду спать.

Хосе по большей части сидел в большом мягком кресле. Он любил есть из миски и часто давал мне соленое лакомство, когда рядом не было Лоретты. Я проводила много времени, выполняя «Сидеть» у его кресла. Я знала, что раз он дает мне лакомства, я веду себя как хорошая собака, точно так же, как я знала, что я хорошая, когда Лукас давал мне из своей руки «Крохотный Кусочек Сыра».

Лоретта была ко мне очень добра и часто говорила мне, что я хорошая собака. За ее домом был большой двор, огражденный деревянным забором. Когда она выпускала нас во двор по утрам, мы делали «Делай Свои Дела», Рэскал начинал лаять на забор, а Грамп просто лежал, греясь на солнце. Когда шел дождь, Грамп, едва выйдя во двор, возвращался, чтобы улечься на маленький коврик у двери, а Рэскал быстро поднимал лапу, вставал рядом с Грампом и лаял на дверь, пока Лоретта не открывала ее.

В центре двора было место, полное мягкой древесной стружки. Мне нравилось делать там «Делай Свои Дела». Там были еще какие-то деревянные сооружения, назначение которых было мне неизвестно, если не считать качелей и еще ската со ступеньками, идущими от его верха до земли, – это была горка.

Ни Лоретта, ни Хосе не бросали мячик на горку, чтобы он покатился вверх, чтобы я взбежала по ней и прыгнула за ним вниз, когда он скатится и заскачет по земле, и от этого я тосковала по Лукасу еще сильнее. Именно это он захочет сделать, когда придет, чтобы забрать меня. Мы с ним будем играть в этом дворе, и он будет забрасывать мячик на горку, а я буду ловить его. «Хорошая собака, Белла!» – будет говорить он мне. Я могла представить себе его улыбку и его руки на моей шерсти.

Эти прогулки по двору дали мне возможность с помощью моего чутья еще лучше изучить то, что я узнала, когда Одри везла меня в машине к Лоретте и Хосе: в воздухе чувствовались скопления запахов множества домов с людьми, собак и машин, скопления, которые я могла легко отделить друг от друга, и среди них я явственно чуяла запахи моего дома. Когда Хосе ездил со мной на машине в «город», мы ехали прямо к одному из таких скоплений, и поэтому я стала думать о них как о городах. Вся земля была полна городов, и среди них был тот, где находился мой дом.

Я поняла все эти вещи, зная при этом, что я живу вовсе не с Лореттой и Хосе. Я жила с Лукасом и Мамулей, и моей задачей было делать «Идти на Работу», чтобы проводить там всех людей, которые меня любят, и дарить

успокоение тем, кто страдает от боли или кого мучает страх. Каждое утро, как только меня выпускали во двор, я нюхала воздух, надеясь почуять запах Лукаса, который едет сюда, чтобы забрать меня, как он забрал меня из того здания, полного вольеров и лающих собак.

– Я полагал, что Белла пробудет у нас только несколько дней, пока ее хозяин не приедет за ней, – сказал как-то раз Хосе. До этого я спала, но я, конечно же, подняла голову, когда он произнес мое имя. Я поднялась на лапы, а потом выполнила «Сидеть», как хорошая собака, которая заслуживает лакомств. – А она здесь уже две недели.

– Я знаю. – Лоретта пожала плечами. – Они приедут за ней в выходные.

– А, ну хорошо. – Тогда Хосе не дал мне соленых лакомств, но потом, когда Лоретта ушла на кухню, он украдкой сунул мне парочку. У нас с Хосе было взаимопонимание. Иногда Лоретта ловила нас и говорила ему:

– Не делай этого! – Тогда я тихонько уходила, но, по-моему, она была больше недовольна не мною, а Хосе. Бывают времена, когда лучше быть собакой, чем человеком.

Двор был обнесен забором, а за ним росли деревья и травы. Когда ветер дул с одной стороны, я чувала запахи людей, собак, еды и машин – там был город. Когда ветер менял направление, я различала запахи растений, деревьев и воды, как в парке, только очень большом. Иногда Хосе и Лоретта недолгое время гуляли с нами по тропинке за их забором, и там не было других домов, хотя мы часто встречали людей и собак. Хосе и Лоретта называли эти наши прогулки «топать по туристической тропе».

– Мне так нравится жить рядом с заповедником. Ну разве это не замечательно, Белла? – иногда спрашивала меня Лоретта, когда мы делали «Топать по Туристической Тропе. Я видела при этом, что она чувствует себя очень счастливой, но она все равно никогда не спускала меня с поводка, так что то, что ее радовало, явно было совсем не так уж чудесно.

Мы гуляли только в погожие дни. Я все время вспоминала, как гуляла в такие дни с Лукасом, и тогда вокруг благоухали цветы, и при моем приближении маленькие животные шмыгали под землю или взбирались на деревья. Наверняка теперь он приедет за мной!

– Я заменю стружку на детской площадке, – сказал Хосе Лоретте и мне после одной из таких прогулок. – Старая стружка уже начала гнить. Скоро настанет лето, и наши внуки захотят там поиграть.

– Хорошая мысль. Спасибо, Хосе.

Лоретта оставила нас одних во дворе и вернулась в дом.

– Давай обновим площадку, Белла, – сказал Хосе. – Тебе известно, что

завтра за тобой приедет твой хозяин? Мне будет не хватать тебя, с тобой было приятно иметь дело.

Я зевнула, почесала себя за ухом и подумала, что неплохо бы было вздремнуть.

Хосе выкатил из гаража какую-то штуку на колесах. Покряхтывая, он передвинул качели, горку и другие деревянные сооружения к самому забору.

– Уф! На сегодня хватит, – сказал он мне. – Пойдем в дом, Белла.

Я легла на мягкую подушку перед камином и закрыла глаза. Я думала о Лукасе. Я думала об Оливии. Я думала об «Идти на Работу» и «Иди Домой».

Я была хорошей собакой, но Лукас за мной не пришел. И, может быть, не придет.

Может быть, мне самой нужно сделать «Иди Домой».

* * *

В тот вечер Хосе выпустил меня во двор, чтобы я сделала «Делай Свои Дела». Я чуяла запахи столько вещей, но среди них не было запаха Лукаса. Но я знала, где он, я чувствовала его, это было, как если бы меня тянули в ту сторону за поводок. Это чувство было куда слабее, чем когда он шел по тротуару домой в конце дня, но я знала, в каком направлении идти. «Идти Домой».

Я не могла залезть на забор. И он был слишком высок, чтобы его перепрыгнуть. Но мне надо было уйти со двора. Хосе и Лоретта выходили со мной на прогулки, но всегда держали меня на поводке.

Если бы здесь был Лукас, он бросил бы мячик с такой силой, что тот покатился бы вверх по горке, а я побежала бы по скату вслед за ним. Горка теперь стояла у самого забора. Я представила себе, как Лукас бросает мячик и он катится вверх по скату и перескакивает через забор. А когда я побежала бы за ним и поймала его, я оказалась бы с другой стороны забора.

Мне не нужен был мячик. Я пробежала по двору, взбежала на горку, перенеслась через забор и легко приземлилась на мягкую землю.

Теперь я сделаю «Иди Домой» к Лукасу.

Я направилась не туда, откуда доносились запахи домов с людьми и собак, а туда, где росли деревья и пахло камнями, землей и водой. Я чувствовала себя сильной и хорошей, и у меня была цель.

Я не спала всю ночь и весь следующий день. Я нашла тропу, от

которой пахло множеством людей, но услышав, что кто-то приближается, я всякий раз сходилa с нее, пока этот человек или люди не уходили далеко. Неподалеку тек ручей, и я пила из него воду несколько раз.

Я начала испытывать голод, такой голод, который мне был не знаком. Мой желудок был пуст и немного болел. Я вспомнила, как Лукас давал мне «Крохотный Кусочек Сыра», и мой рот наполнился слюной. Я облизнулась, думая о сыре.

Когда день начал темнеть и холодать, я уже очень устала, и мне надо было поспать. Я выкопала углубление у скалы, думая при этом о другом логове Мамы-Кошки, о том, которое находилось под террасой.

И тут я вдруг осознала, что там, откуда я убежала, осталось кое-что очень важное и дорогое – мое одеяло.

Я свернулась клубком, и мне было холодно, грустно и одиноко.

* * *

Вскоре после того, как я закрыла глаза, меня разбудил ужасающий вопль. Я вскочила на лапы. Что бы ни произвело этот шум, оно было близко.

Когда звук разорвал тишину еще раз, я замерла. Теперь я поняла, что то, что сначала показалось мне воплем человека, было слишком пронзительным и каким-то звериным, но какое животное может издать такой крик? Когда звук расколол воздух опять, я не услышала в нем ни боли, ни страха, но он все равно меня напугал. Я заколебалась, гадая, что делать дальше. Бежать? Или пойти выяснить, что это?

Я замедлила шаг, когда мои уши подсказали мне, что я уже близко к источнику этих звуков, хотя ветер дул не ко мне, а от меня, так что я не чувяла запаха того, к чему приближалась.

И тут я увидела, кто издает эти звуки – на валуне сидела большая лиса. Ее пасть открылась, грудь сжалась, и ночь огласил ее истошный вопль. Немного спустя она издала его опять. Потом лиса резко повернулась и уставилась на меня.

Я почувствовала, как на загривке у меня поднимается шерсть. Я знала, что такое лиса с тех пор, как делала «Пойдем в Поход» с Лукасом и Оливией. Лисы – это животные, немного похожие на белок, потому что они тоже бегают близко к земле. Но в этой лисе было что-то такое, что у меня не возникло желания погнаться за ней. Мы смотрели друг на друга: собака и дикое животное, и я втягивала носом запах ее дикости. Интересно, что

она думает обо мне – о более крупной, чем она, хорошей собаке, которая живет с людьми?

Она бесшумно спрыгнула на землю и бросилась в кусты. Глядя, как она убегает, я подумала о том времени, когда увидела лису впервые, и о том, какой уверенной я тогда была и как мне хотелось погнаться за той лисой, если того пожелает Лукас. Но сегодня все было иначе. Рядом со мной не было людей, значит, сейчас я находилась в мире этой лисы, а не наоборот. И я вдруг почувствовала себя очень уязвимой.

Какие же еще существа поджидают меня там, в этом темнеющем лесу?

Утром я чувствовала тревогу, голод и немножечко – страх. Я знала, что я хорошая собака, раз делаю «Иди Домой», но тропа, по которой я бежала, вела не прямо туда, где, как я чувствовала, должен находиться Лукас. Но когда я сходила с тропы, на земле иногда бывало много скал, а иногда ее покрывали растения, так что двигаться по ней было трудно. Я подумала, что легче будет оставаться на тропе.

Через некоторое время тропа пошла вниз, и запахи людей стали явственнее. Я знала, что надо убежать, но чувство, что я скоро буду с людьми, гнало меня вперед. Я вспомнила, что уже испытывала подобное ощущение, когда все кошки перепугались, потому что в логове была женщина Одри, а меня вдруг потянуло к ней. Может быть, эти люди поприветствуют меня, как это всегда делали Тай и другие, и отведут меня к Лукасу.

Я услышала голоса двух молодых пареньков. И, поколебавшись всего лишь мгновение, направилась к ним.

* * *

Ветер дул мне в морду, и я почуяла этих пареньков задолго до того, как увидела их. Трусая к ним, я вдруг услышала громкий, резкий хлопок. Он был немного похож на звук, который раздается, когда хлопает дверь, – и все же это был звук, которого я никогда не слышала прежде. До моего носа донесся легкий запах едкого дыма.

– Классный выстрел! – услышала я голос одного из них.

Громкий резкий шум испугал меня, но желание вновь увидеть людей неудержимо тянуло меня к ним. Я взбежала на вершину невысокого пригорка и увидела их – они стояли бок о бок и не смотрели туда, где стояла я. Один из них держал в руках какую-то длинную трубку, и едкий запах шел именно от нее. У второго паренька на спине был мешок,

похожий на тот, который нес Лукас, когда мы делали «Пойдем в Поход». Перед ними на упавшем дереве стояло несколько бутылок, от которых шел слабый запах напитка, который всегда пил Хосе, когда давал мне лакомства. От этой мысли у меня потекли слюнки.

Из трубки вырвалось облачко едкого дыма, одновременно раздался тот же самый громкий хлопок, и одна из бутылок разлетелась на куски.

– Ну, чувак, ты даешь! – весело крикнул паренек, у которого был мешок за спиной и не было длинной трубки. Потом он посмотрел вверх и увидел меня. Я завиляла хвостом. – Смотри! Там собака!

Второй паренек обернулся, чтобы посмотреть.

– Ух ты, – сказал он, потом поднял трубку к плечу и направил ее на меня.

Глава 12

Паренек с мешком за спиной оттолкнул трубку вверх и в сторону от меня.

– Эй! Ты что задумал?

Паренек с трубкой направил ее в небо.

– Он же бездомный.

– Не станем же мы стрелять в него. Это противозаконно.

– Чувак, то, что мы сейчас делаем, и так противозаконно.

– Нельзя стрелять в чью-то собаку только потому, что она потерялась.

Ведь ты бы все-таки не стал в нее стрелять, верно?

В ситуации было что-то такое, что я не решалась подойти к этим паренькам ближе. Они явно не сердились, но между ними чувствовалось какое-то напряжение. Трубка опустилась к земле.

– А черт его знает, Уоррен. Скорее всего, не стал бы, нет.

– Мы же пришли сюда, чтобы пострелять по бутылкам.

– Но ты, между прочим, выстрелил в ворону.

– Это же была ворона, а не собака. И к тому же я промазал.

– Почем знать, может быть, я бы не промазал в эту собаку.

– Эй, приятель! Иди сюда! – крикнул паренек с мешком.

– Это девочка, – сказал другой паренек. От его рук и одежды пахло едким дымом из трубки.

– Точно, чувак, теперь и я это вижу, – сказал паренек с мешком. – Как ты, девочка? Как ты оказалась в такой глуши, ты что, потерялась? – Я тщательно обнюхала его руки. У него в карманах не было еды, но от его рук пахло так, словно недавно он держал в них какое-то пикантное мясо. Я облизала их, чтобы проверить, так ли это. Ура! У этого паренька был доступ к хорошим лакомствам для собак!

– Ну, так что теперь? – спросил паренек с трубкой.

– У меня в машине есть немного вяленой говядины.

– погоди. – Паренек с трубкой поднял ее к плечу и положил на нее голову. Я с любопытством наблюдала за ним, потом вздрогнула, когда из конца трубки вырвался все такой же громкий хлопок и воздух снова наполнила едкая вонь.

– Не пугайся, девочка, – сказал мне паренек с мешком. – Классный выстрел.

После этого мы пошли гулять, но я была не на поводке и бежала

вперед, опустив нос в землю, потому что чужла след какого-то маленького грызуна. Я слышала, как пареньки, разговаривая, идут за мной по тропе. Я понимала, что я нахожусь с ними только временно, так же, как с Лореттой и Хосе. Возможно, пока я не вернусь к Лукасу, я буду ненадолго оставаться и с другими людьми.

Паренька с мешком звали Уоррен, а другого – Чувак. Правда, иногда Чувак называл Уоррена тоже Чувак, что сбивало меня с толку. Мы прошли по зеленым теплым высоким травам и подошли к машине. Уоррен открыл ее, и из нее до меня донесся восхитительный аромат. Мы наконец нашли лакомства для собак, они в этой машине!

– Хочешь вяленой говядины, девочка?

Я была так взволнована, что начала бегать кругами, но потом села, чтобы показать, что я могу быть хорошей собакой. Уоррен дал мне кусок жесткого дымного мяса, который я тут же проглотила.

– Она жутко голодная, – сказал Чувак. – Иначе она не стала бы есть такое дерьмо.

– Я видел, как его ел ты сам, – сказал Уоррен.

– Я ел его не потому, что оно вкусное, а потому, что больше у нас ничего не было.

– Хочешь еще?

– А то.

Пареньки поели немного лакомств для собак, что мне показалось странным и обескураживающим. Раз уж люди могут выбирать из стольких разных видов чудесной еды, почему они отбирают лакомства у хорошей собаки, которая их заслужила?

– Как ты думаешь, какой она породы? – спросил Уоррен.

– Чувак, спроси чего-нибудь полегче, – ответил Чувак. – Так что, теперь у тебя будет твоя собственная собака?

– Куда там, – ответил Уоррен. – Моя мамуля ни за что не разрешит мне завести собаку.

Я посмотрела на Уоррена. Мамуля? Он что, знает Мамулю?

– Так что мы теперь будем делать? – спросил Чувак и, прищурившись, посмотрел на солнце.

– Ну, не можем же мы просто бросить ее здесь, – сказал Уоррен. – Ведь у нее, наверное, есть хозяин. Как-никак на ней ошейник. Может быть, она потерялась.

– Ну, так что нам делать? – спросил Чувак. – Взять ее с собой?

– Может, стоит вызвать какую-нибудь службу?

– А что мы им скажем? Мы тут ошивались на Тропе Колорадо, стреляя

по бутылкам из-под пива, и нашли здоровенную собаку, так не смогли бы вы приехать и забрать ее?

– Да, ты прав. Так дело не пойдет.

– А как пойдет?

Уоррен широко улыбнулся.

– Мы никому не скажем, что упражнялись здесь в стрельбе. Слушай, а может быть, тому, кто ее найдет, обещано вознаграждение? Может, все-таки позвонить, чтобы за ней кого-нибудь прислали?

– Ты хоть представляешь, сколько на все это уйдет времени?

– Не знаю, чувак. Я тут просто кумекаю, как решить этот вопрос.

– Имей в виду, мне нужно быть на работе в четыре тридцать.

– Я даже не уверен, что они и правда кого-нибудь сюда пришлют. А как тебе такой вариант? Посадим ее на заднее сиденье и отвезем в участок шерифа в Сильвертоне. Они там сообразят, что с ней делать.

– Ты что же, хочешь, чтобы я добровольно пошел к шерифу? – сухо заметил Чувак.

Они оба рассмеялись. Мое внимание было сосредоточено на шуршащем пакетике в руке Уоррена. Там еще оставался маленький кусочек лакомства для собак. Интересно, знает ли он об этом. Я выполняла «Сидеть» и теперь оперлась сначала на одну переднюю лапу, потом на другую, чтобы показать, что таким отличным поведением заслужила этот последний кусочек мяса.

– Иди сюда, девочка! – крикнул мне Уоррен и открыл дверь машины. Я заколебалась – мне очень нравилось ездить на машине, но сейчас во всем этом было что-то странное. Но тут Уоррен зашуршал пакетиком, бросил последний вкусный кусочек в машину, и я сразу же поняла, какое решение будет правильным. Я подбежала к машине и запрыгнула на заднее сиденье, оба паренька сели впереди, и мы отправились в путь.

Мы были сейчас далеко от Лукаса. Я чуюла запах дома. Но может быть, эти пареньки везут меня именно туда.

* * *

Я подняла нос к щели в окне, вдыхая льющисея снаружи явственныы, чистые ароматы. Я понимала, что мы направляемсея в сторону города, потому комбинация запахов, которые я связывала с городом, становилась все отчетливее и отчетливее, но я также улавливала запахи множества животных, по большей части совершенно мне не знакомых.

Эта поездка в машине нравилась мне куда меньше, чем когда машину вела Оливия. Ни один из этих пареньков больше не произнес имени Мамуля, и они не говорили ни о ком из тех, кого я знала. Вот что делали некоторые люди – они брали с собой собак в поездки на машине, потому что ездить на машине вместе с собакой интереснее, чем без. Но меня раньше уже возили в разные места, которые, когда я приезжала туда, оказывались мне не знакомы и которые не были моим домом.

– Стало быть, тебе все-таки известно, что у меня не лучшие отношения с управлением шерифа Сан-Хуана, – сказал Чувак Уоррену.

– Но они же не будут брать у нас отпечатки пальцев. Мы просто привезем им потерявшуюся собаку.

– А что, если они найдут в багажнике винтовку?

– Чувак, на кой ляд им наш багажник? Не будь параноиком. И вообще, по закону у нас есть право иметь оружие, оно записано в поправке к конституции.

– Однако мы не имели права стрелять в заповеднике, – с беспокойством сказал Чувак. Почувствовав в его голосе тревогу, я посмотрела на него с любопытством.

– А каким образом они смогут узнать, что мы там стреляли? Перестань нести чушь. – Уоррен насмешливо фыркнул. – Ты что, думаешь, они найдут наши бутылки и отправят их на криминалистическую экспертизу?

– Просто мы с тобой классно проводили время, а теперь вдруг едем к копам.

– Если хочешь, можешь подождать в машине с этой собакой.

Какое-то время мы ехали молча. В машине стоял затхлый запах пепла, так что я держала нос у щели в окне. В конце концов мы поехали медленнее, несколько раз повернули, потом остановились. Мотор перестал работать, тряска прекратилась, и все шумы тоже. Я прошла по заднему сиденью от одного окна к другому, не понимая, зачем мы припарковались именно здесь, где было еще несколько машин и не было собак.

– Ну так что, просто пойдём в участок вместе с ней?

– Не знаю. Нет, лучше пойдём туда одни, сообщим, что нашли ее, и посмотрим, что они на это скажут – может быть, ее хозяин обещал вознаграждение тому, кто ее найдет, – сказал Уоррен.

– Точно. Ты уже об этом говорил.

– Кто его знает, может, у нас и выгорит? И не такое бывало.

Окно внезапно опустилось, так что я смогла высунуть наружу всю голову!

– Зачем ты это сделал? – спросил Чувак.

– Потому что сейчас солнечно. Не можем же мы привести сюда помощника шерифа, чтобы он увидел, что собака сидит в машине, у которой все окна закупорены, – терпеливо ответил Уоррен. – Это считается жестоким обращением с животным. Если светит солнце, собака в закрытой машине может перегреться даже в такой прохладный день. – Уоррен просунул руку в машину, потрепал меня по голове, и я слизнула остатки мяса с его ладони. – Ну все, девочка. Сиди здесь, ладно? С тобой все будет хорошо. Мы сейчас вернемся. Мы поможем тебе найти твоего хозяина, поняла? Все будет путем.

Я не понимала его слов, но тон, которым он их произносил, был мне знаком. Когда люди уходят от своих собак, у них часто бывают одни и те же интонации. Когда Лукас делал «Идти на Работу», его голос звучал так же. Вспомнив это, я почувствовала острую тоску.

– А что, если за ней никто не придет? – спросил Чувак.

– Уверен, кто-нибудь ее заберет. Она же такая красивая собака.

– А все-таки? Что тогда?

– Наверное... Не знаю. Может, ее пристроят в новую семью? – с надеждой в голосе сказал Уоррен.

– Или усыпят. Может, мы привели ее прямиком в газовую камеру.

– А у тебя что, есть идеи получше? Ты же вообще хотел ее пристрелить.

– Если честно, я бы никогда этого не сделал.

Они вышли из машины.

– Обещаю тебе, мы вернемся, – сказал мне Уоррен.

Я смотрела через переднее окно, как пареньки подошли к большому зданию, открыли дверь и зашли внутрь. Я вспомнила стеклянные двери того здания, где были вольеры с лающими собаками; здешние двери были такими же.

Теперь я кое-что понимала. Многие люди очень приятны, но это вовсе не значит, что они отвезут меня к Лукасу. Некоторые из них могут, наоборот, отвезти меня еще дальше от него. Они могут кормить меня и ездить со мной на машине, но мне надо делать «Иди Домой».

Я высунула из окна голову, потом передние лапы, так что они свесились, не доставая земли. Потом протиснула через окно свой зад, стараясь двигаться вперед, пока мои задние лапы не заскребли воздух и я не свалилась носом вниз на мостовую. Я выбралась из машины, и меня не сдерживал поводок. Я встряхнулась, подняла нос и потрусила туда, откуда доносился запах еды.

Вокруг были машины, люди и здания, так что мне было понятно, что я нахожусь в городе, но это был не тот город, куда меня возили Лоретта и Хосе. Пока я трусила туда, куда звало меня мое чутье, из окон машин и открытых дверей домов мне что-то кричали люди – они казались мне дружелюбными, но я не верила, что они отвезут меня к Лукасу, и поэтому не приближалась к ним. Однажды я почуяла на тротуаре что-то сладкое и липкое и тут же это съела, прихватив при этом еще и лежавший рядом сухой хлеб. Какой приятный город, раз здесь оставляют на тротуаре такие лакомства для хорошей собаки.

Мой пустой желудок заставил меня сосредоточиться на поисках еды, хотя мне и нужно было делать «Иди Домой». Я принюхивалась, надеясь найти еще какие-нибудь лакомства, лежащие на тротуаре.

До меня доносились слабые запахи множества собак, обычно отделенных друг от друга, потом я услышала лай и увидела собаку на цепи, а затем свернула в сторону, потому что почуяла запахи сразу нескольких собак, которые двигались, держась вместе. Я устремилась к ним и, завернув за угол, увидела стаю.

В ней было два самца, оба очень темные, один большой и один маленький, и низкорослая самка с длинной шерстью. Они сидели на задворках магазина, из которого струились восхитительные ароматы, и пристально смотрели на его дверь, но когда они почуяли, что к ним приближаюсь я, они все повернули головы в мою сторону.

Маленький Самец побежал прямо ко мне, потом остановился, подняв морду. Я повернулась, и мы с ним обнюхали друг друга. Большой Самец понюхал также и у меня под хвостом. Я двигалась скованно, не желая начать игру, когда с обеих сторон от меня было по самцу, но дружелюбно приветствовала их всех, виляя хвостом. Большой Самец поднял лапу и начал метить столб, его примеру последовал Маленький Самец, а я вежливо оценила их метки, заметив при этом, что Самка так и не сдвинулась со своего места перед задней дверью магазина.

Маленький Самец припал на передние лапы, показывая мне, что хочет поиграть, и мы с ним немного поборолись, пока Большой Самец продолжал метить столбы, потом он трусцой приблизился к нам, и мы перестали играть, потому что его присутствие изменило ситуацию.

Когда задняя дверь магазина открылась, оттуда вырвалось целое облако запаха варящегося мяса, и я увидела, что на пороге стоит женщина.

– Привет, милые собачки! – напевно произнесла она.

Самцы бросились к ногам женщины и сели, я тоже села, правда, держась немного поодаль, чтобы не вторгаться в личное пространство остальных собак. Я не знала, что сейчас произойдет. Я чувствовала, что Самка напряглась при моем приближении, но ее глаза были устремлены на женщину, которая держала в руках восхитительно жирную бумагу. Бумага шуршала, и от нее шел сочный аромат, пока женщина опускала внутрь ее свои пальцы, доставая оттуда большие куски жирной вареной говядины. Начав с Самки, она прошла вдоль ряда собак, давая каждой из нас по куску. Все мы облизывались в предвкушении еды, едва сдерживая радостное волнение.

– А ты, значит, моя новая подружка? Как тебя зовут? – спросила она меня, протягивая мне вкусный ломтик мяса. Я вежливо взяла его из ее пальцев и, быстро прожевав, проглотила, чтобы никто из остальных собак не попытался его у меня отнять.

– Это все, что у меня сегодня есть, мои лапочки. Ведите себя как хорошие собаки.

Женщина закрыла дверь. Мы все начали обнюхивать землю, проверяя, не выронил ли кто-нибудь из пасти вкусный кусочек. Самка подошла ко мне и подозрительно меня обнюхала, а Маленький Самец, виляя хвостом, припал на передние лапы, приглашая меня к игре. Мы немного покружились, наслаждаясь мясными запахами, идущими из пастей друг друга, потом вся стая двинулась дальше. Теперь я была ее частью и последовала за ней. Мне было хорошо с другими собаками.

Мы шли по узкой улице, идущей мимо задворок зданий. Здесь не было машин, но стояло несколько больших металлических баков, и в них явно содержались остатки съестного, которые я была бы не прочь изучить поближе, но стая не стала возле них останавливаться, если не считать того, что самцы подняли лапы и оставили на них свои метки.

В конце концов мы остановились у квадратного пластикового мусорного бака, из которого шли аппетитнейшие ароматы. Большому Самцу удалось сбить с него крышку, и я глубоко и жадно втянула в себя воздух, чуя, что там есть и сыр, и жир, и сладости.

И тут меня изумила Самка – она ловко запрыгнула на бак, когти ее задних лап заскребли по его стенке, в то время как морду она засунула внутрь. Затем она спрыгнула назад, вытащив из него коробку, из которой посыпались куски мяса, завернутые в хлеб. Каждая из собак схватила по куску еды и бросилась в сторону от стаи, чтобы побыстрее все съесть. Моя доля была завернута в пластик, а когда я его разорвала, оказалось, что

доставшаяся мне еда покрыта острым горьким соусом, от которого я начала чихать.

Несколько раз Самка подпрыгивала, засовывала морду в бак и доставала из бака еще коробки и бумажные свертки. Иногда то, что она вытаскивала, не имело никакой ценности – кусочки овощей или еще острый соус, – но несколько раз там было то, что мы могли съесть. Я была здесь самой младшей, так что я держалась сзади, не пытаюсь протолкнуть свою голову вперед, когда двое самцов набрасывались на то, что вытащила из бака Самка, а ждала, пока она не спрыгнет на землю и не схватит свою долю тоже. Таков был закон стаи.

А затем, словно по какому-то непонятному сигналу, двое самцов затрусили прочь. Самка, которая все еще вылизывала какую-то бумагу, смотрела на меня так, что я поняла: если я подойду к ней ближе, она постарается меня укусить, так что я оставила ей уйму места для маневра, когда пошла следом за ее товарищами.

Так мы дошли до другой двери с фантастическими ароматами. Хотя она и была закрыта, она была сделана из чего-то металлического таким образом, что сквозь нее можно было разглядеть двигающихся внутри здания людей. Это напомнило мне тонкие одеяла, которые Лукас использовал, чтобы поймать обитавших в логове кошек, – и тот, и этот материал, хотя и немного закрывал то, что было на другой его стороне, не мешал проникновению света.

Я держалась на почтительном расстоянии от Самки. Мы с Маленьким Самцом боролись, Большой Самец метил территорию, потом из-за двери послышался шум, и мы все, предвкушая получение еды, бросились к ней и сели. Я сидела рядом с Большим Самцом. Он облизнулся, и я сделала то же самое.

Дверь открылась.

– Привет, ну что, вы явились ко мне за новой подачкой? – крикнул вышедший из нее мужчина. В отличие от женщины он не стал давать нам лакомства из рук, а начал бросать еду каждой из собак поочередно. Кусок чудесного соленого мяса, который он мне кинул, отскочил от моего носа, но я подпрыгнула и жадно съела его прежде, чем его успела отнять у меня какая-нибудь из остальных собак. Бекон! Каждая из нас получила еще по несколько лакомств, и, хотя я по примеру остальных пыталась хватать их еще в воздухе, я их все уронила.

Мужчина закрыл дверь, хотя через нее его по-прежнему было видно и слышно.

– Сегодня у меня больше ничего для вас нет. Расходитесь по домам.

Вам пора «Идти Домой».

Я ошеломленно уставилась на него. Откуда он знал про «Иди Домой»?

Стая затрусилась прочь, и я отправилась следом, но в моей голове все еще звучал голос того мужчины. Я сейчас была очень далеко от Лукаса, но мне только что велели «Иди Домой». Мы шли по улице, на которой стояли дома. Из их окон лился свет, и я чувала запахи еды, и людей, и собак, и нескольких кошек.

Самка покинула нас. Только что она была частью стаи, но вдруг повернула и затрусилась по дорожке к крыльцу одного из домов. Я остановилась, чтобы понаблюдать за ней, но увидев, что самцы трусят дальше, поспешила их догнать.

Потом от нас отделился Большой Самец. Пока Маленький Самец метил дерево, Большой Самец устремился прямо к металлической двери. Я услышала громкий скрежет, когда он царапнул когтями поверхность двери. Мгновение спустя ее открыл маленький мальчик, из нее на улицу полился свет, затем Большой Самец зашел внутрь, и дверь закрылась.

Маленький Самец обнюхал меня, и, когда он повернул к одному из домов, оглядываясь и виляя хвостом, я поняла, что он хочет, чтобы я пошла за ним.

Но теперь я понимала и кое-что другое. Стая делала то, что им велел тот мужчина, они выполняли команду «Иди Домой». У каждой из этих собак был свой дом, и там жили люди, которые любили их. Они составляли всего лишь временную стаю, такую, которая иногда образовывалась из собак, гулявших в парке. Когда человек каждой из этих собак звал ее по имени, она уходила из парка, и, если мы с Лукасом находились там достаточно долго, стая все уменьшалась и уменьшалась, пока не оставалась одна я. А одна собака – это уже не стая.

Маленький Самец явно хотел, чтобы я осталась с его семьей, но я не могла пойти с ним, потому что в его доме не было моего человека. Мой человек – это Лукас.

Теперь я узнала кое-что, чего раньше не знала. Там, где стояли здания, попадались приятные люди, которые давали собакам лакомства, и там же были круглые и квадратные баки, полные еды, которую легко можно было из них достать. В городах была еда.

Но я не могла выполнять «Иди Домой» и одновременно оставаться в этом городе.

Я повернула нос в том направлении, которое, как я знала, приведет меня к Лукасу. В той стороне не было города, не было зданий. Там были холмы, ручьи и деревья, и еще я чувала доносящийся оттуда запах снега.

Если я хочу выполнить «Иди Домой», мне придется обходиться без стаи и идти через высокие холмы, где нет людей.

Маленький Самец уже зашел во двор перед одним из домов и сейчас смотрел на меня. Какая-то часть меня очень хотела пойти за ним – на его шерсти остался запах нескольких человеческих рук, и было бы так приятно снова спать на мягкой подстилке и получать еду и ласку от людей.

Я чувствовала себя в безопасности в этом городе с машинами и людьми, которые кормили хороших собак с рук. За те несколько дней, что я шла по тропе, поняла, что там, в холмах, есть неизвестные мне опасности, животные, которых я никогда раньше не видела, и места, где не смогу найти еду. Если я останусь здесь, с Маленьким Самцом, обо мне будут заботиться. Если же я уйду в холмы одна, там меня ждет опасность.

Но я не могла одновременно быть с моим человеком и с Маленьким Самцом. Я отвернулась от него, глубоко вдохнула ночной воздух и отправилась в холмы, чтобы найти моего Лукаса.

Глава 13

Когда огни и запахи города остались позади, мне стало не по себе. Мой путь освещала луна, но оставшись в одиночестве, я чувствовала себя уязвимой, как будто побыв какое-то время в стае, я вдруг откуда-то вспомнила, что собаке куда безопаснее передвигаться в обществе других собак. Теперь я также понимала, что мне придется идти много дней. Когда я взбежала по горке, чтобы перепрыгнуть через забор, меня подгоняла уверенность, что я уже очень скоро окажусь дома, но теперь я понимала, что, возможно, буду идти и идти, а запах города, где находится мой дом, будет по-прежнему оставаться далеким.

Я провела ночь у реки, где в земле было углубление, в которое могла лечь собака. Несколько раз я просыпалась, потому что слышала и чужая каких-то маленьких животных, но они не подходили ко мне близко, и запахи всех их были мне не знакомы.

Тропа, по которой я шла, не всегда вела меня в том направлении, в котором мне нужно было идти, но даже свернув на время в сторону, она в конце концов всегда поворачивала обратно, так что, оставаясь на ней, я все-таки продвигалась к моей цели. Ее более твердая и гладкая земля позволяла мне двигаться намного быстрее, чем когда я пыталась пойти напрямик, и мне приходилось перелезать через скалы и другие препятствия, преграждавшие мне путь. На тропе оставались запахи людей и животных, так что не сходить с нее было легко.

Люди, идущие по тропе, объявляли о своем приближении разговорами и громкими шагами, так что я всегда знала, когда нужно свернуть в сторону, чтобы дать им пройти. Я не хотела опять ехать на машине.

Когда стемнело, я нашла ровную площадку, пропитанную запахами множества людей. На ней было расставлено несколько деревянных столов, рядом стояли металлические столбики, на них – ведра с золой, и над всем этим витал дразнящий аромат горелого мяса, но, когда я встала на задние лапы, чтобы получше разобраться, что к чему, мне удалось слизнуть с решетки, находящейся над золой, только слабый мясной след.

Намного более многообещающим оказался круглый бак, похожий на тот, в который забиралась Самка из стаи, хотя этот был не из пластика, а из металла. Я попыталась запрыгнуть на него так же, как запрыгивала она, уцепившись передними лапами за его край и скребя его стенку когтями задних, но мне удалось только опрокинуть его на землю. Я почувствовала

себя виноватой, потому что когда я так же опрокидывала мусорное ведро в кухне нашего дома, Лукас говорил мне, что я плохая собака, но это не помешало мне отыскать внутри кусочки курицы и толстый ломоть какого-то сладкого лакомства, а также несколько сухих сухарей, которые были не очень вкусны. Курица хрустела у меня на зубах, когда я грызла ее косточки, и я вылизала пластиковую банку, в которой оставался восхитительный мясной сок. Я насытилась и, довольная, свернулась клубком под столом, чтобы провести здесь ночь. Утолив голод, я почувствовала себя в безопасности.

На следующий день тропа повела меня круто вверх на холм, и я быстро устала. Вскоре я снова почувствовала голод. И пожалела о том, что мне никогда не нравился «Хороший Моцион», игра, в которой Лукас или Мамуля бросали в подвал лакомства, чтобы я сбежала туда по ступенькам, быстро съела их и взбежала обратно на кухню. Теперь я бы с удовольствием играла в эту игру целый день, если бы Лукасу или Мамуле этого захотелось.

Услышав громкий хлопок, я тут же повернула и побежала в ту сторону, откуда он донесся. Я знала, что означает этот хлопок – это Чувак и Уоррен пользовались своей трубкой. Хотя я больше и не пойду в их машину, я с удовольствием приму от них вкусные кусочки мяса.

Вскоре я услышала голоса. Это говорили мужчины, и они были взволнованы.

– Ого, да она весит не меньше ста пятидесяти фунтов! – крикнул один из них.

Я осторожно вышла из-за деревьев. Передо мной возвышался скалистый гребень. Теперь я чужая запахи этих людей, и от них пахло не так, как от Уоррена и Чувака. Я взбежала на гребень и посмотрела вниз.

Я стояла на невысоком холме, и подо мной, у его подножия между скал в узком каньоне, тек ручей. На другой его стороне виднелся гораздо более высокий холм, покрытый редкой растительностью. Я посмотрела вверх и увидела двух мужчин, бегущих вниз по склону этого более высокого холма. Склон был крутой, и они бежали, не глядя вверх, иначе им было бы легко увидеть меня. У обоих в руках были трубки, и воздух был полон смрада. Я теперь связывала такой смрад с громкими хлопками, которые производили эти трубки.

– Я же тебе говорил, что сегодня мы кого-нибудь подстрелим! – задыхаясь, сказал один из мужчин.

Тяжело дыша и спотыкаясь, они спешили вниз, в сторону ручья. Я подползла к краю гребня, с любопытством наблюдая за мужчинами, и тут

направление ветра немного изменилось, и я почуяла запах какого-то животного и что-то еще.

Кровь.

Забыв о мужчинах, я двинулась на запах крови.

– Да тут будет не меньше пяти сотен баксов! – крикнул один из них, но я, не обращая на них внимания, пробиралась туда, куда вело меня мое чутье. Мне не пришлось далеко идти – сделав всего несколько шагов, я увидела животное, неподвижно лежащее на скалах. Я приблизилась к нему осторожно, хотя его неподвижность ясно говорила о том, что оно неживое. Животное было таким же, как белка, которую Лукас показал мне на мостовой во время одной из наших прогулок – теплым, обмякшим и мертвым.

Я понюхала кровь на его груди. Запах этого животного был похож на запах кошки, хотя оно было не похоже на тех кошек, которых мне доводилось видеть прежде – оно было огромным, крупнее, чем я. Это была самка, и молочный запах ее сосков напомнил мне Маму-Кошку. К запаху ее крови примешивался резкий, отдающий дымом смрад, такой же, как смрад от трубки Чувака и от тех трубок, которые были в руках у этих двух мужчин.

Я не понимала, что означает то, что я вижу.

Сзади слышалось тяжелое дыхание двоих мужчин. Оно стало громче, значит, они уже добрались до дна каньона и теперь поднимаются по склону моего холма.

– Мне надо передохнуть, – сказал один из них, задыхаясь.

– Брось, нужно поскорее хватать ее и делать отсюда ноги, – с напряжением в голосе ответил второй, и я услышала, что они оба остановились.

– Вокруг ни души, так что у нас все путем.

– Черт возьми, ничего не путем! Знаешь, что будет, если нас поймут с незаконно подстреленной пумой?

– Я знаю другое – мы можем получить за нее тысячу баксов.

Я решила, что не стоит знакомиться с этими мужчинами. Наверняка они не дали бы мне лакомств.

И тут мое внимание привлекло какое-то движение в кустах, и я повернула голову. Там явно было какое-то животное, но ветер дул от меня, а не ко мне, и я не могла учуять его запах. Затем я смогла его разглядеть, хотя оно и было почти полностью скрыто кустами, и поняла, что смотрю на огромную кошку, более крупную, чем большинство собак, и самую большую из тех, которых мне когда-либо доводилось видеть. Животное

смотрело мне прямо в глаза и, поняв, что я его вижу, немного опустило голову, словно прячась. Но теперь, когда я знала, что оно там, я смогла отделить его запах от запаха того еще более крупного животного, которое неподвижно лежало на скалах. И я поняла, что в кустах прячется самка.

Она выглядела так же, как выглядели знакомые мне кошки в логове, когда через дыру туда залезали люди, – такое же напрягшееся тело, такие же расширенные остановившиеся глаза и немного оскаленные зубы. Она была охвачена ужасом.

Один из мужчин вдруг громко крикнул:

– Черт! – и она сразу же съежилась, попятилась в глубь кустов и бросилась прочь. И по тому, как она бежала, я поняла, что, несмотря на ее размеры, это не взрослая кошка, а котенок, юная несмышленная киска, такая же крупная, как средняя по величине собака.

Она отбежала совсем недалеко и остановилась. Я не знала, что с ней случилось, но по ее напряженным движениям мне было ясно – ей хочется убежать. Однако она не убегала – может быть, из-за огромной мертвой кошки, которая лежала у моих лап? Может быть, это была ее мама?

Судя по звукам и запахам, двое мужчин с трубками подходили все ближе, так что мне тоже нужно было уходить. Я повернулась и, неслышно ступая, укрылась в кустах.

Большая Киска последовала за мной.

* * *

Путь, который я выбрала, примерно совпадал со следами Большой Киски и огромной мертвой кошки-мамы, только я шла по их следам обратно. Идти было нелегко, зато этот путь вел прочь от сердитых мужчин. Теперь я явственно чуяла и их, и кровь, потому что ветер больше охлаждал место под моим хвостом, чем мой нос.

То, что я только что видела, беспокоило меня. Я не понимала, как связаны между собой смерть мамы Большой Киски и люди с вонючими трубками, но я была уверена, что такая связь есть. Я вспомнила, как Мамуля пригласила своего друга в дом, а потом он вдруг рассвирепел, и она ударила его, и он упал. Это привело меня к ужасающему выводу: на свете есть и плохие люди. Я знала – среди людей есть такие, кто не хочет, чтобы я была с Лукасом, но тут дело было в другом.

Если собака не может доверять людям, как вообще можно жить?

Большая Киска бесшумно шла за мной, я чуяла ее запах, чуяла ее ужас

и отчаяние. Когда я обернулась, чтобы посмотреть на нее, она быстро шмыгнула в сторону, пытаясь спрятаться, и ее пружинистая поступь была точно такой же, как у котенка нормального размера.

Немного спустя я почувствовала, что Большая Киска остановилась. Я обернулась и посмотрела на нее. Она сидела, глядя на меня своими светлыми глазами. Хотя мы были уже далеко от сердитых мужчин, я хотела идти дальше, идти к Лукасу. Когда я сделала несколько шагов и посмотрела назад через плечо, Большая Кошечка трусила немного в другом направлении, затем остановилась. Она посмотрела в ту сторону, куда, похоже, хотела направиться, затем повернулась ко мне и посмотрела на меня, явно надеясь, что я последую за ней.

Большая Киска была напугана. Ей была нужна моя помощь. Когда мне грозила опасность, Мама-Кошка защищала меня, и теперь я чувствовала сильнейшее желание защитить этого котенка.

Похоже, она почувствовала, что я последую за ней, и поэтому пошла дальше. Я двинулась следом, удивленная ловкостью, с которой ей удавалось пробираться через скалы и преодолевать другие препятствия.

Вскоре мы добрались до места под деревьями, от которого исходил сильный аромат большой кошки-мамы. И еще в мой нос ударили запахи крови и мяса. Здесь была прикопана почти целая туша оленя, на которой остались запахи Большой Киски и ее мертвой мамы.

Я так ничего и не поняла, но я испытывала голод и жадно вгрызлась в эту добычу. Немного погодя, не производя ни малейшего шума, Большая Киска тоже начала есть.

* * *

Вечером, когда я прилегла на траву, Большая Киска подошла ко мне и обнюхала мою морду. Я лизнула ее, и она напряглась, но, когда я опустила голову на землю, она осторожно расслабилась и продолжила обнюхивать меня от морды до хвоста. Я лежала неподвижно, давая ей возможность как следует меня изучить. Когда она начала мурлыкать, я поняла, что она сейчас сделает, и, она, как я и ожидала, потерлась об меня головой, точно так же, как делали мои братики и сестрички-котятта. В конце концов она свернулась в клубок и прижалась к моему боку, я почувствовала, как ее страх проходит.

Это было похоже на то время, когда мы с Лукасом делали «Идти на Работу» и я засыпала, положив голову на грудь Мама. Сейчас я тоже дарила

успокоение, только не человеку, а несмышленому котенку, мама которого была мертва.

Лукас заботился о кошках. Кормил их. А об этой киске, об этом котенке позабочусь я.

Я была уверена, что Лукас захотел бы, чтобы я поступила именно так.

* * *

Мы с Большой Киской провели несколько дней возле добычи, поедая столько мяса, сколько в нас влезало. Когда мы не были заняты едой, мы играли. Большой Киске нравилось кидаться на меня, а мне – опрокидывать ее на спину и легонько жевать шкуру на ее голове, пока она не вырывалась и не отбегала в сторону. Кроме того, значительную часть дня она спала, а когда солнце начинало клониться к закату и у меня появлялось желание улечься спать, она как-то странно оживлялась и бесшумно уходила в глубь деревьев. Один раз она удивила меня, вернувшись с каким-то небольшим грызуном, которого мы съели вдвоем.

Когда меня охватило неудержимое желание отправиться в путь, Большая Киска последовала за мной. Ей явно не нравились запахи людей, оставшиеся на тропе, и она предпочитала двигаться не по ней, а вдоль нее, двигаться незаметно, держась в укрытии и надолго исчезая из виду. Правда, я чуяла ее запах и знала, что она никогда не отходит от меня слишком далеко. Когда же я не могла точно определить, где она сейчас, я ждала ее на тропе, и в конце концов она меня догоняла.

Я знала, что смогла бы продвинуться дальше, если бы меня не так волновало благополучие Большой Киски, но я считала своим долгом защищать ее и заботиться о ней.

Через два дня после того, как мы покинули место, где находилась добыча, я уже чувствовала, как мои внутренности грызет голод. И я начала беспокоиться за Большую Киску – как же я буду теперь ее кормить? В конце третьего дня я остановилась, чтобы попить, и решила прилечь, пока буду ждать появления Большой Киски. В конце концов она вышла из-за скал через несколько мгновений после того, как я почувяла, что она прячется именно там. Она опустила голову и начала бесшумно лакать воду из лужи. По-видимому, кошкам пить воду нравится меньше, чем собакам. Собака лакает воду с ликованием, производя при этом много шума.

Мой нос учуял запах крови, и я изумленно подняла голову. У меня тотчас потекли слюнки, и я, не колеблясь, бросилась туда, откуда доносился

этот восхитительный аромат. Большая Киска последовала за мной, хотя она явно не ощущала запаха, который чуяла я.

И тут я увидела лису. Она двигалась беззвучно, но в зубах несла мертвого кролика – от него и пахло кровью. Лиса, похоже, не чувствовала, что ее догоняю я. Она бежала, но из-за тяжести ее добычи не могла делать этого быстро.

Лиса увидела меня тогда же, когда ее саму увидела Большая Киска. На мгновение мы все трое замерли. Потом с быстротой, которая удивила меня, Большая Киска бросилась вперед. Мы обе погнались за лисой, но Большая Киска очень скоро меня перегнала. Лиса ловко перепрыгивала через стволы упавших деревьев и резко меняла направление своего бега, пытаясь убежать, но Большая Кошечка вскоре догнала ее, и она, выронив кролика, спаслась бегством.

Большая Киска остановилась, чтобы обнюхать брошенную лисой добычу, затем к ней присоединилась и я. Мы съели кролика вместе, как будто были стаей, стай, которая состояла из Большой Киски и собаки.

* * *

Мы шли туда, где находился Лукас, и нас все время терзал голод. Я знала, что, чтобы утолить его, мне нужны люди, у которых всегда есть хорошая еда. К счастью, летом людей, похоже, тянуло к холмам и горам, а останавливаясь, они всегда ели. Я легко могла найти по запаху места их стоянок, хотя Большая Киска всегда бежала в укрытие, стоило ей только почуять людей.

Однажды я увидела семью, сидящую за деревянным столом, пока в металлическом котелке на тонких ножках горел огонь. К котелку подошел мужчина, положил в него большой кусок мяса, и я едва не обмерла от немедленно донесшегося до меня аромата стряпни. Мужчина повернулся к людям, сидящим за столом, не обращая внимания на свой котелок, и я тут же выбежала из леса, не обжегшись, схватила мясо и убежала обратно. Все это видел только один человек – маленький ребенок на пластиковом стульчике; он задрыгал ножками, но ничего не сказал.

Я ожидала, что почувствую себя плохой собакой, но у меня не возникло такого чувства. Ведь я охотилась. И поделила еду с прибывшимся ко мне котенком.

В другой раз какой-то мужчина стоял в ручье, а на берегу лежал мешок, полный мокрой рыбы. Я схватила весь мешок и побежала прочь.

Мужчина заорал на меня, и, хотя он не говорил «плохая собака», а использовал слова, которых я не поняла, мне было ясно, что он очень сердит. Он погнался за мной, и я слышала, как за моей спиной под его ботинками хрустят земля и камни. Я едва тащила этот мешок с рыбой, но продолжала упорно бежать, и в конце концов мужчина, тяжело дыша, отстал и остановился. Он все еще продолжал орать.

Мы с Большой Киской съели всю рыбу.

Но чаще всего, когда мое чутье вело меня в сторону людей, оказывалось, что они уже ушли. Вскоре я выяснила, что чем ближе деревянные столы к дороге, тем больше вероятности, что я найду рядом с ними металлический мусорный бак с остатками еды. Я научилась очень ловко забираться на такой бак или опрокидывать его на землю и затем выискивать среди бумаги и пластика вкусные кусочки, оставленные там людьми. Чтобы добраться до такого бака, мне часто приходилось отходить далеко от тропы и прятаться от машин, пока я наконец не находила место, где можно было пожить. Большая Киска никогда не сопровождала меня, но, когда я возвращалась, она всегда меня ждала.

В первый раз, когда мне удалось найти в таком баке куски сэндвича, я тут же жадно проглотила их, потому что за меня решения принимало мое голодное брюхо. Я наелась. А другой еды в баке не было, чтобы я могла отнести Большой Киске.

Когда я приблизилась к ней, чувствуя себя виноватой, она подошла и обнюхала мою пасть. А потом сделала нечто неожиданное – она облизала мои губы, и я тут же извергла из желудка часть того, что сожрала.

С тех пор мы начали делить еду, которую люди оставляли для меня в баках, именно так. Я редко находила что-то достаточно большое, чтобы принести это Большой Киске целиком, как тогда, когда я нашла у дороги мертвого олененка, обмякшего и еще теплого. Большая Киска каким-то образом почувствовала, что мне трудно тащить его к ней, и, присоединившись ко мне, сумела почти поднять добычу с земли, что меня весьма удивило.

Мы продвигались туда, где находился Лукас, но наше продвижение было медленным. К моему разочарованию, тропа была ужасно извилистой, к тому же днем я нередко слышала людей, так что нам обоим приходилось прятаться. Большой Киске, как и мне, явно не хотелось ехать в машине.

Я часто чуяла запахи собак, но я была уверена, что Большой Киске не захочется с ними встретиться. Самой мне ужасно хотелось поприветствовать их, но они всегда были со своими людьми, как и я когда-нибудь буду с Лукасом.

Когда же я чуяла запахи собак, с которыми не было людей, шерсть на моем загривке поднималась. В присутствии их запаха было что-то не так, в нем было что-то дикое, звериное, вызывающее у меня тревогу. Я чуяла, что они никогда не мылись в ванне и в последнее время не ели корма для собак. Еще я понимала, что они выслеживают нас и подбираются все ближе. Большая Киска, похоже, об этом не догадывалась – днем, ей, как всегда, хотелось спать, но она все равно продолжала идти за мной, потому что мы с ней были стаей.

Мы находились на ровной местности, где были скалы и росло несколько невысоких деревьев, когда я наконец поняла, кто идет по нашим следам. Я уже встречала этих животных – это были койоты, те маленькие плохие собаки, которых я видела, когда мы с Лукасом и Оливией ходили по холмам. Их было четверо: самка и три молодых самца, и они гнались за нами отнюдь не из любопытства – они охотились на нас.

Нам надо было бежать, но бежать было некуда. Перед нами высилась скалистая стена, такая крутая, что мы ни за что не смогли бы на нее залезть. А деревьев перед этим скалистым гребнем было слишком мало, чтобы среди них можно было укрыться.

Я тихо зарычала. Нам предстояла драка.

Койоты разошлись в стороны и стали медленно продвигаться к нам, и вид у них при этом был хитрый и осторожный. Их намерения были мне очевидны – они собирались убить нас и съесть. Я зарычала снова, приготовившись смело встретить опасность.

Глава 14

Я была охвачена неистовством, которого я не понимала, бешеной яростью, идущей из самых глубин моего существа. Мое сознание наполнили картины, похожие на воспоминания о том, что не происходило со мной самой никогда, воспоминания о прежних жестоких битвах с этими существами. Они были моими врагами, и я чувствовала непреодолимое желание убивать их, рвать зубами их тела и перегрызть им глотки.

Но несмотря на бушующую во мне лютую ненависть, я чувствовала ужас Большой Киски, исходящий от ее шкуры и дыхания, от ее напрягшихся мышц и морды. Она собралась бежать – это было видно по тому, как напряжились мышцы ее лап.

Но она не сможет от них убежать. Перед нами была стая, а стая умеет загонять добычу. На скальный гребень невозможно было залезть, значит, ей придется бежать вдоль него или в одну сторону, или в другую, и койоты отрежут ей путь.

И все же она побежала вдоль подножия гребня. Четверо койотов как один бросились в погоню. Они были далеко от нее, но быстро бежали ей наперерез.

Чувствуя свое бессилие, я бросилась вслед за моей убегающей подругой. Когда они догонят ее, она недолго будет оставаться одна.

Но они быстро приближались к ней, и тут, когда они уже почти ее настигли, Большая Киска вдруг оторвалась от них, вскочила с земли на ближайшее дерево, совершив головокружительно высокий прыжок, и вскарабкалась вверх по его стволу, так что я услышала, как ее когти скребут кору.

Койоты, хаотически рассыпавшись, остановились, вид у них был опасливый и недоуменный. Я воспользовалась их замешательством, чтобы подойти ближе к дереву, на которое взобралась Большая Киска, намереваясь оборонять его, чтобы защитить ее. Койоты смотрели вверх, на его ветви, высунув языки. Они держались далеко от его подножия, как будто боясь, что моя подружка может сверху спыгнуть на них. У них были толстые хвосты, остроконечные уши и холодные безобразные морды. Они заметили мое приближение и как один повернули головы и уставились на меня своими хитрыми глазами, словно желая меня оценить. Я была одинокой собакой, а противостояла мне целая стая.

Я подошла к стволу дерева еще ближе и почуяла запах Большой

Киски, доносящийся сверху. Я знала, что ей страшно, я же не испытывала страха. Я хотела драться.

Трое самцов осторожно двинулись в мою сторону, отрезая мне путь к дереву, пока не подошли ко мне на расстояние всего лишь нескольких моих прыжков, после чего они тут же отскочили назад. Самка оставалась рядом с деревом, с хитрым видом поглядывая на Большую Киску.

Самцы, казалось, испугались меня, но я знала, что они просто делают вид, что трусят, чтобы подманить меня поближе и потом напасть на меня со всех сторон.

За мной была скала. Я была охвачена такой яростью, что мое рычание перешло в остервенелый лай. Когда я бросилась вперед, они все отступили, но один кинулся в сторону. Я повернулась, чтобы отразить эту угрозу, но тут второй самец начал подбираться ко мне с другой стороны, а тот, что остался спереди, словно дразня меня, подбежал так близко, что я смогла бы почти достать его зубами, но он тут же отскочил назад.

Я не понимала, что они делают, почему они пытаются приблизиться ко мне с боков, вместо того чтобы атаковать в лоб, но все мое существо требовало, чтобы я погналась за тем из них, что был так близко. Однако я знала, что должна защищать Большую Киску. Я не хотела оставлять ее сидеть, ежась от страха на дереве, с которого ей в конце концов все-таки придется слезть.

Значит, мне придется сначала сразиться с койотами-самцами, а затем с подкарауливающей мою подружку самкой.

Койоты молчали, я же свирепо лаяла, оскалив зубы и щелкая ими при малейшем движении в мою сторону. Похоже, их ставила в тупик скальная стена, которая высилась прямо за мной.

Один из них попытался наброситься на меня сбоку, и я, повернувшись, попыталась достать его клыками, но схватила только воздух, потом быстро повернулась к самцу поменьше, который напал на меня с другого бока и сумел укусить меня за хвост. Этого койота мне удалось порвать до крови передними зубами, и он завизжал, отбегая прочь.

Я стояла, бросая койотам вызов, по-прежнему изливая в лае свою ярость и глядя на самцов, бегающих передо мной туда-сюда.

И тут я почуяла то, что могло в корне изменить ситуацию, причем в мою пользу. Койоты, похоже, ни о чем не подозревали, но я чуяла запахи приближающихся к нам людей.

Я видела, что койот, которого мне удалось укусить, теперь держится далеко позади других, припав к земле, поджав хвост и опустив уши, но двое других продолжали охоту. Они атаковали меня, я отхватила у

ближайшего клок шерсти, и, когда он отскочил назад, второй прыгнул вперед, и его клыки щелкнули прямо возле моего уха.

Но внезапно все четверо койотов замерли и резко повернули голову. Теперь они явно чуяли приближающихся людей и слышали их голоса.

– Эй! – крикнул мужской голос.

Когда из-за деревьев выбежали несколько мужчин и побежали в нашу сторону, койоты развернулись и кинулись прочь, совершенно позабыв о своей жажде крови. Последней бросилась бежать самка, и я притворилась, что гонюсь за ней, но сделала только несколько шагов, потому что никак не могла покинуть Большую Киску. И вернулась к ее дереву.

Мужчины тяжело дышали и по мере приближения к нам двигались все медленнее. За спинами у них были большие мешки, совсем как у Лукаса, когда мы делали «Пойдем в Поход».

– Она не ранена? – задыхаясь, спросил один. Говоря это, он еще больше замедлил свой бег. На нем была рубашка ярких цветов, которой он вытер потное лицо.

– Эй, собака, иди сюда! Сюда, собачка, сюда! – закричал второй. У него было волосатое лицо, как у моего друга Тая.

Сверху послышался царапающий звук, и я поняла, что это Большая Киска, встревожившись, еще крепче уцепилась когтями за сук дерева.

Мужчины перешли с бега на медленный шаг, уперевав руки в бока и громко дыша. Я смотрела на них с опаской. Я долго изо всех сил старалась избегать контактов с людьми, а теперь они приближались ко мне целой группой. Большая Киска наверняка будет испытывать перед ними страх, даже если у них есть при себе еда.

Но это были люди, и я невольно завиляла хвостом, предвкушая прикосновение их рук к моей шерсти.

– Смотрите! Посмотрите на это дерево! – взволнованно закричал мужчина в яркой рубашке. Он поднял руку с вытянутым пальцем.

– Это рыжая рысь? – спросил мужчина с волосатым лицом.

– Нет, это пума, совсем молодая пума.

Еще один мужчина достал телефон и поднял его к своему носу. Я услышала, как Большая Киска сдвинулась с места, и посмотрела вверх, туда, где она пряталась в ветвях. Она глядела на мужчин, широко раскрыв глаза и прижав уши к голове.

Я хорошо знала, что именно такой вид бывает у испуганной кошки. Некоторые кошки боятся людей и убегают, когда те подходят близко, а эти мужчины приблизились к нам уже настолько, что, если бы у одного из них был мячик, он мог бы добросить его до меня.

– Ты ее снимаешь? – спросил мужчина в яркой рубашке.

– Снимаю, – ответил мужчина, держащий у носа телефон. Я не понимала, что они делают, но они по-прежнему приближались, хотя и намного медленнее, причем все они смотрели на Большую Киску.

– Господи, какая же она красивая, – сказал мужчина с волосатым лицом.

– Я никогда еще не видел пумы. А вы, парни, видели? Я имею в виду в дикой природе?

– Она нас боится.

Ужас Большой Киски настолько усилился, что напряжение, как мне показалось, пропитало сам воздух. Я увидела, как ее мышцы напряжились, затем она вдруг подпрыгнула, словно взлетев, почти беззвучно приземлилась на верх скальной стены и, мгновенно промчавшись по склону холма, исчезла за валунами.

Большая Киска! Я подбежала к скале, но не могла по ней вскарабкаться – она была слишком крутая. Я вспомнила, как сбежала от людей Мама-Кошка, и подумала, что Большая Киска сейчас тоже убегает, чтобы где-то спрятаться.

– Ничего себе! Это было просто потрясающе! – закричал мужчина в яркой рубашке.

– Девочка, ты не ранена? Ты в порядке? – спросил другой мужчина. У него на голове была бейсболка. Он стоял ко мне ближе остальных и дружелюбно протягивал мне руку.

Мгновение меня раздирали противоречивые чувства. Моя жизнь с Большой Киской привнесла в мое естество что-то дикое, и сейчас притягательная сила ее запаха чуть было не заставила меня броситься прочь и попытаться догнать ее. Но в голове человека в бейсболке звучала доброта. Когда его рука оказалась рядом, я лизнула ее, почувствовав на его ладони вкус рыбы в масле и земли.

– А она дружелюбна.

Мужчина начал давать мне лакомства – маленькие кусочки мяса из пакетика. Я выполнила «Сидеть», чтобы он и дальше меня кормил.

– Что ты здесь делаешь, девочка? – спросил мужчина с волосатым лицом, как у Тая, почесывая меня за ушами. Я прижалась головой к его руке и закрыла глаза.

– Думаю, кто-то охотился здесь на пуму, и это одна из его собак.

– А разве охота на пум законна?

– Конечно, нет. Ведь они находятся под угрозой исчезновения. Но некоторые извращенцы готовы заплатить большие деньги за убитую пуму.

Они делают из нее чучело, чтобы поставить его в своей библиотеке и хвастаться, что это они ее подстрелили, или же им нужны только ее лапы, или зубы, или что-то еще в этом же духе.

– Выходит, эта собака загнала пуму на дерево? Одна собака?

– Похоже, эта пума была совсем еще молода.

– А потом появились койоты.

– Точно.

– Они бы загрызли эту бедную собаку.

– Я знаю. Хорошо, что ты сказал, что нам надо идти на лай и посмотреть, что там происходит.

– Просто по ее лаю было слышно, что ей нужна помощь.

– Как же тебя зовут, девочка?

Мужчина в яркой рубашке потрепал меня по голове, и я завиляла хвостом.

– Может быть, ты хочешь подождать и посмотреть, не вернется ли этот охотник на пум за своей собакой?

Мужчины молча переглянулись. Я чуюла запахи лакомств в их мешках и надеялась, что они говорили о том, чтобы дать их мне.

– Не знаю. Не думаю, что браконьер был бы рад увидеть здесь нас, несмотря на то что мы спасли его собаку.

– Если человек охотится на пум, он наверняка вооружен.

– Но ведь это тоже незаконно, не так ли?

– Думаю, да, незаконно. Появляться в заповеднике с оружием запрещено.

– Сдается мне, что этому парню закон не писан.

– Класс. А что, если этот засранец с винтовкой разозлится на нас за то, что мы спугнули его добычу?

Я подошла к одному из мешков, которые они положили на землю, и начала демонстративно обнюхивать его, напоминая этим мужчинам, что в нем есть лакомства, которыми они могли бы поделиться с хорошей собакой. Я выполнила «Сидеть», желая показать, какая я хорошая, чтобы помочь им принять решение.

– Ну, так что нам делать с этой собакой? Просто оставить ее здесь?

– Хочешь пойти с нами, девочка? – Мужчина в бейсболке достал из пакетика еще одно лакомство и дал его мне.

– Может быть, нам лучше отказаться от наших планов?

– Ты хочешь, чтобы мы вернулись на перевал Сен-Луис? Туда, где разбила лагерь та супружеская пара? Потому что чем нас больше, тем безопаснее?

- Да нет.
- Тогда давайте просто продолжим путь.
- А что делать с собакой?
- Отправимся в путь и посмотрим, пойдет ли она за нами.
- А если нет?
- Тогда она отправится на поиски своего хозяина.
- По-моему, надо сдать этого браконьера полиции.
- Ладно, если мы увидим его, ты сможешь произвести гражданский арест.
- Она явно голодная.
- Ты хочешь скормить ей один из наших пакетиков консервированного тунца?
- Вот именно.

Мужчина в яркой рубашке встал на колени возле мешка, и я сосредоточила на нем все свое внимание. Он вытащил из мешка пакетик, немного пошуршал им, затем открыл его, и в воздухе разлился прекрасный аромат рыбы в масле, такой же, как тот, который я учуяла на его руке. Он разложил для меня на камне куски рыбы, и я тут же с жадностью их съела и облизнулась.

– Как ты думаешь, далеко еще до сто сорок девятой автострады? – спросил мужчина с волосатым лицом.

- Миль десять.
- Тогда лучше отправляться в путь.

Мужчины подняли свои мешки и надели их себе на спины, что ясно говорило о том, что сейчас они не дадут мне еще рыбы. Люди чудесны и всегда могут найти еду, но иногда они прерывают обед хорошей собаки, когда она еще не наелась.

Они не надели на меня поводка и не позвали меня за собой, но смотрели на меня так, словно хотели, чтобы я последовала за ними. Я так и сделала, и вскоре мы снова оказались на тропе. Однако мужчины шли не в том направлении, в котором нужно было идти мне. Они удалялись от того места, где был Лукас.

* * *

Я разрывалась на части. Мне нужно было делать «Иди Домой». Но рыба была такой изумительно вкусной.

Мы перешли через небольшой ручей, и, когда мы переходили его,

ветер принес мне запах Большой Киски. Мужчины никак на него не отреагировали, но людям вообще часто невдомек, что поблизости есть что-то благоуханное, и они без остановки проходят мимо потрясающих ароматов. А значит, каждому человеку нужно иметь рядом с собой собаку, потому что мы не пропускаем такие вещи, и, когда мы не на поводке, мы можем остановиться во время прогулки, чтобы насладиться тем, что достойно внимания.

Сейчас я знала, что Большая Киска больше не убегает подальше от людей, а следует за нами, идя где-то вверху от тропы, по которой шли мы. Я также знала, что ближе она не подойдет.

– Думаю, нам надо взять эту собаку с собой, когда мы двинемся обратно в Дуранго, – сказал один из мужчин.

– И что, сдать ее в отдел по контролю за животными?

– Наверное.

– Но разве они ее не усыпят?

– Ну, не знаю, ведь она такая красивая собака. По-моему, это помесь овчарки с ротвейлером.

Услышав слово «собака», я подняла голову, но никто из мужчин не полез в мешок, чтобы дать мне лакомство.

– Неужели ты видишь в ней сходство с ротвейлером? По-моему, в ней больше от бультерьера – я имею в виду не морду, а корпус.

– Она может спать в твоей палатке, Митч, – смеясь, сказал мужчина в бейсболке.

Когда дневной свет начал тускнеть, мужчины установили маленькие дома из ткани и небольшой металлический ящик с пламенем и, приготовив еду, поделились ею со мной. Больше всего мне понравился сырный соус, но я съела все, съела даже мокрые овощи, которые были мне совсем не по вкусу, просто для того, чтобы поощрить их щедрость.

– Разве от стручковой фасоли она не начнет пукать?

– Даже если и так, она, как я и сказал, будет спать в моей палатке.

Становилось все темнее. Запах Большой Киски стал сильнее, и я поняла, что она подошла ближе. Что она думает об этой перемене, о том, что я сейчас лежу у ног стольких людей? Именно в это время суток она становилась наиболее неугомонной – в то время, как мне хотелось спать, ей хотелось бросаться на меня, чтобы поиграть. Если я была слишком утомлена, чтобы играть, она уходила в ночь так беззвучно, что я могла определить, в каком направлении она ушла, только по запаху.

Я сонно слушала разговор мужчин, надеясь услышать слова, которые я пойму и которые будут касаться еды, когда до меня долетел резкий запах

крови. Я сразу же поняла, что Большая Киска удачно поохотилась, несмотря на то что рядом с нею не было меня. Я представила себе маленького грызуна из тех, которых ей в последнее время удавалось добывать, потому что от ее добычи пахло именно так.

Большая Киска захочет разделить добычу со мной, но меня рядом не будет.

Я встала на лапы и начала подходить к каждому из мужчин по отдельности, приветствуя его и позволяя ему приласкать меня. Именно так я действовала, когда делала «Идти на Работу». Дело в том, что люди чувствуют себя лучше, когда рядом есть собака, и эти мужчины не были исключением – все они тоже оживлялись от того внимания, которое я оказывала каждому из них.

Они были приятными и покормили меня, но они были из тех отзывчивых людей, которые уводили меня прочь от Лукаса. Я пошла с ними, потому что меня очень тянуло к людям и хотелось поужинать, но теперь мне нужно было уходить. Мне нужно было выполнить «Иди Домой».

– Хорошая собака, – сказал мне мужчина в бейсболке, почесывая мою грудь. Я облизала его лицо.

Пока мужчины были заняты тем, что доставали вещи из своих мешков, я повернулась и беззвучно ушла в ночь, чтобы отыскать Большую Киску.

* * *

Следующие несколько дней мы с Большой Киской не встречали людей, у которых можно было бы добыть еду, но мы пересекли много ручьев и луж, так что не страдали от жажды. Голод превратился в постоянную боль, и я тщетно втягивала в себя воздух, пытаясь учуять упоительный аромат жарящегося мяса, хотя и знала, что, где нет людей, там нет и благоухания стряпни.

Большая Киска следовала за мной, но ей часто хотелось остановиться и вздремнуть в тени. Из-за того, что пустота в моем желудке все больше подрывала мои силы, я все чаще и чаще присоединялась к ней, не в силах продолжать путь, не поспав.

Мы охотились, но Большая Киска совсем не умела этого делать. Похоже, она не могла учуять очевидного запаха какого-нибудь мелкого животного, хотя, когда по следу дичи шла я, она следовала за мной по пятам. Но когда я наконец вспугивала дичь, Большая Киска никогда не

помогала мне гнаться за ней. Часто она просто припадала к земле, почти невидимая среди скал, глядя, как я выбиваюсь из сил. Это меня раздражало, потому что, если ты в стае, вести себя подобным образом нельзя. Чтобы добыть еду, мы должны были действовать сообща, но она этого не понимала.

А еще она до странности боялась воды. Один мелкий ручей показался многообещающим нам обеим, ведь у самой поверхности в нем мелькали неясные фигуры рыб, но сколько мы на них ни бросались, добились мы только одного: и она, и я промокли, что, как я поняла, Большой Киске было противно. Затем, когда она зашла в воду слишком далеко и та ненадолго накрыла ее с головой, она бросилась назад в слепой панике, выскочила на берег и отбежала от него прочь, на чем наша охота на рыб и завершилась.

Я чуяла запахи городов, но они были слишком далеко, так что от них не было никакого толку. Я все время думала только о мусорных баках с выброшенным людьми мясом, о задних дверях домов, которые открывались, чтобы люди могли дать нам бекона, о лакомствах в мешках и о мисках с кормом. А еще дальше был мой дом – и даже когда мой нос не улавливал его ни с чем не сравнимого аромата, я настолько ясно представляла себе, в какой он лежит стороне, что могла понять, когда мы двигаемся прямо к нему, а когда наш путь отклоняется в сторону.

Я мало-помалу слабела. Днем я часто ложилась, чтобы вздремнуть, да еще спала всю ночь напролет, не чувствуя, ни когда Большая Киска уходила, ни когда она возвращалась.

Я была уже так изнурена, что, когда передо мной вдруг подпрыгнул кролик, я сначала почти не отреагировала. Затем я, конечно, бросилась вперед, он побежал от меня, кинулся в сторону и устремился прямо к Большой Киске, которая прыгнула, вытянув одну лапу, и убила его!

Мы жадно сожрали его, стоя бок о бок.

Кролик придал мне сил, но в нем было мало мяса, так что, странное дело, мой голод от этой небольшой трапезы, как мне показалось, стал еще острее. Наутро я проснулась рано, чувствуя некоторый прилив сил, и тут, к моему изумлению, ветер принес ко мне аромат свежей крови, смешанный с запахом Большой Киски.

Когда она вернулась на место нашей стоянки, я увидела, что она несет странное животное, большого грызуна, подобного которому я еще не видела никогда. На следующее утро она сделала то же самое, а несколькими днями позже, опять утром, принесла еще одного кролика.

Я не знала, где она находит дичь и как ей удается добыть ее. Но была благодарна. Я была уверена, что Лукас захотел бы, чтобы я добывала еду

для Большой Киски точно так же, как он сам кормил кошек в логове. Но без людей я была бессильна.

Теперь, когда Большая Киска начинала со мной бороться, она была крупнее и тяжелее меня, но она по-прежнему уважала меня. Вожаком нашей стаи была я. Большая Киска была такой проворной, такой гибкой, так ловко выворачивалась и била меня лапами, что иногда я раздражалась и прихватывала зубами ее горло, пока она лежала на спине – не для того, чтобы укусить, а для того, чтобы показать ей, что пусть она и крупнее, но вожаком в стае остаюсь я. При этом она продолжала покорно лежать, пока я не отпускала ее горла, после чего она опрокидывала на спину меня.

Я уже знала по опыту, что котята просто не умеют правильно играть.

Хотя время от времени нам и перепадало какое-то маленькое животное, я все равно постоянно испытывала чувство голода и все слабела и слабела. Бывали такие дни, когда мне было трудно даже встать на лапы. Однажды утром, когда я еле встала, воздух был холоден, неподвижен и сух. Большая Киска шла за мной следом и вдруг остановилась в углублении между стволами двух упавших деревьев. Я обернулась – не затем, чтобы поторопить ее, а затем, чтобы лечь рядом с ней. Я улеглась с тяжелым вздохом, готовясь проспать весь остаток дня.

Меня разбудил резкий запах крови, я узнала его сразу. Кровь текла из существа, которое было где-то неподалеку. Я посмотрела на Большую Киску, которая, почувствовав мое возбуждение, устремилась на меня сонный взгляд. Я вскочила и подняла морду, держа нос по ветру. Животное, от которого шел запах крови, приближалось. Большая Киска вдруг подняла голову, оживившись.

Мы с ней пошли на запах крови, и он привел нас в лесистую местность, поросшую травой. Вскоре мы увидели большую лань, неподвижно лежащую в траве у подножия дерева. Из ее шеи торчала длинная палка, и от этого странного предмета сильно пахло людьми. Эта лань истекала кровью, лившейся из того места на ее шее, где палка пронзила ее плоть, и теперь уже не шевелилась и не дышала. Она умерла совсем недавно – дошла сюда и уже не смогла бежать дальше.

Реакция Большой Киски была для меня неожиданной – вместо того чтобы начать есть, она схватила лань зубами за шею и поволокла ее прочь. Это что, какая-то игра, подумала я. Я последовала за ней, совершенно сбита с толку ее действиями.

Большая Киска, не останавливаясь, дотащила лань до участка песчаной почвы рядом с валуном. Здесь она выпустила шею лани, и мы наконец поели, но странное поведение моей подружки на этом не

закончилось – после того как мы наелись, она вырыла когтями углубление и прикопала нашу добычу, присыпав ее песком, ветками и травой.

Затем, явно удовлетворенная тем, что сделала, Большая Киска улеглась у валуна, скрытая высокой сухой травой. Сытая, не желая больше ничего делать, я растянулась рядом с ней и уснула, слушая ее мурлыканье.

Мы оставались рядом с ланью несколько дней, питаясь ее мясом, ходя лакать воду к небольшому ручью и не делая больше ничего. Мне было беспокойно, мне хотелось делать «Иди Домой», но возможность есть досыта была слишком большим соблазном.

Но в конце концов мы все-таки ушли. Большая Киска двигалась на некотором отдалении от тропы, но я чувала ее запах так же явственно, как и запахи людей, которые ходили по тропе, хотя этим запахам было уже несколько дней. Я всегда знала, когда она останавливалась, и тогда, сойдя с тропы, подходила к ней туда, где она, спрятавшись, засыпала. В те дни, когда нам нечего не удавалось съесть, я часто сворачивалась клубком рядом с ней.

Течение времени измерялось усилением или ослаблением чувства голода. Время от времени ночью моей подружке удавалось добыть животное, достаточно крупное, чтобы мы могли наесться. На следующий день мы проходили значительное расстояние, но потом чувство голода начинало нарастать, превращаясь сначала в ноющую боль, а затем во всепоглощающую одержимость. И тогда я позволяла Большой Киске уводить меня далеко от пути, ведущего к Лукасу, и иногда даже идти назад, но потом ей удавалось добыть дичь, и я снова шла вперед.

Когда до меня доносился запах лисы, я сходила с тропы, чтобы разобраться, но нам больше ни разу не попала лиса с кроликом, которого можно было бы у нее отобрать. Когда же я чувала вонь койота, я уводила Большую Киску подальше, чтобы избежать опасности.

А потом случилось то, что изменило все.

На землю лег снег.

* * *

Небо посветлело лишь чуть-чуть, когда я проснулась, почувствовав холодную пустоту на том месте, где, когда я засыпала, лежала Большая Киска. Я начала глубоко дышать, чтобы определить, где она сейчас, и по тому, как был приглушен ее запах, поняла, что она покинула наше логово уже давно и что поблизости ее нет.

Но зато я почуяла другое – в окружающей местности произошла разительная перемена. Землю покрывал толстый, толще, чем собачья подстилка, слой снега, и с неба продолжали падать мокрые снежинки. Густые ароматы земли, насекомых и животных ослабели, и над всеми ними царил явственный, чистый запах зимы. И оттого, что бесчисленные запахи, перегружавшие мое чутье все лето, притупились, я намного острее начала чувствовать, в какой стороне лежит мой дом.

Когда я попыталась сдвинуться с места, мои лапы погрузились в снег и исчезли из виду, и, чтобы продвигаться вперед, мне приходилось прокладывать себе путь передними лапами. Я вспомнила, как валялась в снегу, когда была с Лукасом, как приносила ему мячик, но то, что тогда было удовольствием, теперь больше походило на препятствие. Пробираться сквозь снег было утомительно, и он ужасно замедлял мое движение вперед. Досадуя на свое бессилие, я всмотрелась вдаль и увидела, что холмы стали почти невидимы из-за продолжающегося снегопада. Там, вдалеке, был Лукас, но как же мне добраться до него через весь этот снег?

Когда солнце полностью рассеяло тьму и снег засверкал под его лучами, я почуяла, что Большая Киска движется ко мне. Из-за приглушающего все шумы снега ее приближение было еще более беззвучным, чем всегда. Я вернулась на то место, где провела ночь, и когда она наконец показалась из-за пригорка, я пришла в изумление. Ничего не понимая, я смотрела как она мчится по снегу, почти не погружая в него свои лапы. Ее бег был странен – ее задние лапы грациозно приземлялись точно в те углубления, которые оставляли передние. Я никогда еще не видела, чтобы так двигалась какая-нибудь другая кошка.

Она обнюхала меня, словно чувствуя досаду, которую вызывала у меня моя беспомощность, потом поприветствовала меня в своей обычной манере, потершись головой о мою шею. Она, наверное, не знала, что мы идем по холмам к Лукасу и что, когда я вернусь к нему, она либо будет жить с нами, либо с Мамой-Кошкой в логове на другой стороне нашей улицы, но до сих пор она следовала за мной охотно, и ей наверняка было известно, что я делаю «Иди Домой», либо у меня есть какая-то другая причина, заставляющая меня идти именно в том направлении, в котором мы шли.

В тот день я не стала препятствовать Большой Киске в ее намерении проспать до темноты, потому что с неба продолжал сыпаться снег. Мы согревали друг друга, пока на нас падали белые снежинки, которые в конце концов накрыли нас толстым снежным плащом.

Когда затянутое облаками небо начало темнеть и Большая Киска, зевнув, встала, стряхнула снег со своей шерсти и, не спеша, покинула то

место, где мы проспали весь день, я пошла было вслед за ней, но сумела пройти совсем немного. Я сразу же отстала от нее, хотя и шла по следам, которые она оставляла на снегу, потому что в то время как ее лапы почти не погружались в него, я проваливалась в снег по грудь.

Я чувствовала себя так, словно попала в ловушку.

Когда она вернулась ночью, от нее пахло удачной охотой, хотя она и ничего мне не принесла. Она повернулась и снова пошла прочь, явно приглашая меня последовать за собой. Я заставила себя пойти за ней и, проваливаясь в снег, с трудом прокладывая себе дорогу, дошла по ее следам до закопанной в снег туши молодого лося. Меня изумило то, что она сумела убить животное, которое было крупнее нас обеих. Я не могла себе представить, как ей это удалось.

Мы с жадностью поели, затем вернулись в наше временное логово. Я бы предпочла остаться рядом с убитым лосем, однако Большая Киска увела меня обратно, и я последовала за ней, потому что не знала, что еще можно сделать. Похоже, появление снега все изменило, и теперь вожаком стаи стала она.

Так мы с ней поменялись ролями. Большой Киске удавалось добывать дичь по ночам – не каждую ночь, но все же достаточно часто, чтобы мы с ней не голодали. Мы ели оленей и лосей, которых она закапывала в снег, или кроликов и других мелких животных, которых она приносила в наше логово.

Чутье подсказывало мне, что Большая Киска охотится не на открытой местности, а там, где есть лес, или же там, где благодаря ветру и солнцу снег в основном сошел. Приходя вслед за ней в такие места, я чувствовала себя так свободно, как будто Лукас только что спустил меня с поводка. Среди деревьев снежный покров в разных местах имел разную высоту, и я вскоре научилась находить участки, где он был наименее толстым и где я могла передвигаться бегом. Часто Большая Киска передвигалась по лесу, грациозно и неторопливо ступая по стволам упавших деревьев, чего я делать не могла. И она, конечно же, всячески сопротивлялась всем моим попыткам заставить ее пройти хоть сколько-нибудь значительное расстояние днем. Я никак не могла взять в толк, почему ей хочется тратить все силы в темное время суток, когда ничего нельзя разглядеть.

Мы почти не продвигались в том направлении, где, как я знала, лежал мой дом. Охотясь, Большая Киска уводила нас обеих туда, где она могла найти дичь, и обычно это было совсем не в той стороне, в которую хотела двигаться я. Часто мы с ней шли по пахучему следу оленя, где снег был утоптан его копытами, так что двигаться по нему мне было легче – но, идя

по этому следу, мы петляли без цели, все дальше отходя от тропы, ведущей к Лукасу. Я тосковала по нему, жаждала почувствовать прикосновение его рук, хотела снова услышать, как он говорит мне «Хорошая собака». Хотела «Крохотный Кусочек Сыра». Я испытывала такую жгучую потребность в моем человеке, что даже не могла спать.

Чаще всего мы шли по склонам. Иногда я чувала доносящиеся снизу запахи людей, машин, дыма и еды. Возможно, там был город или же просто группа людей, сидящих вокруг костра. Если идти под гору, там можно будет найти людей. Если идти в гору, то оттуда до меня доносились только чистые дикие запахи скал и льда. Большая Киска всегда выбирала тот путь, который вел в гору, и я всегда следовала за ней.

Я чувствовала особенно сильную досаду, когда чувала наши собственные запахи и понимала, что один раз мы здесь уже прошли. Мы с Большой Киской пересекали наш собственный след, просто ища дичь, даже если это означало, что мы бродим по одним и тем же местам.

По какой-то непонятной причине во время бурь ей было еще легче добывать дичь. Однажды, наевшись, я захотела разведать местность, которая находилась высоко на горе, где деревьев было мало, а склон, насколько хватало глаз, круто уходил вниз. Большая Киска вернулась в наше логово, чтобы проспать весь день, я же двинулась по нетронутому снегу, стараясь держаться среди деревьев, полная решимости доказать, что при благоприятных условиях я могу охотиться не хуже Большой Киски.

И вдруг я замерла – в холодном воздухе витал еле уловимый запах собаки.

Я без колебаний направилась туда, откуда он доносился, несмотря на то что для этого нужно было подняться еще выше. Поначалу запах собаки был едва различим, но я продолжала держать курс на него и вскоре, приняв хавшись, уловила и другие запахи – запахи людей.

Это меня насторожило. Я давно уже не видела никого из людей, последний раз они встречались мне еще до того, как выпал снег. Из-за опаски, с которой Большая Киска относилась даже к самому легкому намеку на близость людей, у меня появилось чувство, что мне не стоит к ним приближаться, и это чувство еще усилилось из-за того, что даже приятные люди, дававшие мне еду, всегда хотели повести меня не туда, где был Лукас, а в противоположную сторону.

Но чтобы увидеть эту собаку, мне придется приблизиться к человеку; запахи их обоих доносились до меня откуда-то сверху. Я чувала запахи и двух других людей, это тоже были мужчины, и они находились в стороне от того, которого сопровождала собака.

Выйдя из-за деревьев и посмотрев вверх, я увидела белый склон, круто уходящий в небо. Далеко-далеко на нем под самым скалистым гребнем, который венчал этот холм, по снегу пробирались собака и человек. На вершине этого гребня высилась массивная снежная стена, тяжело нависавшая над холмом. На ногах у мужчины были очень длинные ботинки, в руках он держал палки, и по запаху я определила, что собака, голова которой доходила мужчине до пояса, – это самец. Я не знала, зачем человеку надо было уводить свою собаку так высоко в гору, но люди всегда главнее собак, и я была уверена, что этот далекий самец чувствует себя счастливым – это чувствовалось по тому, как он бежал: весело и вприпрыжку.

– Эй! Стойте! – крикнул кто-то. Вздвогнув от неожиданности, я повернула голову в другую сторону, туда, где не было скального гребня, а виднелась только вершина невысокой пологой горы. Двое других мужчин, до которых было так далеко, что они казались совсем маленькими, держали руки у ртов.

– Уходите оттуда! – крикнул один из них.

– Там опасно! – крикнул второй.

– Вы в лавиноопасной зоне!

– Стойте!

В голосах этих мужчин звучали страх и злость. Мужчина под скальным гребнем продолжал идти, но сопровождавший его самец остановился и повернулся, и я поняла, что он услышал голоса. Затем он посмотрел в мою сторону, и мне стало ясно, что он учуял мой запах.

Хотя до него было очень далеко, я невольно завиляла хвостом. Я играла с Большой Киской каждый день, но сейчас мне ужасно хотелось побороться с собакой.

– Уходите оттуда! – истошно закричали оба мужчины, стоящие на склоне невысокой горы.

Самец залаял и, бросившись бежать вниз по склону, сделал несколько шагов ко мне. Почти непроизвольно я, утопая в высоком снегу, двинулась в его сторону, еще с большим воодушевлением виляя хвостом.

– Датч! – крикнул мужчина, который был вместе с собакой-самцом. – А ну, вернись.

Самец взглянул на своего человека, затем снова вприпрыжку бросился в мою сторону. Склон был так крут, что он всего за несколько прыжков продвинулся далеко вперед. Он тоже вилял хвостом. Мужчина поднял свой длинный ботинок и топнул им по снегу.

– Датч! Ко мне! – скомандовал он.

– Берегись!

Послышался странный низкий шум, похожий на тот, который производила подушка, когда Лукас бросал ее в меня и она ударялась о стену. Стена снега, нависавшая над скалистым гребнем, развалилась на части и рухнула вниз. Находящийся под гребнем мужчина резко обернулся, и воздух сотряс гул, громкий, как громыхание грузовика. Мужчина упал и, кувыркаясь, полетел под гору в то время, как снег под его ногами заскользил вниз почти так же, как вода в ручье. Этот снежный вал подхватил и опрокинул собаку-самца, и они оба: и собака, и мужчина, барахтаясь, катились под гору, ко мне, двигаясь быстрее, чем что-либо виденное мною прежде, быстрее, чем даже Большая Киска.

От оглушительного гула и странного вида внезапно заскользившего под гору снега меня объял ужас. Мне надо было бежать от него. И я повернулась и огромными прыжками кинулась обратно к деревьям. Раскатистый гул становился все громче и громче, потом какая-то сила подбросила меня вверх. Я катилась и падала, не понимая уже, где верх, где низ. Я ничего не видела, не чувствовала под лапами земли, и, когда что-то ударило меня в голову, у меня мелькнула только одна мысль.

Лукас.

Глава 15

Я катилась вниз, не имея возможности ни видеть, ни слышать, ни обонять. А потом гул вдруг затих. Я тряхнула головой, чтобы прийти в себя, и попыталась понять, что же сейчас произошло, но у меня ничего не вышло. Я находилась среди деревьев, но мне было совершенно непонятно, как я туда попала.

Мои задние лапы прижимал к земле снег, и им было так тяжело, словно на меня навалился Лукас. Если бы здесь был он, если бы здесь был Лукас, он бы знал, что делать. Тяжело дыша, я попыталась освободиться. Я вспомнила, как он взял меня из рук Уэйна и перенес через забор. Вот что мне было сейчас нужно – чтобы мой человек обнял меня и освободил мои лапы. Я заскулила. Я не могла пошевелить заваленными тяжестью снега задними лапами и изо всех сил уперлась передними, чтобы вытащить их. Мои задние лапы чуть-чуть подались, и я смогла немного сдвинуть сначала одну, потом другую. Теперь я могла подтянуть их обе, и, предприняв последнюю попытку оставить меня в своем плену, снег отпустил меня, и я, чувствуя себя совершенно обессиленной, встряхнулась.

Хотя воздух только что был полон такого невообразимого шума, что он заглушал все, даже мысли, теперь вокруг царила странная тишина. Я огляделась по сторонам, пытаюсь понять, что к чему.

Собака-самец. Он находился сверху от меня, скуля, и от него исходил невероятный страх. Хотя мы с ним и не были стаей, инстинкт тянул меня прийти ему на помощь, и я, не колеблясь, бросилась к нему, чувствуя, что снег под моими лапами стал до странности твердым, как будто шум каким-то образом утоптал его.

Самец находился там, где кончались деревья, он остервенело раскапывал снег, и тот летел от его лап назад. Пес был огромен, крупнее меня, с густой темной шерстью. Когда я подошла к нему, он даже не взглянул на меня и ничем не дал понять, что он вообще меня видит. Его полное муки поскуливание было нетрудно истолковать. Ясное дело, случилось что-то очень плохое. Но что именно? Почему он так яростно атакует снег?

Не знаю почему, но мгновение спустя я уже раскапывала снег рядом с этим самцом с таким же неистовством, как и он. Произошло что-то плохое, и нам надо было рыть и рыть. Больше я ничего не знала.

Мы копали не очень долго, когда я почуяла запахи людей – тех двух

мужчин, которые недавно были так сердиты.

– Там! Вон там! – крикнул один из них. – Видишь? Они копают!

Я продолжала копать, изо всех сил стараясь выскрести твердый плотный лед. Мое чутье теперь ясно говорило мне, что там, внизу, находится человек – тот самый мужчина, который оставил свой запах на большом самце. Мы копали, чтобы спасти его.

Целиком поглощенная своей миссией, я только мельком взглянула на двоих мужчин, когда они подошли к нам, скользя по снегу на своих длинных ботинках. Один был выше другого, и у него была более темная кожа. Они оба сбросили с ног свои длинные ботинки.

– Должно быть, это его собаки!

Они опустились на колени рядом с нами и тоже начали копать своими длинными руками в варежках, выбрасывая наружу большие горсти снега.

– Я вижу его рубашку! – Оба мужчины передвинулись ближе к тому месту, где копал самец, а тот немного подвинулся в мою сторону, но не перестал копать.

– Его рот забит снегом. О боже.

– Он жив?

Один из мужчин сорвал с руки варежку.

– Пульс еще есть!

– Но он не дышит!

Они быстро разгребли снег, закрывавший лицо погребенного мужчины. Я чувствовала их отчаянный страх. Вскоре они раскопали его плечи и руки. Они встали на ноги, схватили его за руки и потянули, отклонившись назад.

– О боже!

– Тяни сильнее!

Двое мужчин опрокинулись на спины, почти полностью вытащив мужчину, который был погребен под снегом. Самец, скуля, облизал его лицо.

Мужчина повыше поднял к лицу телефон.

– Нет сигнала. Я побегу в хижину, вызову подмогу. Ты сможешь сделать ему искусственное дыхание рот в рот, Гэвин?

– Да! – Мужчина пониже начал целовать человека собаки-самца.

Второй мужчина снова надел на ноги свои длинные ботинки, схватил палки и, двигаясь рывками, быстро заскользил прочь.

– Я вернусь, как только смогу!

Мужчина, целовавший другого мужчину, выкопанного из-под снега, кивнул, но не перестал делать глубокие вдохи и прижимать губы к губам

того, который лежал не шевелясь.

– У него все еще есть пульс!

Высокий мужчина в длинных ботинках, отталкиваясь палками, быстро двигался по снегу; я еще никогда не видела, чтобы кто-нибудь так по нему скользил.

Самец, похоже, заметил меня только сейчас, но он взглянул на меня только один раз. Его язык был высунут, тело дрожало, глаза были широко раскрыты. Он не поднял заднюю лапу, не понюхал меня под хвостом – он весь подался вперед и почти лег на своего человека, не переставая скулить.

Мужчина, продолжавший целовать мужчину, лежащего на снегу, сделал еще несколько глубоких вдохов, и мужчина, лежащий на снегу, застонал.

– О, слава богу! – сказал мужчина, стоящий рядом с ним на коленях. Повернувшись, он посмотрел на меня. – Теперь он оклемается. Он уже дышит сам.

Мужчина, лежащий на снегу, не открыл глаз, но он начал кашлять и с присвистом дышать, а самец все лизал и лизал его лицо.

* * *

Я осталась со стонущим мужчиной, собакой-самцом и другим мужчиной, который был приятным и дал мне и самцу по кусочку хлеба. В конце концов я услышала, как снизу к нам с громким шумом приближаются машины, но все равно осталась – не только из-за хлеба, а потому, что чувствовала – мне необходимо остаться здесь. Я чувствовала себя сейчас так же, как когда помогала Маку и другим моим друзьям, которые иногда грустили и нуждались в собаке. Это была моя работа. Мужчина, который дал мне хлеба, был возбужден и подавлен, а стонущий мужчина, похоже, вообще не осознавал, что происходит вокруг.

– Значит, тебя зовут Датч? – спросил мужчина с хлебом, посмотрев на ошейник собаки-самца. – Привет, Датч!

По реакции самца я поняла, что именно так называют его люди.

Мужчина с хлебом протянул руку, ощупал мой ошейник, и я понюхала его руку, чуя запах Датча, запах хлеба и больше почти ничего.

– А как зовут тебя? Почему на твоём ошейнике нет таблички?

Я завиляла хвостом. Да, я хочу еще хлеба.

Когда громко шумящие машины приехали, на спине каждой из них сидело по два человека, и за одной из них волочились плоские сани. На

машинах сидели три женщины и один мужчина, они осторожно подняли человека собаки-самца и начали пристегивать его ремнями к саням. Он громко застонал, когда они сдвинули его с места, но все же не проснулся.

– Он поправится? – спросил мужчина с хлебом одну из женщин.

– Это зависит от того, сколько времени в его мозг не поступал кислород. Но то, что у него все время билось сердце, – это хороший знак. Вы все сделали правильно.

– До этого раза я никогда еще этого не делал, – ответил он. – Я хочу сказать искусственного дыхания рот в рот. Ничего себе.

– С вами все в порядке? – добрым голосом спросила женщина.

– Сказать вам честно? Нет, я до сих пор весь трясусь.

– Вы спасли человеческую жизнь. Вы должны сейчас чувствовать себя просто превосходно.

– Знаете, мне станет куда лучше после того, как я пропущу бокал мартини.

Женщина рассмеялась. Услышав этот звук, я завиляла хвостом, Датч же тревожно наблюдал за тем, как его человека пристегивают ремнями к саням. Я обнюхала Датча и практически почувствовала вкус изливающегося из него страха.

– А как насчет его собак? – спросил мужчина с хлебом.

– О, – ответила женщина.

– Вы пришлете кого-нибудь, чтобы их забрать?

– Дело в том – в общем, мы не занимаемся собаками.

– Ах, вот оно что. – Мужчина снял варежку, чтобы погладить меня по голове, и я потерлась об него совсем так же, как Большая Киска в знак приветствия терлась об меня.

– Но это собаки того парня, которого вы сейчас отвезете в больницу.

– Вот незадача. Наше дело – вести спасательные работы в горах, и мы еще никогда не сталкивались с такой ситуацией, когда у человека, которого мы спасаем, есть собака.

– Понятно. – Он еще раз погладил меня по голове. – Но что же тогда с ними будет?

Женщина хлопнула руками в варежках, и в воздух от них полетел снег, затем отряхнула от него свою куртку.

– Думаю, это уже ваша забота.

Мы смотрели, как люди залезают на сиденья своих машин, которые начали громко реветь. Затем они рывком тронулись с места и уехали, увозя на санях мужчину, которого мы все выкопали из снега. Датч взвыл и, спотыкаясь, бросился вслед за ним, подгоняемый отчаянием и паникой.

– Датч! Ко мне! – крикнул ему мужчина с хлебом. Машины остановились, и мужчина с хлебом, надев на ноги свои длинные ботинки, заскользил вниз по склону к ним. Датч в тревоге обежал вокруг машин, потом поставил лапу на сани, на которых лежал его человек.

Я смотрела на все это, не двигаясь с места. Человек с хлебом не называл меня Белла. Но он знал Датча. Датчу будет с ним хорошо. Я втянула носом воздух; хотя я и не учуяла запаха Большой Киски, я знала, что она где-то неподалеку. Мы с ней сумеем найти друг друга. Но куда важнее было другое – я чуяла запах моего дома и остро ощущала то притяжение, которое влекло меня к Лукасу.

Настала пора «Иди Домой».

Мужчина с хлебом смотрел прямо на меня. Он поднял руку ко рту и пронзительно свистнул, почти совсем как Лукас. Я изумилась – откуда он знает, как это делать?

– Иди сюда, девочка!

Я колебалась. Мужчина с хлебом хлопал себя по бедрам, а я знала, что этот жест означает «Ко мне». И еще я узнала слово «девочка», потому что его часто говорил мне Лукас. Следует ли мне подбежать к этому мужчине?

В глубине души я понимала, что он, возможно, один из тех людей, которые хотят помешать мне вернуться к моему человеку, но я чувствовала его доброту, к тому же я уже так давно не слышала человеческого голоса, мне уже так давно никто не говорил, что я хорошая собака, что сейчас меня охватил неудержимый порыв подбежать к нему. И я сделала это.

Мужчина с хлебом снял с плеч свой мешок, и я подумала, что, возможно, у него там есть еще хлеб. И точно! Я послушно сделала «Сидеть», перед тем как он бросил мне кусочек, и сосредоточила все внимание на лакомствах, которые еще оставались в его руке. Датч все еще был занят мужчиной на санях, так что вся еда достанется мне.

Когда мужчина с хлебом подошел ко мне снова, в руках у него кроме лакомств было что-то еще. Я жадно съела лакомство с его варешки, в то время как другой рукой, на которой не было варешки, он прикрепил что-то к моему ошейнику. У меня внутри все оборвалось, когда я поняла, что это веревка. Я была на поводке.

Я не хотела идти на поводке.

Женщина держала Датча за ошейник, пока мужчина с хлебом доставал

из своего мешка еще одну веревку. Он привязал ее к ошейнику Датча, отдав ему одно из моих лакомств, которое Датч проглотил так, будто ему это все равно. Какая напрасная трата еды, подумала я – отдать ее собаке, которой нет до нее дела, в то время как рядом есть другая собака, которая может ее оценить.

– Спасибо, – сказал мужчина с хлебом.

– Удачи! – крикнула женщина, снова садясь на машину. И обе машины с ревом умчались прочь.

Датч сразу же словно обезумел, уши его прижались к голове, из пасти потекла слюна, глаза расширились так, что показались их белые края. Он бросился было за санями, рывком натянув веревку, и мужчина с хлебом чуть было не упал.

– Перестань, Датч! Сидеть! Ждать!

Я села и выполнила «Ждать», потому что я была хорошей собакой, которая чуяла, что в мешке еще остались хлебные лакомства.

Датч скулил, вертелся и налегал на веревочный поводок, а мужчина с хлебом пытался его успокоить.

– Все будет хорошо, Датч. С тобой все будет хорошо.

Когда Датч наконец посмотрел на мужчину с хлебом, в его глазах не было ничего, кроме отчаяния.

– Ну все, девочка, пошли, – сказал мужчина. Я чуяла запах шумных машин, даже когда они повернули и исчезли за холмом, после чего их громовой рев затих.

Мужчина с хлебом снова надел на плечи свой мешок и взял в каждую руку по длинной палке, достояющей до земли. На ногах у него по-прежнему были все те же длиннющие ботинки. Я посмотрела на Датча, поводок которого был туго натянут, чтобы он оставался рядом со мной. Я не понимала, что мы делаем, и Датч явно тоже. Но знала, ему хочется сейчас только одного – побежать за санями.

– Ну, давайте попробуем пойти все вместе. Вы готовы? Тогда вперед!

Я страшно удивилась, когда рывком потянув мой веревочный поводок, мужчина с хлебом с шелестящим звуком заскользил на своих длинных ботинках мимо меня и Датча. Мы с Датчем сдвинулись с места. Я попыталась держаться от мужчины с хлебом так близко, чтобы поводок больше не натягивался, Датч же бросился бежать назад.

– Эй! – крикнул мужчина с хлебом. Он повернулся и тяжело рухнул на снег. Я подошла к нему, виляя хвостом и думая, что, если мы сейчас остановимся, он, возможно, даст мне еще хлеба. Датч дергал и тянул свой поводок. – Датч! Нельзя! Перестань!

Побарахтавшись в снегу, мужчина с хлебом наконец встал на ноги и посмотрел на нас. Я виляла хвостом, Датч скулил.

– Это будет труднее, чем я думал. Просто не тяни так сильно, Датч. Я не так уж давно научился ходить на лыжах. Вы готовы? Тогда вперед. Вперед!

Я неуверенно устремилась вперед. Мы что, идем гулять? Снег здесь был до странности твердым, так что бежать по нему было легко. Датч опять бросился бежать, на этот раз вперед.

– Датч! Притормози! – крикнул мужчина. Датч понурил голову, и мне стало ясно, что сейчас он чувствует себя плохой собакой.

– Надо же! – сказал мужчина с хлебом после небольшой паузы. – Вроде бы получается!

Когда мы начали двигаться в гору, снег снова стал рыхлым и глубоким, и нам всем троим стало трудно идти. Мужчина отталкивался своими палками от земли, дергал наши поводки и тяжело дышал.

Вскоре я почувяла, что к нам приближается друг мужчины с хлебом.

– Гэвин! – позвал он из-за холма.

Мужчина с хлебом поднял голову.

– Тэйлор! Я здесь!

Мужчина с хлебом согнулся, тяжело дыша, а второй мужчина, тот, который был выше, показался на вершине холма и заскользил под гору, к нам. Его дыхание тоже было шумным.

– Что тут произошло? – спросил высокий мужчина, после того как какое-то время только и делал, что вдыхал и выдыхал.

– Он сейчас едет вниз вместе со спасателями, – ответил мужчина с хлебом.

– Думаешь, он выкарабкается?

– Без понятия. Он так и не пришел в себя. Спасатели сказали, что раз его сердце не останавливалось, это дает надежду. Мы спасли ему жизнь, Тэйлор.

Высокий мужчина покачал головой.

– И о чем он только думал? Ведь здесь кругом полно предупреждений об угрозе лавин!

– Знаю. Наверное, ему просто хотелось прокатиться на лыжах там, где опаснее всего.

– Возможно, спасая такого придурка, мы помешали ходу естественного отбора, – задумчиво сказал высокий мужчина и улыбнулся. Его зубы показались мне особенно белыми на фоне его кожи, которая была очень темной. Потом он посмотрел на меня. Я завиляла хвостом. – Не могу

не отметить одного факта – ты сейчас ведешь за собой двух здоровенных собак.

– Спасатели сказали, чтобы я вызвал людей из отдела по контролю за животными.

– А почему их не вызвали они сами?

– Им надо было отвезти этого парня вниз, чтобы оттуда его можно было доставить на вертолете в больницу. – Мужчина с хлебом пожал плечами.

– По-моему, ты хочешь сказать мне еще кое-что.

– У меня еще остался собачий корм с того раза, когда к нам приезжал Ник.

– Понятно. – Высокий мужчина кивнул. – Стало быть, мы их покормим, а что потом?

– Да брось ты. Завтра мы повезем этих собак с собой в Грэнд Джанкшн и там уже сообразим, что с ними делать дальше.

– Почему это твое «там уже сообразим, что с ними делать дальше» звучит так, словно ты хочешь сказать «позаботимся о них у нас дома»? – спросил высокий мужчина.

– А что, если этот парень умрет? Я просто не хочу оставлять их в приюте, пока мы не убедимся, что у них все будет хорошо.

Высокий мужчина потер лицо варежкой.

– Да ведь эти собаки весят тонны две.

Мужчина с хлебом рассмеялся.

Высокий мужчина снял варежку, чтобы погладить Датча, который тут же лизнул его руку.

– Итак, это бернский зенненхунд с примесью чего, медведя? Медведя гризли?

– Его зовут Датч.

– Угу. – Высокий мужчина протянул руку ко мне, я почувала на его пальцах запах Датча и уловила в этом запахе отчаяние, которым был сейчас охвачен самец. Я знала, чего ему хочется больше всего – избавиться от поводка и побежать за своим человеком. Вот что нужно собаке, которая потерялась. – А эта красотка – бульмастиф с примесью чего? Не знаю чего, может быть, коровы? Она же величиной с чертову корову, Гэвин.

– Но ты посмотри на ее ребра. Она явно недоедала.

– А ее братец раскормлен. Ему явно нужно посидеть на диете.

– Значит, мы так и поступим.

– Ага, так и поступим, – повторил высокий. – Мне особенно нравится это твое «мы». Мы с тобой посадим этого пса на диету, хотя он нам и не

принадлежит.

– Мужчина, попавший под лавину, похоже, отдает всю еду братцу, а его сестренку обделяет. Вот что, возьми кобеля, ведь ты ходишь на лыжах лучше меня, а то он тянет, как гоночный катер.

Мы с Датчем скоро узнали, что мужчину с хлебом зовут Гэвин, а высокого с темной кожей – Тэйлор. То есть узнала это одна я, потому что Датчу, похоже, не было дела ни до чего, кроме возвращения к его человеку. Двое мужчин привели нас в очень маленький дом, в одной из стен которого была дыра, где горел огонь, наполняя воздух в доме резким запахом дыма. Гэвин насыпал сухой корм в две миски, и я съела из своей миски все, а Датч из своей – ничего, так что его корм съела я.

Я была благодарна за еду, но мне было известно то, чего эти люди, похоже, не знали: в их доме были две собаки, но ни одна, ни другая не хотели здесь быть. Я была уверена, что при первом же удобном случае я от них уйду.

Датч сидел у двери и выжидательно смотрел на нее, явно надеясь, что сейчас она откроется и в дом войдет его человек. Я же знала, что жизнь никогда не бывает такой легкой и что вместо открытых перед тобой дверей тебе приходится перебираться через забор.

Глава 16

На следующий день Тэйлор посадил нас с Датчем в машину и вез долго-долго. Я узнала слово «домой», но мне было ясно, что мы едем не в том направлении и что на самом деле мой дом находится позади.

Я не чуяла запаха Большой Киски. Если бы я знала, что после того, как я отправлюсь на запах Датча, меня уведут прочь от нее, я бы отказалась от возможности увидеть другую собаку, как бы мне этого ни хотелось. Мне не хватало Большой Киски, и я беспокоилась, как она там теперь, когда я больше не могу о ней заботиться.

– Как вы там, собаки? – спросил Гэвин, посмотрев на нас с Датчем через плечо. Мы вдвоем ехали на заднем сиденье, которое, по правде сказать, было тесновато для нас обоих. – Господи, Тэйлор, только посмотри на нее. Я могу пересчитать все ее ребра. Как этот парень мог такое сделать? Датч явно перекормлен, а она голодает.

– Может, он просто предпочитает мужской пол. А что, я с ним солидарен.

– Я серьезно. Это жестокое обращение с животным.

Мы с Датчем в конце концов сумели кое-как устроиться на заднем сиденье: то я сидела, а он лежал, то, когда нам становилось неудобно, мы менялись местами. После долгой поездки мы приехали в большой дом с жесткими полами и несколькими комнатами. В одной из них в стене зияла дыра, полная кусочков горелого дерева. Я внимательно обнюхала ее, а Датч не обратил на нее никакого внимания. За домом был большой задний двор, обнесенный металлическим забором. Во дворе не было ни снега, ни горок, только растения и трава. В дуновении сухого ветра я почуяла запахи собак и одной далекой кошки, но никакими другими животными там не пахло.

В одной из комнат Тэйлор положил на пол подушки и одеяла, и я поняла, что нам с Датчем придется здесь спать. Нам придется погостить у Гэвина и Тэйлора, как я когда-то гостила у Лоретты и Хосе.

Я не понимала, почему люди не могут просто дать мне отыскать путь домой.

Когда мы только что прибыли в этот большой дом, Тэйлор и Гэвин сели вместе со мной, и мы поиграли в игру, смысла которой я не поняла.

– Дэйзи? Хлоя? Бэйли? Бланш? – спросил Гэвин.

– Бланш? Ой, не могу! – Тэйлор повалился на диван и прижал к лицу подушку.

– Что? – Оба мужчины смеялись.
– Да кому придет в голову назвать собаку Бланш? – спросил Тэйлор.
– Собаку моей мамы звали Бланш, – словно оправдываясь, сказал Гэвин.

– Ну, тогда это все объясняет.
– Эй, эй! – двое мужчин начали бороться друг с другом. Я перехватила взгляд Датча и отвернулась. Они оба явно совершенно забыли про лакомства для нас.

Однако потом они возобновили странную игру.

– Вот список наиболее употребляемых собачьих кличек, – сказал Тэйлор. Он сидел за столом и щелкал пальцами по какой-то игрушке, но больше не делая ничего. Я вспомнила, что Лукас и Мамуля часто щелкали пальцами по такой же игрушке, и мне ужасно захотелось оказаться сейчас дома с ними.

– А имя Датч в нем есть? – спросил Гэвин.
– Э... похоже, нет, – ответил Тэйлор.
– Тогда вполне может быть, что этот парень не смотрел в твой список, когда давал клички своим собакам, – заметил Гэвин. – Так что мы, возможно, только зря потратим время.

– Это самые популярные клички. Это значит, что, когда люди придумывают клички своим собакам, им чаще всего приходят на ум именно эти. Им даже не надо просматривать этот список – они совершенно произвольно выбирают те из кличек, которые наиболее популярны, – сказал Тэйлор.

– Ладно, начинай.
– Итак. – Тэйлор пристально посмотрел на меня. – Номер один. Люси? Я тоже пристально посмотрела на него. Люси – это что, какой-то вид лакомства?

– Следующая, – сказал Гэвин.
– Макс?
– Макс – это не женское имя.
– А что если ее зовут Максина?
– Я тебя умоляю, – фыркнул Гэвин. – Все это лишено всякого смысла.
– И это мне говорит человек, мать которого назвала свою собаку Бланш! – сухо ответил Тэйлор.

– Из нас двоих это тебе нравятся клички, выбранные произвольно.
– Бэйли?
– Мы уже пробовали Бэйли.
– Белла?

Я склонила голову набок. Это был первый раз, когда кто-то из них сказал мое имя.

– Мэгги?

– погоди, – сказал Гэвин. – Вернись назад. Я видел у нее какую-то реакцию.

– Белла?

Я зевнула. С какой стати он повторяет мое имя?

– Белла! – позвал Гэвин.

Я повернула голову и посмотрела на него.

– Есть! – Он вскочил с дивана. – Вот оно! Белла! Белла!

Я ничего не могла с собой поделаться и тоже вскочила, и, когда Гэвин начал бегать вокруг стола, выкрикивая мое имя, я с лаем последовала за ним. Датч смотрел на нас с дивана, и на его морде было написано отвращение.

На следующий день Тэйлор поиграл с моим ошейником, и после этого, стоило мне пошевелиться, он начинал звякать.

– Теперь у вас обоих есть таблички с вашими кличками, – сказал нам Тэйлор.

Теперь мы были Белла и Датч, две собаки, живущие с Гэвином и Тэйлором, но страстно желающие вернуться к своим настоящим людям.

Каждый вечер, сворачиваясь в клубок, чтобы уснуть, я думала о Большой Киске. Что она сейчас делает? Скучает ли она по мне? Я надеялась, что ее не преследуют койоты и что она не страдает от холода.

Я терпеливо ждала случая сделать «Иди Домой», полагая, что на тропе я смогу снова повстречать Большую Киску. Нас с Датчем часто водили гулять, обычно в темноте и всегда на поводках. Сначала я вежливо обнюхивала каждую метку Датча, но он метил деревья и столбы так часто, что в конце концов я сосредоточилась на других запахах. Как-то раз мы гуляли, Гэвин, держа поводок Датча, а Тэйлор – мой, когда Гэвин произнес мое имя.

– Белла немного поправилась. Теперь она выглядит куда лучше.

Я повернула голову и взглянула на него, потому что услышала в его голосе одобрение.

– А как у тебя идут дела с твоим новым редактором? – спросил Тэйлор.

– Думаю, совсем неплохо. Ей нравится моя рукопись. Но это вовсе не значит, что я не получу от нее уйму замечаний, – ответил Гэвин.

– Не могу поверить, что они тебя не злят. Лично я жутко злюсь, когда от меня хотят, чтобы я внес в продукт изменения. Но ведь ты у нас

успешный писатель!

Они на какое-то время замолчали. Я учуяла, что недавно здесь бегала белка, и оставалась на чеку, ожидая, не появится ли она вновь.

– Так сколько времени ты там пробудешь? – тихо спросил Гэвин.

– Что?

– Я заметил, что ты всегда начинаешь расспрашивать меня о моих книгах перед тем, как уехать далеко и надолго. Создается такое впечатление, что так ты напоминаешь мне, что по миру разъезжаешь не только ты.

Тэйлор вздохнул.

– Судя по всему, где-то две недели. Базы данных оказались менее совместимыми, чем мы полагали. Значительную часть унаследованного программного обеспечения надо будет переписать. У меня хорошая команда, но им нужно, чтобы я приехал и занялся этим сам.

– Что бы это ни значило, когда я слышу от тебя, что ты уезжаешь на две недели, это обычно значит, что ты пробудешь в отъезде все четыре.

– Мне будет не хватать тебя, – сказал Тэйлор.

Они остановились под деревом и обнялись. Мы с Датчем, совершенно сбитые с толку, обошли их кругом, пока наши поводки не подтянули нас нос к носу.

Несколько дней спустя я выучила слово «чемодан» – это была коробка с ручкой, в которой находилась одежда Тэйлора. Мы с Датчем обнюхали его, когда он, открытый, лежал на полу, и мне было понятно, что Датч пытается решить для себя, поднимать ли ему заднюю лапу, чтобы пометить его, поскольку от него исходили явственные запахи улицы. В конце концов Датч решил оставить на нем совсем слабую метку, всего несколько капель, и ни один из мужчин ее не заметил.

Гэвин и Тэйлор уехали вдвоем, потом Гэвин вернулся один, и с тех пор некоторые правила изменились. Нам с Датчем разрешили спать на кровати! Я спала, прижавшись к Гэвину. Датч залезал на кровать, только если Гэвин настаивал, но ему там было беспокойно, и ночью он всегда спрыгивал на пол.

Датч грустил. Он проводил много времени, лежа под дверью и уткнув нос в щель под ней, принюхиваясь и вздыхая. Ему почти никогда не хотелось со мной играть. Иногда Гэвин ложился на пол рядом с Датчем и обнимал его.

– Ну, как ты, большой пес? Ты придешь в себя? – тихо спрашивал он. Когда он делал это, я чувствовала, как боль немного отпускает Датча. Гэвин дарил Датчу успокоение.

Еще он дал нам много игрушек – пискучие игрушки, мягкие игрушки, игрушки-косточки и мячики. Все, начиная от кусочков курицы, которые давал нам Гэвин, до мягких игрушек, которые мы с Датчем изодрали в клочки, напоминало мне о Лукасе. Гэвин был добр, но он не был моим человеком.

Затем вернулся Тэйлор и привез с собой лакомства!

– Надо же, Белла, ты явно набрала вес! – радостно сказал он, давая мне жесткий кусок мяса. – Ты хорошо выглядишь. А ты, Датч, все еще... полноват.

– Я не могу давать корм Белле и не давать Датчу. Это было бы нечестно, – переходя в оборону, сказал Гэвин.

После того как двое мужчин снова оказались вместе, мы стали гулять чаще.

– Знаешь, думаю, нам надо в последний раз сгонять в хижину, перед тем как отправиться в Китай, – сказал Тэйлор во время одной из таких прогулок.

– Там в горах все еще лежит снег, а я, по правде сказать, предпочитаю лето, – ответил Гэвин.

– Ты непременно сможешь лучше освоить лыжи, тебе просто нужна практика.

– А я вовсе не хочу их осваивать.

– Какая муха тебя укусила?

– Интересно, когда ты собирался сказать мне наконец, что ты связался со службой спасения в горах по поводу их хозяина? На нашей голосовой почте есть от них сообщение.

Мужчины замолчали. Мы с Датчем оба посмотрели туда, где вдалеке лаяла собака. Датч ответил на этот лай, подняв лапу и пометив столб.

– Они сообщили, как его зовут? – спросил наконец Тэйлор.

– Нет, женщина, оставившая это сообщение, просто сказала, что поняла, что ты хочешь получить его контактную информацию и что ей надо узнать, зачем эта информация тебе нужна. И я, Тэйлор, тоже хотел бы узнать зачем.

– Потому что это не наши собаки! Мы должны их вернуть.

– Если бы он хотел получить их обратно, разве бы он не позвонил? Ведь прошло уже столько времени!

– Я не знаю, почему он не позвонил. Именно об этом я и хочу его спросить. Ты просто не хочешь смотреть правде в глаза. Мы не можем оставить этих собак себе.

Гэвин резко повернулся и зашагал прочь. Датч, чтобы не отстать,

потрусил за ним, недоуменно поглядывая на Тэйлора и меня. Мы остановились. Я села, не понимая, в чем дело.

– Гэвин! – позвал Тэйлор.

Но Гэвин продолжал идти.

* * *

Вскоре после этого случая мужчины погрузили свои вещи в машину и поехали в «хижину». Я сразу же поняла, куда мы приехали – в тот самый маленький дом, где нас с Датчем покормили после того, как мы выкопали из-под снега человека Датча. Когда мы только что прибыли, Датч так разволновался, что весь задрожал, но, побегав по двору, он внезапно остановился. Он, конечно же, пометил некоторые места, но сделал это без особого энтузиазма. Он знал, что его человека здесь нет.

В хижине, мы были гораздо ближе к Лукасу, я это чувствовала. Я обошла вокруг забора, ища горку, но горки здесь не было, а сам забор был слишком высок, чтобы через него можно было перемахнуть.

В первый вечер в хижине нас с Датчем выпустили во двор, чтобы мы сделали «Делай Свои Дела», перед тем как мужчины улягутся спать. Датч поднял лапу несколько раз, я же присела только один раз, после чего подошла к углу забора и подняла нос, взволнованная знакомым запахом.

Большая Киска была где-то недалеко.

Обнадеженная, я начала ждать, но она не подошла ближе. В конце концов я вспомнила, что Мама-Кошка всегда приближалась к Лукасу, но никогда не давала ему себя потрогать. И я поняла, что Большая Киска не придет повидать меня, пока рядом со мной есть люди. Даже такая огромная кошка, как Большая Киска, могла бояться людей; дело просто в том, что некоторым кошкам они внушают страх.

Мы уже вернулись в дом, когда произошло что-то, заставившее Гэвина резко встревожиться – это почувствовали и я, и Датч. Он, забеспокоившись, подошел к Гэвину, и тот погладил его уши.

– Все в порядке, Датч, – тихо сказал он. – Тэйлор сейчас разговаривает с твоим хозяином.

Тэйлор держал в руке телефон и говорил. Закончив разговор, он вышел и принес Гэвину стакан с резко пахнущей жидкостью.

– Ну что? – спросил Гэвин.

– Кёрш не мог подойти к телефону. Я говорил с его сестрой.

– Погоди, Кёрш?

- Видимо, так его зовут.
 - Стало быть, его имя рифмуется с «ёрш»?
 - Да.
 - Ну и имечко!
 - Ладно, ладно, я чувствую, как все твои глубокие познания в английском языке и литературе восстают против такого нелепого имени, но я не виноват, что его зовут именно так.
 - Подумать только, Кёрш!
 - Я знаю, Гэвин, знаю.
 - У меня в голове не укладывается, что нам придется отдать наших собак парню, которого окрестили Кёрш.
 - наших собак? Но ты прав, это явно самое дурацкое имя в истории.
 - И что тебе сказала сестра этого Кёрша? Кстати, как ее имечко? Фекалия? Корпускула?
 - Нет, приготовься к неожиданности – ее зовут просто Сюзан.
 - Стало быть, своего сына они окрестили Кёршем, а дочь назвали Сюзан?
 - Этот парень здорово покалечен, – продолжал Тэйлор. – Похоже, у него переломаны все кости. Так что он сидит на болеутоляющих. Его сестра удивилась, узнав, по какому поводу я звоню. Она понятия не имела, что у него есть собаки.
 - Дружная семейка.
 - У меня сложилось такое впечатление, что Кёрш для нее не любимый брат, а обуза.
 - Ну, и когда мы отвезем их этому Кёршу?
 - Я сказал ей, что мы привезем их на следующей неделе.
 - Я буду очень по ним тосковать, Тэйлор. Отдать их – это будет самое трудное из всего того, что мне доводилось делать в жизни.
 - Я тебя понимаю. Но это же не наши собаки.
 - Может быть, он согласится нам их продать.
 - Это будет плохая идея, – мягко сказал Тэйлор. – Куда, по-твоему, мы их денем, когда поедем в Китай?
- Датч испустил такой тяжелый вздох, который может издать только собака, которой ужасно скучно. Это напомнило мне о моей собственной усталости, и я свернулась клубком на моей подстилке.
- Мы могли бы найти дом, где они сумели бы пожить, пока нас не будет, – сказал Гэвин.
 - Целые полгода? Ты что, хочешь, чтобы они остались с чужими людьми так надолго?

– Да, ты прав. Просто... Я чувствую, что Датч наконец начинает малопомалу принимать нас с тобой. Жаль, что ты не видел, как он скучал по тебе, когда ты был в отъезде.

– Но ты же не пускал эту собаку в кровать, верно? – спросил Тэйлор.

– Конечно, нет. Я пускал в кровать не эту, а другую собаку. – Гэвин вздохнул. – Ладно, видно, ничего тут не поделаешь. Итак, во вторник?

– Хорошо, во вторник.

– Во вторник, Белла, – грустно сказал Гэвин. – Во вторник мы отвезем вас к вашему хозяину!

Глава 17

Что-то изменилось. Поменялись правила нашей жизни. Раньше Тэйлор не хотел, чтобы мы с Датчем залезали на диван, а Гэвину это нравилось. Так что мы оба поняли, что когда Гэвин был в доме один, мы могли спокойно лежать на диванных подушках, но когда приходил Тэйлор, он хлопал в ладоши и кричал: «Брысь!» Я знала, что это значит – мы должны были немедленно спрыгнуть на пол, но Датчу, похоже, всегда казалось, что Тэйлор говорит не всерьез, и он продолжал лежать на диване, пока Тэйлор не стаскивал его вниз. После этого Датч брел туда, где на подстилке уже лежала я, печально обнюхивал меня, после чего решал, где ему свалиться на пол и тяжело вздохнуть.

Если, когда Тэйлор откуда-то приходил, мы с Датчем лежали на диване, я всегда виновато вздрагивала, но мне каждый раз бывало лень спрыгивать на пол, пока он не командовал нам: «Брысь!»

Но вдруг все изменилось. Тэйлор и Гэвин вместе сидели на диване, и тут Тэйлор подозвал Датча и одновременно похлопал по ближайшей диванной подушке. Явно не осознавая, какой колоссальный поворот сейчас произошел, Датч подошел к дивану, не колеблясь запрыгнул на него, лег и положил голову на колени Гэвина.

– Иди сюда и ты, девочка, – сказал Гэвин. – Ко мне, Белла! Ко мне!

В самом деле?

Я умудрилась свернуться клубком рядом с Тэйлором, хотя там и было тесновато. Интересно, что мы все теперь будем делать?

Обоим мужчинам было грустно. Я чувствовала это по тому, как они гладили мою шерсть.

– Это будет труднее всего, что я делал до сих пор, – тихо сказал Гэвин и вздохнул.

– Но мы же с тобой знали, что они останутся у нас только на время.

– Думаю, в душе я просто не позволял себе по-настоящему это признать.

– Они тоскуют по своему хозяину, – мягко сказал Тэйлор. – Особенно Датч. Они хотят быть с этим парнем по имени Кёрш.

После этой реплики глаза Датча вдруг загорелись, как будто он в ней понял что-то такое, чего не поняла я, что, конечно же, было невозможно.

– Я знаю, – сказал Гэвин.

– Я мог бы на пару дней отложить свою поездку в Сиэтл.

– С твоей стороны очень мило это предложить, но я же знаю, что тебе нужно в Сиэтл. Не беспокойся, со мной будет все путем.

– Это будет странно – возвращаешься домой, а тебя здесь не встречает пара здоровенных собак.

– У меня такое чувство, будто часть меня умирает. Хорошо, что мы уедем в Китай и переменим обстановку. Там я не буду так по ним тосковать.

Заведенный порядок изменился, и вечером. Тэйлор позвал нас с Датчем к ним обоим на кровать. Мы попытались заснуть, но нам было слишком жарко, и мы оба очень скоро после того, как нас пригласили на кровать, спрыгнули обратно на пол.

Людей вообще трудно понять, они то создают правила, то изменяют их. Я была рада, что теперь нам с Датчем можно было спать на диване, но меня огорчало, что Гэвин и Тэйлор так грустят, когда мы это делаем.

На следующее утро Тэйлор уехал вместе со своим чемоданом. А Гэвин покормил нас завтраком, в котором был бекон! Потом он повел нас на долгую, долгую прогулку, держа нас на поводках. Датч оставлял свои метки везде, и Гэвин каждый раз терпеливо ждал, когда он закончит. Это была самая неспешная прогулка, на которую мы с Датчем когда-либо выходили.

Гэвину было так грустно, что я подумала, что ему следовало бы прилечь, чтобы я смогла прижаться к нему и сделать свою работу, подарив ему успокоение. Но вместо этого он сначала подошел к лежащему на диване Датчу, потом ко мне на моей подстилке, крепко обнял каждого из нас и долго не отпускал.

– Мне будет так вас не хватать, – шепнул он мне. Я завиляла хвостом и облизала его лицо. Оно было мокрое и соленое. Я не понимала, что означают все эти перемены в поведении людей, но у меня было такое чувство, словно скоро должно произойти что-то плохое.

– Ну ладно, ребятки, пора идти, – вздохнул Гэвин.

Мы поедем на машине! Датч сел на переднее сиденье, а я устроилась на заднем. Гэвин приоткрыл окна, чтобы мы с Датчем могли высунуть в щели свои носы и понюхать ветер, и мы по очереди чихали. Гэвин все время гладил Датча одной рукой.

И тут внезапно Датч напрягся. Я посмотрела на него, чувствуя, как в нем нарастает волнение, хотя и не понимала почему. Он нервно зевнул, потом начал учащенно дышать, а когда Гэвин протянул к нему руку, лизнул ее. Датч начал вертеться на своем сиденье, потом принялся, не отрываясь, смотреть в окно, словно увидел белку. Я не видела ничего, но, следуя его примеру, тоже оживилась и насторожилась.

– Правильно, друзья, мы уже почти приехали, – грустно сказал Гэвин.

Когда мы остановились, Датч уперся в окно лапами и негромко, но взволнованно заскулил. Он явно думал, что что-то происходит, но я не могла взять в толк, что именно. Когда Гэвин протянул руку, чтобы выпустить его из машины, Датч сразу же бросился к парадной двери маленького дома. Гэвин обошел машину, чтобы выпустить меня, и я выпрыгнула наружу, потягиваясь и встряхиваясь.

Какое странное место. Во дворе на сухой грязи, смешанной с клочками газет, стояли какие-то машины и пластиковые баки, которые я с интересом обнюхала и учуяла в некоторых из них что-то сладкое. Гэвин ненадолго остановился, я присела, чтобы сделать «Делай Свои Дела», и стала смотреть, как Датч, виляя хвостом, бегаёт кругами перед дверью дома.

– Да тут просто помойка! – тихо пробормотал Гэвин.

Я пошла за ним туда, где нас с таким возбужденным видом ждал Датч. Где мы? Что мы тут делаем? Гэвин постучал в дверь и стал ждать. Датч положил лапу на его колено.

– Все в порядке, Датч, – попытался успокоить его Гэвин. – Эй! Тут кто-нибудь есть? – позвал он.

Он толкнул дверь, и она приоткрылась.

– Кёрш! Вы здесь?

– Я в конце коридора! – закричал какой-то мужчина из глубины дома.

Датч толкнул носом дверь и, протиснувшись мимо нас, бросился в дом.

– Вот ты и дома, Белла, – сказал мне Гэвин.

– О черт! Слезь с меня, Датч! – закричал мужской голос с другого конца коридора.

В доме было темно. На полу и мебели лежали носки, рубашки, газеты и коробки с остатками еды, которые я обнюхала с любопытством. Гэвин пошел туда, куда убежал Датч, и я последовала за ним.

– Кёрш! Вы там? – спросил Гэвин.

– Вы можете убраться с меня эту чертову собаку?

В задней комнате на кровати лежал мужчина, а на его груди стоял Датч, виляя хвостом и облизывая его лицо. На мужчине были тяжелые жесткие белые брюки, верхнюю часть одной его руки и половину груди покрывал такой же негнувшийся белый материал, а одна его ладонь была обмотана белой тканью. От него шел кислый запах застарелого пота, и все же я была уверена, что видела и обоняла его и прежде.

– Датч! Лежать! – скомандовал Гэвин.

Датч с явной неохотой соскочил на пол. По-видимому, он полагал, что

изменение правил, которое произвел Тэйлор, относится к каждой кровати, которая нам попадется.

– Господи, какая же ты глупая собака, – сказал мужчина на кровати. – Ты что, пытаешься снова уложить меня в больницу?

Датч выполнил «Сидеть», пожирая глазами кисло пахнущего мужчину. Гэвин огляделся по сторонам.

– Меня зовут Гэвин, – сказал он наконец. Я подошла к стулу, на котором стояла тарелка с недоеденным сэндвичем и понюхала его. Интересно, правила этого странного дома позволяют мне немножко откусить от него? – Я разговаривал с вашей сестрой.

– Угу, она говорила, что вы, возможно, приедете, – охнув, проворчал мужчина.

– Это мы с моим мужем откопали вас из-под снега.

– Я ничего этого не помню. – Мужчина взмахнул обернутой в белую ткань рукой.

– А, ну да. Я рад вас видеть, ведь мы с мужем даже не были уверены, что вы останетесь живы.

– Да, конечно. Я выкарабкался, но с большим трудом. У меня целых одиннадцать долбанных переломов, черт бы подрал эту лавину! А тут еще и моя чертова сестрица вчера вечером бросила меня здесь одного, сказав, что ей, дескать, «нужно передохнуть». И что же это, скажите на милость, за семья? Как будто я в моем нынешнем состоянии могу позаботиться о себе сам!

Датч по-прежнему сидел, пожирая глазами кисло пахнущего мужчину в кровати. Я с таким же сосредоточенным вниманием смотрела на сэндвич.

– Мне очень жаль слышать, что вам приходится так туго.

– Она думает только о себе.

– А.

Какое-то время мужчины молчали. В конце концов я потеряла надежду, что кто-нибудь предложит мне этот сэндвич, и, вздохнув, улеглась на пол.

– Но как бы то ни было, я привез вам ваших собак.

– Ну да. Привет, Датч. Мужчина опустил обернутую белой тканью руку и положил ее на голову Датча. Пес прижался к его руке, полузакрыв глаза, и в это мгновение я почувствовала такую острую тоску по Лукасу, какой не испытывала уже давно. Я встала, желая выйти отсюда и вернуться в горы, на тропу. И сделать «Иди Домой». – Погодите-ка, – сказал вдруг мужчина в кровати. – Вы сказали собак. Собак?

– Да, я сказал, что привез вам ваших собак, – говоря ровным тоном,

согласился Гэвин. Я услышала в его голосе нарастающее раздражение.

– Вон та собака вовсе не моя.

Гэвин уставился на меня, а я на него. Может быть, мы опять поедem на машине? Но он опять повернулся к мужчине в кровати.

– Не ваша? – потрясенно повторил он.

– Вот именно, я никогда ее прежде не видел, – безапелляционно заявил он.

– Но... Она была с Датчем, когда мы добрались до вас. Они оба раскапывали снег, чтобы спасти вас. Так мы вас и нашли.

– Надо же. Наверное, это было совпадение. – Мужчина попытался пожать плечами и сморщился.

– Что? Совпадение?.. Значит, Белла не ваша собака?

Я немножко повиляла хвостом, слыша, как часто они произносят мое имя. И с надеждой посмотрела на сэндвич.

– Не-а.

Последовало долгое молчание.

– Я не понимаю, – сказал наконец Гэвин. – Я думал завезти вам ваших собак, обеих ваших собак. Нам никогда и в голову не приходило, что одна из них вам не принадлежит.

– Завезти их мне? Какого черта вы хотите этим сказать? – спросил мужчина.

Гэвин заморгал.

– Ну... мы... неужели вы хотите сказать, что не хотите забрать вашу собаку?

– Я что, выгляжу сейчас так, словно я в состоянии позаботиться о псе, в котором сотня фунтов веса? Я даже не могу сам есть. И, чтобы просто добраться до ванной и пописать, мне нужен целый час.

– Что вы хотите этим сказать?

– Вам что, непонятно, что большая часть моего долбаного тела загипсована? Я же попал под долбаную лавину!

– Это потому, что вы катались на лыжах в запретной зоне! Там же кругом запрещающие знаки! – Гэвин кричал, и я подошла к нему и ткнула носом в его руку.

– Ну, конечно! Давайте, обвиняйте самого пострадавшего! Всем на меня плевать. В следующем месяце мне придется перебраться к моему братцу и его вертихвостке-жене. Вы себе даже представить не можете, каково это. Они живут в долбаной Оклахоме. И ходят в церковь каждое долбаное воскресенье. А что, если я типа скажу: – Какого черта, не пойду я ни в какую церковь, потому как у меня похмелье? Тогда мой собственный

родной брат сразу же скажет мне, чтобы я сматывал удочки. Потому что он, чтоб ему пусто было, у жены под каблуком.

– Стало быть, вы хотите мне сказать, – тихо и зло произнес Гэвин, – что отказываетесь от всякой ответственности?

– Слушай, это ты перекладываешь ее на меня, пытаюсь повесить на меня двух здоровенных собак.

– Мы с мужем скоро на полгода уезжаем в Китай. У нас не будет возможности позаботиться о Датче. Он же ваш пес. Я, конечно, придумаю, что делать с Беллой, но Датчу место здесь, с вами.

Мужчина вздохнул. Датч почесал себя за ухом, потом внезапно оживился, заметив сандвич. Он посмотрел сначала на меня, потом на мужчину в кровати, потом на Гэвина. По его морде я видела, что раз ему хочется съесть этот сандвич, он считает себя плохой собакой, но в остальном я понятия не имела, о чем он сейчас думает и что вообще происходит. Я знала одно – Гэвин и мужчина в кровати злились друг на друга все больше и больше, их голоса звучали все напряженнее, на лицах блестел пот.

– Я думал, вы не можете взять с собой собаку потому, что едете в Китай, но здесь вы малость лицемерите, что, разве не так? Сдается мне, что как бы вы ни уладили дело с Беллой, вы можете точно так же уладить его и с Датчем. Вы и ваш муж. – Мужчина презрительно усмехнулся.

Гэвин стоял совершенно неподвижно.

– Я сказал, что не понимаю вас, но я ошибался. Я понимаю вас очень, очень хорошо, Кёрш. Пойдем отсюда, Белла, Датч, пойдем.

Датч, забыв про сандвич, уставился на Гэвина. Затем посмотрел на мужчину в кровати.

– Давай, Датч, иди. Убирайся отсюда к чертям, от твоего вида я начинаю чувствовать себя виноватым, но на самом деле моей вины тут нет. Иди вон! – резко сказал мужчина.

Я прошла за Гэвином по коридору и вышла вслед за ним в дверь. Датч плелся далеко за нами, то и дело оборачиваясь и явно желая остаться в этом странном темном доме. Сердитый мужчина в кровати был человеком Датча. Но этот человек был в ярости и больше не любил Датча.

Датч был совершенно сбит с толку. Когда мы сели в машину, Гэвин обнял его. Я чужая соленый запах слез на щеках Гэвина, но не могла подарить ему успокоения, потому что находилась на заднем сиденье.

– Мне так жаль тебя, Датч. Это было ужасно. Но я клянусь, что люблю тебя. Теперь мы с Тэйлором станем твоей семьей, и мы о тебе позаботимся. Гэвин достал из кармана квадратный кусок ткани и вытер им лицо. Он

протянул руку ко мне поверх спинки своего сиденья, и я лизнула ее. – И о тебе, Белла. Тебя я тоже люблю, и мы все будем жить как одна семья.

По дороге домой Датч ни разу не высунул нос в окно.

* * *

Тем вечером мы с Датчем лежали на диване вместе с Гэвином, пока он держал у лица телефон. После того как мы вернулись из странного дома с сэндвичем, Датч то и дело тыкался носом в руку Гэвина, и он каждый раз гладил его и ласково с ним говорил.

– Все прошло просто жутко. Этот малый полнейший засранец, – сказал Гэвин. В его голосе снова звучала злость. – Ему плевать на Датча. Он обращался со своим собственным псом как с куском дерьма. Он вел себя так, будто его раздражает тот факт, что мы выкопали его из-под снега. И должен сказать тебе, что теперь я иначе оцениваю то, что мы тогда сделали. Человечество бы только выиграло, если бы мы подождали до весны. – Гэвин почесал уши Датча. – Да, это самое странное. Нет, я понятия не имею, что там делала Белла. Если ее послал туда Бог, то он явно совершил это чудо зря.

Услышав свое имя, я лениво посмотрела на Гэвина.

– Разумеется, мы поедем в Китай. Нет, я еще не знаю, что делать с собаками. Я все еще над этим работаю.

Потом Гэвин надолго замолчал.

– Спасибо, – сказал он наконец сдавленным голосом. – Я так благодарен тебе за эти слова, Тэйлор. Я понимаю, что вся эта ситуация дается тебе тяжелее, чем мне, и то, что ты готов сделать все, чего захочу я... это очень много для меня значит.

Спустя некоторое время Гэвин опустил телефон и промокнул глаза все тем же кусочком ткани, вынутым из кармана.

– Я вам вот что скажу, друзья, – обратился он к нам. – Перед нами всеми стоит большущая проблема.

* * *

На следующее утро Датч соскочил с кровати и подбежал к двери с необычным для него энтузиазмом и стоял перед ней с явным нетерпением, пока Гэвин пристегивал к нашим ошейникам поводки. Затем Датч выбежал

наружу и потащил нас обоих к машине.

– Нет, Датч. Мы идем гулять и не поедem на машине. Мы не вернемся в тот дом.

Мы неторопливо гуляли по тротуару, и Датч оставлял свои метки поверх запахов других самцов. И тут впереди я заметила кошку! Грузная и черная, она, не спеша, шла по двору перед одним из домов. Мне захотелось поприветствовать ее, и я натянула поводок, что привлекло внимание Датча.

Кошка и Датч увидели друг друга одновременно. Гэвин в это время стоял, нагнувшись, потому что Датч только что сделал «Делай Свои Дела», и Гэвин собирал его помет в пакет. Датч ринулся вперед, и я присоединилась к нему, несясь во весь опор, чтобы поприветствовать эту кошку.

– Эй! – крикнул Гэвин, спотыкаясь на бегу. – Стойте! Нельзя!

Я знала слово «Нельзя» и тут же остановилась, глядя на Гэвина, чтобы понять, что же я сделала плохого. А вот Датч был так зациклен на кошке, что не услышал команды. Гэвин вдруг упал, сильно дернув за мой поводок и уронив поводок Датча.

Датч продолжал мчаться за кошкой со всех ног, в то время как я выполнила «Сидеть» как хорошая собака.

– Датч! Нельзя! – крикнул ему Гэвин.

Кошка вдруг замерла, глядя на приближающегося к ней Датча. Я думала, что она сейчас выгнет спину и когтями полоснет Датча по носу, но вместо этого она бросилась к ближайшему дереву, прыгнула на его ствол, взлетела по нему вверх и оказалась в ветвях, словно белка.

Я думала, Большая Киска – это единственная кошка, которая умеет лазать по деревьям, потому что никогда раньше не видела, чтобы на деревья взбирались другие кошки. Датч был озадачен еще больше, чем я, – он подбежал к дереву, уперся в него своими передними лапами, посмотрел вверх и залаял.

Я была хорошей собакой и выполняла «Не Лай».

– Пойдем, Белла, ты хорошая собака, – похвалил меня Гэвин, но не дал мне лакомства, хотя их у него на поясе был целый пакет.

Датч неотрывно смотрел на кошку, а она – на него.

– Датч! Ко мне! – крикнул Гэвин.

Датч посмотрел на нас бешеными глазами, словно забыв обо всем, кроме охоты.

– Ко мне, Датч! – повторил Гэвин.

И тут выражение морды Датча изменилось. Его уши опустились, глаза сузились, он явно что-то прикидывал в уме.

– Датч! – повторил Гэвин, и в тоне его зазвучало предостережение.
Датч повернулся к нам спиной и пошел прочь. Он вел себя как плохая собака!

– Ко мне, Датч! Ко мне! – крикнул Гэвин.
Датч перешел с шага на бег и понесся прочь.

Глава 18

Мы с Гэвином вернулись к дому бегом, тут же сели в машину, и я устроилась на переднем сиденье. Гэвин опустил вниз стекло моего окна, и я высунула наружу голову, упиваясь разнообразием запахов.

Окно Гэвина было открыто полностью.

– Датч! Датч! – звал он.

Мы ездили по улицам то туда, то сюда. Я не понимала, в чем суть этой игры. Иногда мы явно ехали по следу Датча, а иногда его следы вели в обратную сторону. Гэвин был расстроен.

– Я знаю, что ты никогда вот так не убежишь от меня, Белла, – сказал он мне. Я завиляла хвостом.

Я выполняла «Не Лай», но Гэвин был так встревожен, а Датч вел себя как такая плохая собака, что, когда мы опять напали на его след, я не выдержала и залаяла из окна. Гэвин остановил машину, и мы увидели Датча, трусящего между домами!

– Вот ты и попался! – торжествующе сказал Гэвин. Машина резко свернула за угол, и меня прижало к спинке сиденья.

Датч трусил впереди, за ним по земле волочился его поводок. Он бежал, низко склонив голову и опустив хвост, и я сразу же поняла, в чем дело: он делал свою собственную версию «Иди Домой». Он пытался вернуться в тот темный дом с сэндвичем на стуле и мужчиной в толстых жестких брюках.

Гэвин подъехал к Датчу, и тот резко поднял голову, учуяв меня.

– Датч! – строго сказал Гэвин.

Машина остановилась. Датч припал к самой земле, кончик его хвоста заходил ходуном, глаза часто заморгали. Гэвин вылез из машины.

– Ко мне, Датч, – тихо скомандовал он.

Датч почти пополз к нему, явно чувствуя себя самой плохой из всех собак.

– Теперь я твой папочка, Датч. Ты меня понимаешь? – Гэвин опустил на колени и обнял Датча. – Твой дом больше не там. Теперь твой дом с нами. Ты, я, Тэйлор и Белла – мы все одна семья.

Он держал Датча в объятиях и укачивал его, и я поняла, что он делает.

Гэвин дарил Датчу успокоение.

В следующие несколько дней Гэвин уделял нам с Датчем много внимания, часто давал нам лакомства, часто обнимал, и я чувствовала, что грусть Датча медленно-медленно, понемножку проходит.

– Думаю, он начинает привыкать к мысли о том, что теперь он наш, – сказал мне Гэвин, держа у лица телефон. – У меня создалось такое впечатление, что, вернувшись со мной в машину, он сделал свой выбор. Теперь это наши собаки, Тэйлор, наши и в радости, и в горе. – Гэвин немного помолчал, потом усмехнулся: – Ладно, ладно, просто посмотри на это с другой стороны – если они действительно вытрут ворс с дивана, ты сможешь купить новый, и тогда тебе, вероятно, захочется приобрести еще и новые стулья, и новый журнальный столик. Только не делай вид, будто такая перспектива тебя не радует! – Он снова ненадолго замолчал, почесывая ногами Датча, который лежал, растянувшись, на другом конце дивана. Датч довольно вздохнул.

– Да, конечно. Насчет нашей поездки в Китай. Я тут над этим думал, и кажется кое-что пришло мне в голову. Но прежде чем я изложу тебе свое предложение, обещаю тебе отнестись к нему непредвзято. В общем, так. – Гэвин сделал глубокий вдох и выдох. – Что ты скажешь насчет Сильвии?

Гэвин долго-долго молчал, потом заговорил со мной снова.

– Да, конечно, я со всем этим согласен. Но разве у нас есть выбор? Я не могу пойти на то, чтобы оставить их в гостинице для собак на целые полгода. – Он опять ненадолго замолчал. – погоди, погоди, неужели ты всерьез возражаешь против того, чтобы оставить собак у моей мамули только потому, что тебе не по вкусу убранство ее дома? – Гэвин рассмеялся. – О, видел бы ты берлогу этого типа Кёрша! У него перед домом было полно всякого хлама: там валялись снегоход, газонокосилка и один бог знает, что еще, а в самом доме он развел такой свинарник! Вот-вот. Ну, до жестокого обращения с животным это недотягивало, но находилось где-то близко. Ладно, понял. Да, я пытаюсь забыть эту помойку. Ну, так как тебе мое предложение? Да, это, конечно, не идеальный вариант, но нам нужен не идеал, а практичность. Спасибо, Тэйлор. Я позвоню маме завтра. Гэвин положил телефон на диван, и я зевнула.

– Знаете, друзья, – сказал он нам, – у вас скоро начнется весьма интересная жизнь.

Несколько дней спустя, после того как Тэйлор вернулся домой со своим чемоданом, он и Гэвин посадили нас в машину, и мы отправились в долгую-долгую поездку. Мы ехали так долго, что и мне, и Датчу надоело принюхиваться к ветру за окнами, и тогда мужчины подняли стекла, а мы с Датчем легли на заднее сиденье, кое-как растянувшись друг на друге.

Но спустя некоторое время я снова села, внезапно осознав, что в воздухе произошла важная перемена. С тех самых пор, как люди начали увозить меня прочь от Лукаса, я продолжала чувствовать не только его самого, но и чуяла особое сочетание запахов того места, где мы жили, запахов моего города. Это сочетание запахов витало в воздухе, и я могла отличить его от других запахов, от того, как пахли другие города. Но куда бы мы ни ехали, сейчас мы находились так далеко от моего города, что его запахи слабели, слабели, и в конце концов я перестала их ощущать.

Я утратила запах моего дома.

Воздух был сух и пылен, я чуяла запахи каких-то больших животных и открытой воды – и больше ничего. Я не знала, сумею ли я теперь выполнить «Иди Домой».

Мы остановились, чтобы я и Датч сделали «Делай Свои Дела». Тэйлор держал мой поводок, а Гэвин – поводок Датча.

– Не могу сказать, что это мое любимое место, – сказал Тэйлор Гэвину.

– Это твое худшее настроение или только прелюдия к тому еще более плохому настроению, в котором ты пробудешь все время, пока мы будем у нее? – спросил Гэвин.

– А какие вообще производства есть в Фармингтоне? Производство навоза?

– В основном здесь добывают уголь и газ. У этих мест есть свой шарм. Тебе понравятся здешние реки.

– Ну да, шарм. Именно этого слова мне и не хватало.

Мы все залезли обратно в машину. Хотя мне очень нравилось ездить в машине, я надеялась, что теперь мы повернем и вернемся назад, в дом Гэвина и Тэйлора или в хижину.

– Ладно уж, – угрюмо сказал Тэйлор. – Поедем повидаем Сильвию.

Мы ехали дальше, Гэвин и Тэйлор беспокоились все больше и то и дело касались друг друга, чтобы успокоиться. Их настроение подействовало на Датча и меня, и мы начали переползать на заднем сиденье с места на место и в конце концов уткнулись носами в окна.

Наконец машина остановилась, и мы выпрыгнули на двор перед домом, почти всю поверхность которого покрывал цемент. Датч поставил свою метку на единственном здесь дереве. Дверь дома открылась, и я

увидела на пороге женщину.

– Привет, мамуля, – приветствовал ее Гэвин. Я посмотрела на него, гадая, почему он произнес имя «Мамуля». Но люди такое делают, они то и дело упоминают имена других людей, и собакам этого не понять. Гэвин и Тэйлор также время от времени говорили о Чуваке, одном из двух пареньков, которые кормили меня соленым мясом и покатали на машине. Гэвин подошел к двери и поцеловал женщину в лицо.

– Привет, Сильвия, – сказал Тэйлор из-за задней части машины. Он достал оттуда свой чемодан – ему явно нравилось таскать с собой эту штуку.

– Я давно вас не видела, мальчики, – сказала женщина и кашлянула. Позже мы узнали, что женщину зовут Сильвия и у нее есть кошка по имени Хлоя. Воздух в доме был сухим и пах дымом, а большая часть окон была закрыта одеялами, так что в комнатах было сумрачно. Датч все вокруг обнюхал, взволнованный перспективой погонять кошку.

Задний двор был обнесен высоким дощатым забором. Там мало что росло, только у задней части вели борьбу с недостатком воды чахлые, редкие травы и кусты. Большую часть двора занимал бассейн – так люди называют маленький пруд, полный прозрачной воды, у которой резкие запах и вкус. Именно в этом дворе мы и увидели кошку в первый раз.

Датч очень интересовался Хлоей и каждый раз, завидев ее, бросался в ее сторону, дергая за поводок. Но Гэвин и Тэйлор оба очень громко кричали: «Нельзя!», и от их гнева Датч весь сжимался, прижимал уши к голове и одновременно вилял хвостом.

– Нельзя досаждать Хлое, Датч, – строго сказал Гэвин. – Нельзя.

У меня создалось впечатление, что Датч был озадачен тем, что с ним говорят так сурово в то время, как прямо перед ним маячит кошка, которую надо погонять.

Хлоя тем временем выгнула спину, ее хвост распушился, и она, оскалив зубы, уставилась на Датча.

Одни кошки любят играть, а другие – нет, и Хлоя не любила. Я решила просто не обращать на нее внимания.

– Хлоя может о себе позаботиться, не то что Майк. Но когда у нее бывают котята, то вам, собаки, лучше вести себя примерно, – раздраженно сказала Сильвия. Когда она говорила, у нее изо рта шел дым, и потом я узнала, что горящая штука в ее руке называется «сигарета».

Люди уселись на стулья, стоящие вокруг бассейна. Сильвия пила из высокого стакана, полного льда, а Тэйлор и Гэвин держали в руках бокалы с темно-коричневой жидкостью. Ото всех них пахло похоже.

- Как ты сейчас сказала – не то что Майк? – спросил Тэйлор. – Майк?
- Когда я пылесосила, он всегда забивался под кровать.
- Что-то я не понял, – сказал Тэйлор. – Разве Майк – это не твой любовник/партнер? – спросил он Сильвию.
- Нет, я имею в виду Майка-кота. Другого Майка. А тот Майк – это уже история, – категорично сказала Сильвия, взмахнув своей сигаретой. – Туда ему и дорога.
- Да? А что случилось с твоим Майком, мамуля? – спросил Гэвин.
- Его задавила машина.
- Что? – ошарашенно выпалил Тэйлор.
- Да нет, мамуля, я знаю, что случилось с твоим котом, – смеясь, сказал Гэвин. – Я спросил тебя про Майка-человека. Вы вроде бы поговаривали о свадьбе.
- Он алкоголик, – сказала Сильвия, отпив большой глоток из своего стакана. Тэйлор и Гэвин переглянулись. – И притом не из тех, которые, выпив, добреют. Он, когда напьется, становится злым.
- Датч улегся, тяжело вздохнув, – он был расстроен тем, что прямо перед нами сидела Хлоя и спокойно вылизывала лапу.
- Сильвия, мы очень тебе благодарны, за то, что ты согласилась позаботиться о Белле и Датче, – после долгого молчания сказал Тэйлор. Мы с Датчем оба подняли головы, услышав наши имена. Показав нам, что не мы, а она здесь хозяйка, Хлоя, важно шествуя, удалилась.
- Я не против. Я знавала вещи и похуже. Гэвин, помнишь, что было, когда твоя сестра привела с собой в дом ту банду байкеров? – спросила Сильвия, обращаясь к Гэвину.
- Я не уверен, что там действительно была целая банда, – мягко сказал Гэвин.
- Сначала в дом является ее бойфренд, – сказала Сильвия, обращаясь к Тэйлору. – Причем вроде бы только на время, поскольку его трейлер взорвался, и слава богу, ведь с трейлером пропали и все улики, потом к нему заявляется его двоюродный брат и не знаю, кто еще, и у всех них было по миллиону татуировок. Майк все это время был так перепуган, что не вылезал из-под кровати, и в конце концов я сказала им: я вызову копов, и тогда вся компания тут же съехала, после чего твоя сестра не разговаривала со мной полгода, а потом позвонила откуда-то из Канады и спросила, не приемная ли она.
- Тэйлор встал.
- Кому-нибудь налить еще?
- По-моему, мамуля, чтобы называться бандой байкеров, хотя бы

одному из них надо бы было иметь мотоцикл, – сказал Гэвин, протягивая свой бокал Тэйлору.

– А мне это по барабану, так что как скажешь, – Сильвия пожала плечами. – И вообще, я не говорю по-испански.

На следующее утро Гэвин и Тэйлор встали сразу после того, как рассвело, и погрузили свой чемодан в машину, так что я подумала, что мы уезжаем. Но вышло иначе. Они сели у бассейна вместе со мной и Датчем, и Тэйлор сказал нам:

– Друзья, я знаю, это будет нелегко, но нам надо на время уехать. Нас не будет всего полгода, но нам будет ужасно вас недоставать. Мы вернемся осенью.

– Я люблю вас обоих, – прошептал Гэвин. Он обнял Датча, и тот прижался к его груди.

Я не понимала слов, но его тон напомнил мне последний раз, когда я видела Лукаса, и мне показалось, что я поняла, что происходит. Оба мужчины поцеловали и приласкали меня, и Гэвин плакал, но, когда они направились к воротам, они не дали Датчу последовать за собой.

Я же даже не попыталась этого сделать. Я знала – они не возьмут нас с Датчем в свою машину.

Когда машина уехала и ее шум затих, Датч заплакал и, подняв лапу, стал царапать когтями по дощатым воротам. Я чувствовала, что ему плохо, но из своего опыта я уже поняла, что на людей можно полагаться не всегда. Они могут куда-то уехать, иногда надолго, или оставить своих собак на попечение других людей. Датч может сколько угодно плакать и царапать доски ворот, но этим он не вернет Гэвина и Тэйлора назад. Если они ему нужны, ему придется отправиться на их поиски, точно так же как я скоро отправлюсь домой, к моему Лукасу.

Я подумала о том случае, когда Датч увидел кошку и свалил Гэвина с ног, и Гэвин отпустил его поводок. Сильвия же была куда ниже и слабее Гэвина – и когда она отталкивала голову Датча от тарелки с едой, которую она ставила рядом со своим стулом, ей удавалось отодвинуть его лишь чуть-чуть. Так что я знала – когда мы пойдем с ней гулять, я смогу просто натянуть свой поводок и вырвать его из ее рук, и тогда я буду свободна.

Я больше не чувствовала, где находится Лукас, но я чувствовала, в каком направлении уехали Гэвин и Тэйлор. Я отправлюсь в этом же направлении, пока не почувую в воздухе того скопления запахов, которое присуще городу, в котором я жила с Лукасом.

Надо только подождать следующей прогулки. Я сделаю «Иди Домой», когда Сильвия в следующий раз поведет нас гулять.

Глава 19

Но Сильвия не выводила нас гулять. Мы делали «Делай Свои Дела» в зарослях чахлых кустов и растений у задней части забора, и она никогда не выпускала нас со двора. Датч, похоже, был не против – он подолгу сидел у ворот и терпеливо ждал. Когда он не караулил у ворот, он ложился в овальную тень под деревянным столом и лежал там, пока вокруг его пасти вились мухи.

Без прогулок и горки я не знала, что делать. Я чувствовала себя плохой собакой. Мне нужно было выполнить «Иди Домой», но я больше не знала, как это сделать.

Сильвия любила каждый день лежать на солнцепеке у бассейна. Она сосала свои сигареты, говорила, держа у щеки телефон, и пила из высокого стакана. У меня было мое собственное место под навесом. Кошка Хлоя редко появлялась во дворе днем, когда было жарко, а приходя, каждый раз подчеркнуто игнорировала Датча. Я оставила ее в покое, но вскоре стала замечать, что, шествуя по краю бассейна, она все более и более подолгу смотрит на меня. Поэтому я несколько не удивилась, когда она в конце концов подошла ко мне и понюхала мою морду. Я завиляла хвостом, но не стала пытаться с ней играть. Датч не сводил с Хлои глаз, но как-то раз, когда он поймал ее под стулом, она стукнула его лапой по носу, чего он, похоже, совсем не ожидал. Датч явно не понимал, что, хотя мы с ним и лучше кошек, разумнее всего просто оставить их в покое.

Когда солнце начинало двигаться по небу вниз, Сильвия просыпалась и заводила в дом нас с Датчем, но не Хлою, которая входила и выходила не как хорошая собака, а когда ей вздумается и нахально мяукала под дверью, когда хотела, чтобы ее впустили внутрь.

Другие люди приходили к Сильвии редко. Первым человеком, которого мы у нее увидели, был грузный низкорослый мужчина, от которого исходили запахи острой еды и еще более резкий запах дыма, чем от Сильвии. Мы с Датчем оба подбежали к парадной двери, когда Сильвия открыла ее.

– Привет, детка, – сказал мужчина, которого, как мы узнали позже, звали Майк. В руке у него были цветы.

Сильвия поставила цветы в вазу с водой, которая стояла на столе, так что они наполнили своим ароматом весь дом, а незадолго до захода солнца она и мужчина легли в кровать. Сильвия забыла покормить нас. Датч

принялся метаться по кухне, нюхая пол, снова и снова проверяя свою миску, я же просто свернулась клубком и приготовилась уснуть. Мне уже приходилось голодать. Датч ткнулся в меня носом, и я завиляла хвостом, но я ничего не могла сделать, чтобы он понял – все в конце концов образуется.

Датч теперь был в моей стае, и я чувствовала, что он мучается. Он тосковал по Гэвину и Тэйлору, а теперь ему еще и пришлось голодать, он никак не мог взять в толк, почему мы живем с Сильвией, и его раздражало, что ему приходится делить задний двор с кошкой.

Майку и Сильвии нравилось вести между собой громкие беседы. И злость, которую мы слышали в их голосах, пугала и Датча, и меня. Пока они громко и сердито разговаривали, мы обнюхивали друг друга, нервно звали и ходили туда-сюда.

Мы особенно испугались, когда Сильвия вдруг схватила свой стакан и швырнула его в стену. Стакан с громким звоном разбился, и по стене потекла жидкость, от которой шел резкий химический запах, запах Сильвии. Мы с Датчем опустили головы, чувствуя себя плохими собаками, и я увидела, как Хлоя со всех ног бросилась в другой конец коридора.

– Ты сказал мне, что все оплатил! – закричала Сильвия.

– Как я мог заплатить, если у меня не было бабла, глупая ты корова!

– Ты мне солгал!

– Просто чтобы ты заткнулась. Ты вечно болтаешь, Сильвия, ни на секунду не закрываешь своего поганого рта.

– Значит, теперь, раз кредит не оплачен, они придут и заберут у меня мою машину?

– Да на кой ляд им забирать себе такую паршивую рухлядь! – безапелляционно заявил Майк.

Я вспомнила, как какой-то мужчина приходил к Мамуле, и она рассердилась и ударила его, а потом он полз на карачках до самой двери. Эта ссора была еще более шумной, и я подумала, что Сильвия, возможно, тоже сейчас ударит Майка и заставит его уйти. Но вместо этого Майк поднял кулак и устремился к Сильвии. Послышался глухой звук, и Сильвия охнула. Потом она закричала, когда он толкнул ее на стол, и теперь уже увядшие цветы упали, а вода из вазы потекла на пол и намочила ковер.

Я полагала, что как хорошая собака должна выполнять «Не Лай», Датча же все происходящее настолько сбило с толку, что он сначала зарычал, а потом залаял. Майк схватил Сильвию за руки точно так же, как уползший из нашего дома на карачках мужчина схватил Мамулю.

– Перестань! – истошно закричала она.

Страх Сильвии и ярость Майка побудили меня к действию, и я тоже

залаяла, а Датч бросился к ним и щелкнул зубами у самых брюк Майка. Майк отпустил Сильвию и упал на спину, опрокинув стул. Мы с Датчем оба продолжали лаять.

– О черт! Убери от меня этих проклятых собак!

– Только попробуй ударить меня – увидишь, что они с тобой сделают. Только попробуй, – язвительно ответила Сильвия.

– Знаешь что? Мне все это ни к чему. И ты мне тоже не нужна, усекла?

Мы с Датчем не знали, что делать. Мы угрожали человеку, что было нам обоим в новинку. Мы оба перестали лаять, но Датч рычал, оскалив клыки, и мне показалось, что он может укусить этого мужчину.

– Я подам на тебя в суд и отсужу все, что у тебя есть, – сказал Майк.

– Да неужели? Что ж, попробуй, но тебе не обломится ни единого цента, потому что ты и так украл у меня все мои деньги!

– Я прикончу тебя, Белла, – пробормотал он и, пошатываясь, пошел к двери.

– Это Датч, debil.

Услышав свои имена, мы недоуменно посмотрели на Сильвию. Майк толкнул парадную дверь и, спотыкаясь, вышел во двор.

– Хорошие собаки, – похвалила нас Сильвия. Мы с облегчением завили хвостами и с благодарностью съели мясо из холодильника, которое она нам дала. Затем она начала ходить по дому, хватая одежду и другие предметы, пахнувшие Майком, потом открыла парадную дверь и выбросила все вещи за порог. Сильвия не забыла покормить нас, но вечером она упала в гостиной и проспала всю ночь рядом с креслом. Судя по ее запаху, она была больна, и я прижалась к ней, надеясь подарить ей хоть немного успокоения. Лежа рядом с ней, я думала о том, как я научилась делать «Иди Домой» и «Делай Свои Дела». Лукас тогда говорил и делал одно и то же много-много раз. Собака должна учиться, когда какая-то ситуация повторяется. И в этот день я поняла, что, когда мужчина плохо ведет себя с женщиной, он должен уйти. И еще я поняла, что, как это ни неприятно, хорошая собака должна рычать и кусаться, когда плохой мужчина обижает женщину.

Между тем Хлоя уже давно скрылась в комнате Сильвии и не выходила оттуда, и несколько дней спустя я выяснила, в чем дело – она лежала на своей подстилке, и к ней жались крошечные котята. В комнате витал исходящий от нее сильный запах молока. Датч, естественно, решил разведать, что произошло, и, тихонько войдя в комнату, подошел к кошачьей подстилке, держа хвост трубой и наострив уши. Но Хлоя так свирепо на него зашипела, что он счел, что лучше отойти от нее и котят

подальше. Однако когда к ним осторожно подошла я и стала обнюхивать новорожденных кисок, Хлоя никак не отреагировала, только смотрела на меня своими немигающими глазами. Эти котята были такими крошечными и издавали едва слышные звуки, прижимаясь к Хлое.

Их запах и запах молока, текущего из сосков Хлои, были мне так хорошо знакомы, что на меня сразу же нахлынули воспоминания о логове, в котором я жила с моими братиками и сестричками-котятами и моей Мамой-Кошкой. А потом меня забрал к себе Лукас, и я стала жить с ним и спать в его кровати, и мы с ним вместе ходили кормить кошек.

В это мгновение я почувствовала такую острую тоску по Лукасу, что вышла на задний двор и уселась у ворот. Мне было нужно, чтобы Лукас приехал и забрал меня с собой, хотя я больше не чувствовала, где он сейчас, и не могла учуять запахов города, в котором был мой дом. Некоторое время спустя Датч, похоже, понял, что я делаю, и, подойдя ко мне, сел рядом. Мы обнюхали друг друга, но не могли утешить друг друга, потому и во мне, и в нем зияла пустота, которую заполнить мог только человек. Мы оба выполняли «Сидеть», ведя себя как хорошие собаки.

Мы оба ждали людей, которые так и не пришли.

* * *

Когда маленькие котята начали носиться по двору, Датчу, конечно же, захотелось их погонять. Это расстроило Сильвию, и она накричала на Датча, а потом пристегнула к его ошейнику поводок, но не затем, чтобы вывести его погулять, а затем, чтобы привязать другой конец поводка к какой-нибудь штучке в заднем дворе, чтобы Датч не мог отойти далеко. Котята вскоре уяснили, что, когда Датч привязан к стулу, стоящему возле стола, они могут спокойно играть, знали они, и докуда Датч может дотянуться на своем поводке, и держались там, где он не мог до них достать. И Датч лежал в тени стола, угрюмо глядя, как они резвятся.

Я же не была на поводке и могла перемещаться по двору свободно.

– Будь умницей, Белла, – говорила мне Сильвия каждый раз, когда какой-нибудь котенок начинал на меня нападать. Я не понимала, что значат эти ее слова, но мне казалось, что она произносит мое имя, потому что я играю с котятами. Они были такие маленькие, что почти ничего не весили. Я была очень осторожна, стараясь не опрокидывать их лапой слишком грубо, и никогда, даже играя, не прикусывала зубами их крошечные хрупкие тельца. Делая вид, что я борюсь с ними, я с нежностью

вспоминала Большую Киску на тропе в холмах. Я скучала по ней и надеялась, что ей удастся позаботиться о себе и что с ней все хорошо. Большая Киска была самой большой кошкой, которую я когда-либо видела, а эти котята, пожалуй, были самыми маленькими.

Когда они не запрыгивали на меня, они гонялись друг за дружкой и боролись. Они то внезапно пускались бежать, то так же внезапно останавливались и залезали друг на друга в постоянной игре, которая любой собаке показалась бы бессмысленной и непонятной.

Стояла жара. Сильвия часто купалась в своем бассейне, а иногда уходила в дом и закрывала в нем все двери и окна, так что мы даже не могли определить, там она еще или нет. К ее окну была приделана большая машина, которая громко шумела и из которой капала прохладная вода.

Котята не обращали внимания на жару, меня же она изнуряла. Теперь я жалела, что с самого начала не вела себя с ними строже, потому что стоило мне только лечь, чтобы вздремнуть, как они решали, что сейчас самое время полазать по мне, вонзая в меня свои крошечные острые коготки.

Они уже стали намного крупнее, чем вначале, но все еще были очень малы. Хлоя перестала кормить их молоком, и теперь они уже не так осторожно вели себя с Датчем. Они явно хотели понять, что собой представляет привязанная собака, а Хлоя теперь больше не наказывала их, когда они подбирались к Датчу ближе. Я вспомнила, как моя собственная Мама-Кошка не давала никому из своих малышей выходить за пределы логова и как, подрастая, мои братики и сестрички – котята все ближе и ближе подходили к дыре, ведущей из него наружу.

Сильвия получила какую-то коробку от мужчины, которому она открыла парадную дверь, а потом отнесла эту коробку на задний двор, чтобы, открывая ее, она могла пить из своего стакана. Содержимое коробки она унесла в дом, а саму коробку оставила стоять открытой частью вверх на скамейке рядом с бассейном. Котята ужасно заинтересовались этой коробкой, они вскарабкались по ее стенкам вверх и исчезли внутри ее. Теперь в коробке находились все котята, кроме того, которого я про себя называла Храбрым Котенком. Этот черный котик был немного крупнее остальных, и сейчас он явно решил проверить, докуда Датчу даст дотянуться его поводок.

Но Датч не дремал, а зорко следил за ним. Он уже не лежал, а встряхнулся и теперь сидел, наблюдая за приближением Храброго Котенка. Маленький котик раз за разом немного пробежался боком, потом поворачивался и медленно и осторожно подходил ближе к Датчу, после чего садился и начинал умываться.

Когда Датч бросился в атаку, он зарычал, и его хвост заходил ходуном. Он дернул за поводок, стул, к которому тот был привязан другим концом, опрокинулся, но Датча это не остановило. Он вел себя как плохая собака! Храбрый Котенок в ужасе бросился бежать, Датч погнался за ним, и стул, волочащийся следом, стал приближаться к скамейке, на которой стояла коробка, полная котят. Храбрый Котенок резко повернул, и, когда Датч повернул вслед за ним, волочащийся стул врезался в скамейку, и коробка свалилась в воду.

Чувствуя, что двигаться дальше ему не дают и стул, и скамья, за которую тот зацепился, Датч залаял. Храбрый Котенок скрылся за углом дома.

Коробка с котятами плавала открытой стороной вверх на середине бассейна.

* * *

Котята жалобно мяукали, и коробка качалась на воде – там, внутри, они явно пытались залезть друг на дружку. Услышав их жалостные вопли, к бассейну прибежала Хлоя. Датч застрял на краю бассейна и стоял, опустив голову, но, когда Хлоя пронеслась мимо него, он тут же оживился. Она обежала половину бассейна, остановившись там, где сцепились вместе стул, скамья и собака на поводке, потом побежала назад. Хлоя не мяукала, а издавала жуткие сдавленные вопли. Ее котята были в опасности, но ей явно было страшно броситься за ними в воду.

На краю коробки появилась маленькая головка и сразу же скрылась опять. Котята пытались вылезти из коробки, но я понимала, что им никак нельзя этого делать, потому что тогда они окажутся в воде. Кошкам в бассейне не место. Даже Большая Киска слишком боялась воды, чтобы просто взять и поплыть!

Я была хорошей собакой, которая научилась выполнять «Не Лай», но сейчас я громко и настойчиво залаяла. Нам срочно был нужен человек!

После того как я начала лаять, оба мы – и я, и Датч – посмотрели на большие стеклянные двери, но Сильвия так и не вышла во двор. Машина на окне гудела, из нее капала вода, котята истошно мяукали, а коробка накренилась вбок, потому что они пытались из нее выбраться.

Внезапно наверху коробки показалась маленькая серенькая киска, которая в ужасе цеплялась за ее край. Она попыталась вылезти, коробка накренилась еще больше, и серенькая киска упала в бассейн. Она

погрузилась в воду с головой, потом выбралась на поверхность, отплеываясь и пытаюсь плыть, хлопая передними лапками по воде. Хлоя опять взвыла.

Я нырнула в бассейн. Пошедшая от меня волна накрыла маленькую киску с головой, но мои гребки были мощными, и спустя мгновение я уже подплыла к ней. Я осторожно взяла ее за шкурку передними зубами и поплыла обратно к краю бассейна, где меня тревожно ждала Хлоя. Я положила киску на цемент, и Хлоя начала вылизывать ее.

Мы с Лукасом просто не могли не заботиться о кошках.

Когда я повернулась, коробка уже лежала на воде на боку. В панике в воду из нее прыгнули еще два котенка. Один плыл хорошо, но другой сразу же ушел под воду. Я бросилась вперед, опустила морду в воду, раскрыв пасть, ухватила зубами крохотную кошечку и вытащила ее на поверхность. Потом опять поплыла к краю бассейна, осторожно держа ее тельце в зубах; она совсем обмякла, но сразу же пришла в себя, когда я положила ее рядом с ее мамой. Маленькая киска жалобно мяукнула, и Хлоя отнесла ее подальше от воды.

Самая маленькая киска в помете едва держала нос над водой и слабо перебирала лапками, пытаюсь не утонуть. Я схватила ее и отнесла на край бассейна, к ее маме, затем поплыла за следующим котенком.

Коробка была уже пуста, но два маленьких мокрых меховых комочка сумели сами добраться до края бассейна и сейчас тревожно барахтались, чуть слышно пища, поскольку не могли выбраться самостоятельно. Когда я направилась к ним, они попытались по мере своих силенок уплыть от меня, но я осторожно ухватила их зубами одного за другим и уложила на цемент, после чего они, пища во все горло, бросились к Хлое.

Это были последние котята, которых я вытащила из воды. Все котята были мокрые, но теперь они были в безопасности. Ими занималась Хлоя. Датч опять принял угрюмый вид.

Я подплыла к краю бассейна, зацепилась передними лапами за его цементный край и попыталась выбраться на него. Когда я поднялась из воды, моя спина выгнулась, но задние лапы не находили опоры. Напрягая все свои силы и дрожа от этого напряжения, я на мгновение застыла в этом положении, слыша, как с меня стекает вода, потом упала обратно.

Я плавала по бассейну взад и вперед, пытаюсь вылезти из него, но все мои усилия были тщетны – стенка бассейна была слишком высока. Я предприняла еще одну попытку, но не смогла вытолкнуть свое тело из воды. Я была как те два котенка, я точно так же плавала у края бассейна, не имея возможности спастись.

Время шло, и я начала уставать, но я не могла перестать плавать, потому что стоило мне сбавить темп, как я чувствовала, что мое тело начинает погружаться в воду все глубже хвостом вниз. Датч смотрел на меня, дыша немного чаще обычного. Интересно, он чувствует, что меня начинает одолевает страх? Я плавала и плавала, вперед, назад, вперед, назад. Я не знала, что мне делать.

Я подплыла к коробке и попыталась забраться на нее, но она просто выскользнула из-под меня.

Хлоя сидела под деревом, вылизывая своих котят, Датч лежал на краю бассейна, смотрел на меня и чуть слышно скулил. Я все плавала и плавала. Мои лапы ныли. Вода попала мне в нос, и я чихнула.

Если бы здесь был мой Лукас, он бы бросился в воду и спас меня. Он бы обхватил меня руками и поднял из воды. Он бы обо мне позаботился. Но Лукаса здесь не было. Я не смогла сделать «Иди Домой», и теперь мне было трудно держать морду на поверхности воды. Мои мышцы стали такими слабыми.

Я чувствовала себя плохой собакой.

Глава 20

Я уже почти не перебирала лапами, вода проникала в мои уши, затекала в нос, когда я вдруг услышала, как стеклянные двери раздвинулись.

– Датч! Что ты тут натворил? – отчитала Датча Сильвия. Она вышла и остановилась, глядя на Датча и уперев руки в бока. Он понурил голову. Она подошла к краю бассейна.

– Белла? Почему ты в бассейне? Ко мне!

Я услышала слово «ко мне» и еще раз попыталась вылезти, поставив передние лапы на цемент, но сразу же упала обратно в воду, чувствуя, что совсем выбилась из сил. Я виновато посмотрела на Сильвию.

– О, моя милая, не туда. Сюда, ко мне, ко мне! – позвала меня Сильвия, хлопая в ладоши и отходя к другому концу бассейна. Собрав последние силы, я с трудом поплыла в этом новом направлении. Сильвия сбросила с ног туфли и ступила в бассейн, погрузившись в него только до лодыжек. – Ступеньки находятся здесь, Белла. Тебе надо подняться по ступенькам.

Я услышала свое имя, но не поняла, что все это значит. Мой зад погружался все глубже, утягивая меня вниз. Но тут мои задние лапы коснулись земли, потом и передние встали на землю. Мне больше не надо было плыть, чтобы держать голову над водой!

– Ну все, хорошая девочка, хорошая собака.

Я была хорошей собакой, но мои лапы тряслись, и я просто не могла подняться выше. Моя шерсть отяжелела, и с нее в бассейн потоками лилась вода. Мне едва хватало сил на то, чтобы просто стоять на том, что было похоже на подводные ступеньки.

– В чем дело, Белла? Ты не заболела? – Сильвия нагнулась и посмотрела на меня, и я слабо похлопала по воде хвостом. – Ну же, ко мне.

Мне хотелось просто стоять и ждать, когда ко мне вернуться силы, но Сильвия крикнула: «Ко мне» и хлопнула себя ладонями по бедру, так что я подчинилась. Заставив свои непослушные лапы двигаться, я с трудом выбралась из воды, встряхнулась и легла прямо на краю бассейна, на солнышке, чувствуя идущий от цемента жар. Сильвия подошла к Датчу, чтобы освободить его от сцепившихся вместе стула и скамьи.

Я знала, что через несколько мгновений засну, но прежде чем заснуть, я почувствовала прикосновение одного крошечного носика, потом другого. Я лениво приоткрыла глаза и увидела котят, они обнюхивали меня, и их

носики тыкались в мой бок. Но я была слишком утомлена, даже для того, чтобы просто завилать хвостом.

* * *

Когда котята подросли еще немного, они начали один за другим покидать дом. Сильвия заходила во двор, поднимала с земли очередного котенка, и после этого мы его больше не видели. Я не знала, как Хлоя относится к этому медленному уменьшению ее семьи, хотя и замечала, что она стала более внимательна к тем своим отпрыскам, которые у нее остались.

Я подумала о Большой Киске, которая, скорее всего, не знала, что теперь я живу с Сильвией, Датчем и кошачьей семьей Хлои. Что бы она подумала о таких маленьких кисках? Может быть, она скучает по мне? От этой мысли я стала скучать по ней еще больше.

Датч, похоже, пришел к тому же выводу, что и я, а именно, что Гэвин и Тэйлор не вернутся уже никогда. Я была привязана к ним обоим, но из-за того, что их так долго не было, я только стала еще сильнее тосковать по Лукасу. Пока у меня не появится возможность сделать «Иди Домой», люди в моей жизни будут меняться, приходя и уходя. Но с Датчем было по-другому – от грусти он совсем лишился сил. Когда все котята покинули дом, так что осталась одна Хлоя, и она спокойно бродила мимо Датча, так что он мог легко ее достать, его глаза чуть заметно вспыхивали, но он не давал себе труда даже встать на лапы. Ему хотелось просто тихо лежать, день за днем, сначала, пока было жарко, под столом, а потом, когда воздух стал прохладнее, чуть поодаль, на солнышке.

Если не считать того, что Сильвия одного за другим унесла всех котят, и того, что погода стала прохладнее, в нашей жизни не происходило никаких перемен. Сильвия никогда не выпускала нас за ворота, никогда не бросала мячик, но она кормила нас, разговаривала с нами и, если нам того хотелось, позволяла спать ночами в доме. По какой-то причине Датч не хотел, чтобы Сильвия была его человеком, хотя он и вилял хвостом, когда она командовала нам «Сидеть», чтобы мы могли заработать лакомства.

Поэтому я удивилась, увидев, как Датч вдруг вскочил на лапы и оживился – таким энергичным я не видела его уже много, много дней. Я продолжала с любопытством наблюдать за ним, и что же? – он подбежал к воротам и сел. А ведь он не делал этого уже давным-давно.

Я зевнула, встала и встряхнулась. Его внезапное превращение из

сонной, ленивой собаки в собаку резвую и чуткую, привело меня в замешательство.

Датч заскулил; я подошла к нему, с интересом его обнюхала, но он никак на меня не отреагировал – все его внимание было сосредоточено на воротах.

Я села и почесала ухо. Этим утром над бассейном поднимался пар, но больше, по-моему, не произошло никаких перемен. Хлоя проводила большую часть времени, спя под креслом в гостиной, и сейчас тоже находилась там.

Датч вздрогнул и завилял хвостом. Я услышала, как за воротами остановилась машина, как открылась ее дверь, потом раздался человеческий голос, и одновременно я поняла по запаху, что это за человек.

– Датч! Белла!

Гэвин вернулся.

Гэвин толкнул ворота, и Датч бросился к нему, повизгивая, подпрыгивая и лижа его лицо.

– Полегче, полегче! Хороший пес! Лежать! Я тоже по тебе скучал!

В это мгновение я поняла, что Гэвин – это человек Датча, точно так же, как Лукас был моим.

– Привет, Белла! – Я подошла к Гэвину, виляя хвостом, и он погладил мою шерсть и поцеловал меня в нос. – О, я так сильно по тебе скучал. – Он выпрямился. – Привет, мамуля.

Когда Гэвин сказал «Мамуля», я удивилась меньше, чем когда услышала это от него в первый раз. Сильвия вышла во двор. Она курила, и в руке у нее был бокал с одним из ее резко пахнущих напитков.

– А где твой бойфренд?

– Мой муж. Тэйлор мой муж, мамуля.

– Ну конечно.

– Ты... что с тобой случилось? – Гэвин подошел было к ней, чтобы поцеловать ее, но тут же сделал шаг назад. – Ничего себе, мамуля, ведь сейчас еще нет и полудня.

– Только не начинай опять. Ты понятия не имеешь, что тут происходит. Майк украл мою чековую книжку, и теперь у меня неприятности из-за необеспеченных чеков, хотя расплачивалась ими не я.

– Так Майк вернулся?

– О боже, нет, я сказала ему, что опять добьюсь запретительного постановления суда, чтобы он ко мне больше не приближался. Не знаю, как ему удалось завладеть моими чеками. Наверное, он взял мою чековую книжку из машины, потому что после того, как я потеряла от нее ключи, я

решила ее больше не запирасть.

– Понятно.

Датч терпеливо сидел у ног Гэвина, готовый и к поездке на машине, и к прогулке, и ко сну на солнце. Я понюхала воздух и учуяла слабый запах Тэйлора, но поняла, что поблизости его нет.

– Ну как, друзья, вы готовы отправиться домой? – спросил нас Гэвин. Нам всем пора идти домой. Мы поедем завтра чуть свет.

Я резко подняла голову. «Идти Домой»?

Сильвия подошла к стулу и, когда попыталась сесть на него, едва его не опрокинула. Гэвин схватил ее за руку.

– Со мной все в порядке! – огрызнулась она.

– Да, я знаю, извини. Я просто хотел помочь, – словно извиняясь, сказал Гэвин. Голос у него был немного грустный.

Сильвия отхлебнула из своего бокала.

– Тебе надо будет уехать уже завтра?

– Ну, просто до отъезда надо будет успеть столько всего сделать. Перед поездкой в Китай мы думали, что все подготовили – ты же знаешь Тэйлора, он все планирует заранее, – но оказалось, что есть еще куча вещей, которыми надо заняться. Как тут поживали наши собаки?

– Хорошо, что они жили со мной. Это они навели на Майка такого страха, что он убрался, – ответила Сильвия.

– Может быть, тебе самой следует завести собаку, – заметил Гэвин.

Мы с Датчем переглянулись, услышав слово «собака».

– Честно говоря, я бы предпочла оставить у себя Беллу. Она не лает. А Датч не дает прохода Хлое.

Последовала долгая пауза.

– Мамуля... Я не уверен, что правильно тебя понял... ты имеешь в виду, что тебе хочется оставить у себя Беллу?

– Из них двоих – да.

– Ах, вот оно что. Это никогда не приходило мне в голову.

* * *

Ночью мы с Датчем спали на кровати Гэвина, комната которого выходила в тот же коридор, что и комната Сильвии. Датч то и дело тыкался носом в ладонь Гэвина, чтобы тот погладил его еще, а я свернулась клубком у него в ногах и сонно слушала, как он говорит с нами, прижав к лицу телефон.

– Мне это тоже не нравится, но ведь мы у нее в долгу, – сказал он. – И я буду чувствовать себя более уверенно, зная, что Белла с ней и может ее защитить.

Услышав свое имя, я подняла голову. Гэвин немного помолчал.

– Нет, – усмехнулся он, – я это не нарочно, хотя, возможно, зная, что здесь Белла, ты теперь будешь ездить к моей матери с большей охотой. – Я снова опустила голову. – Думаю, им будет хорошо вдвоем. Я серьезно. Ведь ты знаешь Беллу. Она всегда всем довольна, где бы она ни находилась.

Я закрыла глаза, больше не обращая внимания на то, что он все время повторяет мое имя. «Иди Домой». Я могла сейчас думать только об этом. Мне надоело быть здесь и просто хотелось наконец сделать «Иди Домой». Это желание было похоже на боль, было похоже на голод, и я восприняла возвращение Гэвина как знак, что скоро я опять отправлюсь в путь и начну пробираться к Лукасу.

* * *

На следующее утро Гэвин начал переносить в машину какие-то вещи, и Датч следовал за ним по пятам, садясь и ждя у парадной двери каждый раз, когда Гэвин выходил.

– Не беспокойся, Датч, ты поедешь домой вместе со мной, – ласково сказал Гэвин, глядя Датча по голове.

Из своей комнаты вышла Сильвия, выдыхая в воздух клуб дыма.

– В горах уже идет снег?

– Пока нет. Так что дороги на всем протяжении будут свободны. Мамуля, ты не представляешь, как я тебе благодарен за то, что ты заботилась о наших собаках, пока мы были в отъезде. Я правда, правда очень тебе признателен.

Сильвия долго смотрела на него молча.

– Я знаю, я не самая лучшая мать.

– Да брось, мамуля...

– Я хочу сказать, что всегда знала, что мать из меня выйдет никудышная и никогда не хотела иметь детей. Но я просто все время была в залете. Однако теперь я стараюсь стать лучше. Стать тебе лучшей матерью. Я сожалею... о том, что было.

Гэвин подошел к Сильвии и обнял ее. Пока он держал ее в своих объятиях, она поднесла к губам сигарету поверх его плеча и вставила ее в рот.

– Мне следовало явиться на твою свадьбу, Гэвин. Я знаю, мне тогда надо было явиться по повестке в суд дать показания, но, по правде говоря, все это был просто предлог, чтобы не приходить на твоё бракосочетание. Это была моя ошибка. Мы семья – ты, я и Тэйлор и иногда твоя сестра.

– Я знаю, мамуля, как это было для тебя тяжело. Я не в обиде.

– Я не понимала, каково это – быть геем, но я смотрела телевизор и в конце концов поняла, что то, чему меня учили в детстве и юности, неправильно. Ты мой сын, и я горжусь тобой.

Они снова обнялись. Она пососала свою сигарету, та зажглась ярче и от нее в воздух снова пошел дым.

– Да, вот еще что. – Гэвин глубоко вздохнул. – Это насчет Беллы. Я сказал Тэйлору то, что ты сказала мне о ней, и он тоже считает, что это хорошая идея.

– Что именно?

– Белла.

– Белла?

Я услышала, как они произносят мое имя, и стала гадать, что это значит.

– Она может остаться здесь.

– Остаться здесь, – повторила Сильвия.

– Вот именно. Нам не хочется их разлучать, и мы будем по ней скучать, но как я тебе уже говорил, Датч и Белла оказались в одном месте в одно время случайно – до этого они никогда вместе не жили. Они не являются собачьей семьей.

– О чем ты сейчас толкуешь? – безучастно спросила Сильвия.

– Прости, что?

– Ты хочешь, чтобы Белла осталась здесь?

Я услышала «Белла» и села.

– Ну да. Ведь именно этого ты хочешь, верно?

– Нет. Конечно же, нет. – Сильвия опять выдохнула клуб дыма.

– Мамуля, ты же вчера спрашивала меня, можно ли тебе оставить у себя Беллу.

– Ничего подобного я не говорила. Я сказала только, что она хорошая собака. Она играет с Хлоей. Я и так была вынуждена безвылазно проторчать здесь полгода из-за этих собак. Мне хочется попутешествовать, может быть, поехать в Блумфилд.

– Понятно.

– Если тебе не хочется держать у себя Беллу, тебе придется подыскать для нее какой-нибудь другой дом.

– Да нет же, мы любим Беллу. Я просто... неважно. Все в порядке.

* * *

Мы поехали на машине, но самым лучшим из всего этого было то, что, когда мы перевалили через холм, я снова почуяла в воздухе знакомое сочетание запахов. Аромат города, в котором жили я и Лукас. Теперь я знала, в какой он стороне. И знала, куда мне надо идти.

Тэйлор был рад видеть нас с Датчем, и на нас надели поводки и повели на первую прогулку за долгое-долгое время. Датч был вне себя от восторга и оставлял свои метки на всем, что видел.

– Они оба так растолстели, – брезгливо сказал Тэйлор.

– Скоро мы, конечно, посадим их на диету, но сначала нужно дать им время привыкнуть к их новой жизни и к нам. Возможно, они озадачены и скучают по Сильвии, – сказал Гэвин.

– Со столь абсурдным утверждением мне было бы трудно спорить. – Тэйлор усмехнулся. – Ну так что, поедем на выходные в хижину? Мне бы хотелось походить по холмам, пока не выпал снег.

Когда мы поехали на машине в следующий раз, мое чутье подсказало мне, куда мы направляемся еще до того, как мы туда прибыли, – к хижине. Датч пометил все увядшие растения на заднем дворе, оскорбленный тем, что его запах здесь ослабел, а я подняла нос и стала принюхиваться, пытаюсь различить запах Большой Киски. Я смогла учуять множество животных, но только не ее.

– Хочешь, пойдём в поход? – спросил Тэйлор наутро. Я узнала слова «Пойдем в Поход», но не поняла, что они значат, если рядом нет Лукаса. – Пойдем, Датч.

Мужчины пристегнули к нашим ошейникам поводки и вывели нас из хижины. Какое-то время мы шли по знакомой мне тропе, но потом мы повернули, поднялись в гору и оказались в месте, где я никогда раньше не была. Датч ставил свои метки так часто, как Гэвин и Тэйлор ему только позволяли – но чаще всего, когда пытался остановиться, чтобы поднять лапу, они дергали за его поводок.

– Как ты думаешь, здесь уже можно это сделать? – спросил Гэвин.

– Думаю, да. Но если нам встретится лесничий, нам придется заплатить штраф за то, что мы спустили их с поводков.

– А ты когда-нибудь видел лесничего где-нибудь, кроме своих фантазий?

– Очень смешно, – сказал Тэйлор и, отстегнув мой поводок, засунул его в мешок, который висел у него на спине. Гэвин сделал то же самое с поводком Датча.

Какое-то время ощущение, что я гуляю без поводка, казалось мне таким необычным, что я держалась рядом с мужчинами, которые продолжали идти, разговаривая и смеясь. Однако в конце концов Датч убежал вперед, ведомый каким-то запахом, который я не учуяла. Я потрусила за ним, стараясь догнать его.

– Не уходите далеко! – крикнул Гэвин.

Оказавшись на воле, чувствуя, как в нас пробуждаются силы, мы вместе во весь опор помчались по тропе. Я почуяла запах кролика и подумала: интересно, Датч когда-нибудь видел это существо? Я вспомнила, как Большая Киска приносила мне убитых кроликов. Я вспомнила, как шла по длинной тропе, идущей через холмы, такой же, как эта тропа. Я вспомнила про «Иди Домой».

Я вспомнила Лукаса.

Подгоняемые энтузиазмом друг друга, мы неслись по тропе, но, услышав голос Тэйлора, внезапно остановились.

– Датч! Белла! – крикнул он.

Мы с Датчем коснулись друг друга носами, тяжело дыша после пробежки. Датч посмотрел назад, туда, откуда доносились запахи двоих мужчин, потом взглянул на меня. Я поняла – он почувствовал, что во мне что-то произошло, что мои намерения изменились, но не может взять в толк, как именно.

Я завиляла хвостом. Мне нравился Датч. Он был членом моей стаи. Он любил Гэвина и Тэйлора, а они любили его. Но их дом не был моим домом, и мне пора было уходить.

Когда Тэйлор позвал нас опять, Датч посмотрел на меня долгим взглядом и повернул туда, откуда мы с ним пришли. Сделав несколько шагов, он обернулся и выжидательно взглянул на меня. Я не сдвинулась с места. Мы оба снова слышали наши имена, теперь нас звал Гэвин, и тут Датч, похоже, все понял. Он уставился на меня, то ли не веря, что я откажусь от чудесной жизни с этими двумя мужчинами, то ли осознав, что мы никогда больше не увидимся.

Но он не мог игнорировать зов Гэвина. Взглянув на меня в последний раз с сожалением и недоумением в глазах, он оставил меня и побежал к своей семье.

А я продолжила путь в другом направлении.

Глава 21

Я еще долго думала о Датче, его запах преследовал меня, пока я бежала по тропе. Я знала, что он будет счастлив с Гэвином и Тэйлором – особенно с Гэвином, который был для Датча тем же, чем для меня был Лукас. Если бы не Датч, я, возможно, не смогла бы покинуть этих двух мужчин, но я не чувствовала себя виноватой, потому что знала – у них все же есть собака.

Я давно уже не проходила столь длинного расстояния – последний раз это было еще до того, как я стала жить с Сильвией, но все вокруг меня было мне знакомо – бежать по тропе, утоптанной множеством людей и животных, то под гору, то в гору по местности, которую то усеивали скалы, то покрывал лес, которая была то пыльной, то поросшей травой.

Я не ожидала, что так быстро устану и захочу пить и что мышцы моих лап потребуют отдыха. Я нашла укромное местечко и улеглась, зевая и чувствуя себя обессиленной. Спала я беспокойно, потому что успела отвыкнуть от многочисленных запахов животных, которые особенно остро чувствовались ночью, к тому же меня несколько раз будил пронзительный вой лисы. Мне хотелось думать о Лукасе, но в моей памяти всплывали Датч и Гэвин, и Тэйлор, и Большая Киска, и Хлоя, и я по всем им скучала. Мне было одиноко, очень одиноко.

Воздух был сухим и бодрящим. Тропа вела меня напрямик туда, откуда доносились запахи моего дома, но я чувствовала, что мне надо попить, и, нехотя сойдя с нее, направилась туда, где, как мне подсказывало мое чутье, тек ручей.

Чуяла я и еще кое-что – запах горелого дерева. Он был не похож на дым, который выходил изо рта Сильвии, или на тот, который чувствовался в воздухе хижины, когда Гэвин и Тэйлор жгли огонь в дыре, проделанной в ее стене. Это был резкий запах горелых остатков дерева, которое пламя пожрало уже давно. Идя на запах воды, я вскоре набрела на огромный участок земли, где трава была желтой, а стволы деревьев были окутаны этим запахом гари. Большинство из тех, что стояли, были совершенно черными, и на них не было листвы, а многие лежали на земле. Я с любопытством обнюхала один такой лежащий ствол, не понимая, что здесь случилось и откуда здесь могло взяться столько обгоревших бревен.

Но тут из сгоревшего леса до меня донеслась явственная, хотя и слабая вонь койота, и я поспешила свернуть в сторону.

После двух дней пути я была ужасно голодна. Мое чутье привело меня к воде, к довольно большому озеру, но, чтобы добраться до него, мне пришлось перебежать через дорогу, на которой было много машин, и, когда они с ревом проносились мимо меня, я чувствовала себя плохой собакой. У озера не было деревьев, только скалы и кусты, так что я была вынуждена лакать воду на совершенно открытом месте.

Мне хотелось получить «Крохотный Кусочек Сыра». Но я жаждала не самого лакомства, а любви и внимания моего человека.

Я чувствовала себя потерянной.

Раз на дороге есть машины, там есть и люди, и я чуяла, что где-то поблизости находится город. Если я пойду туда, то отклонюсь от прямого пути домой, но мне нужно было поесть, а где есть люди, там есть и еда. Я старалась держаться как можно дальше от дороги, и какое-то время это было нетрудно – местность была ровной, между камнями тек ручей, и дорога шла вдоль его берега. Затем почва стала более влажной, а трава и низкий кустарник сделались гуще. На моем пути стали попадаться фермы, которые я обходила стороной, не обращая внимания на тамошних собак, которые лаяли на меня, то ли от негодования, то ли от удивления.

Было уже темно, когда я добралась до улиц с домами и магазинами. Я чуяла запахи стряпни, они были аппетитными, но я не увидела ни одной собачьей стаи, сидящей возле какой-нибудь из дверей, мимо которых я шла. Я обнаружила несколько баков, от которых исходили ароматы мяса, но все они были слишком высоки, чтобы я могла в них залезть.

Вскоре меня привлекло большое здание, перед которым было припарковано много машин. Из больших окон, тянущихся через всю переднюю стену здания, лился яркий свет. Взрослые люди ходили с тележками, в которых были пакеты с едой и иногда сидели один-два маленьких ребенка. Они сгружали пакеты в машины, затем отталкивали тележки прочь и оставляли их. Я подошла поближе и увидела, что люди входят и выходят, а двери открываются и закрываются, хотя их, похоже, никто не касается. Всякий раз, когда они открывались, наружу вырывались дразнящие ароматы.

Самым манящим из всех них было благоухание курицы. Там явно было много жареных кур.

Люди смотрели на меня, но не подзывали к себе, хотя я подходила все ближе и ближе к дверям, из-за которых неслись соблазнительные ароматы.

Похоже, никому из них не хотелось пристегнуть к моему ошейнику поводок и увести меня еще дальше от Лукаса – в основном они просто не обращали на меня внимания. Маленький мальчик сказал «собачка» и протянул ко мне ручку – от его пальцев сильно пахло чем-то сладким, но, прежде чем я успела их облизать, его мама схватила его за руку и отвела в сторону.

Но сейчас главным для меня были не люди, а то, что за этими дверями были куры.

Какое-то время я сидела и упивалась волнами вкусного аромата, который вырывался наружу, когда двери со свистом раздвигались, но никто из людей так и не принес никакой еды для хорошей собаки, которая выполняла «Сидеть».

Когда прошло много времени, а никто так и не вышел из дверей, у меня лопнуло терпение, и я подошла к стеклянным дверям, чтобы посмотреть внутрь и отыскать источник аромата кур.

Двери открылись.

Я стояла на пороге, не зная, что делать. Похоже, эти двери ждали, чтобы я вошла, точно так же, как нашу дверь придерживал Лукас, когда мы возвращались с прогулки. Похоже, меня приглашали войти. И там, внутри, прямо передо мной, стоял металлический стенд с полками. Жар, идущий от расположенных над полками огней, нагревал жареных кур в пластиковых пакетах, и их восхитительное благоухание наполняло воздух. Куры в пакетах были прямо передо мной!

Я тихонько вошла в ярко освещенное здание, чувствуя себя виноватой. Я уже ощущала вкус курицы, явственно представляла, как я жую и глотаю ее, и облизнулась. Я нерешительно прошла по скользкому полу и подошла прямо к стенду. Дрожа, я встала на задние лапы и потянулась к пакету с курицей. Мигая от идущего от огней жара, я осторожно взяла пакет, прикусив его одними передними зубами.

– Эй! – крикнул кто-то.

Я посмотрела вверх и увидела мужчину в белой одежде, который выходил из-за угла. Вид у него был сердитый.

Я уронила курицу, и она упала на пол.

Еда, лежащая на полу, всегда предназначена для собаки, если только человек не говорит ей: «Нельзя».

– Кыш! – крикнул мужчина в белом, и это было совсем не похоже на «Нельзя». Я подняла пакет с пола и повернула к дверям.

Двери были закрыты.

Я хотела убежать от мужчины, который быстро приближался ко мне, и

бросилась вперед, глядя в окно и надеясь, что кто-нибудь подойдет к дверям снаружи и откроет их.

– Стой, собака, стой! – крикнул мужчина в белом. Я царапнула одну из дверей когтями, и двери открылись! Внутри проник ночной воздух, и я выбежала на улицу и понеслась прочь.

Инстинкт говорил мне, что надо бежать и бежать, но я была так голодна, что добежала только до темного пятка на краю парковки. Я могла съесть всю курицу – ведь теперь со мной не было Большой Киски, так что я могла ни с кем не делить свою добычу. Я разорвала пластиковый пакет, и теплая сочная курица оказалась такой вкусной, что я вылизала пластик дочиста.

Приятно было чувствовать в желудке еду, но я не могла не думать о том, что видела на полке, когда находилась в этом здании: там были еще пакеты с курами. Теперь, когда я знала, где они и как их добыть, мне хотелось одного – вернуться в здание.

Я потрусилась к дверям. Тот мужчина в белом рассердился на меня, но ведь куры были так близко. Я почувствовала себя плохой собакой, но ведь те куры явно были оставлены для меня – разве можно быть плохой, если в конце концов ты получаешь курицу?

Я приблизилась к дверям. Из них вышла женщина, катя перед собой тележку, и мельком взглянула на меня. Она явно не думала, что я плохая собака.

Когда двери закрылись, я подошла еще ближе, и они открылись снова, и я почуяла запах курицы и вошла внутрь, как будто туда меня позвал Лукас. И двинулась прямо к металлическим полкам с теплыми огнями и вкусным запахом.

– Попалась! – крикнул какой-то мужчина.

Я повернулась на голос и увидела того же самого мужчину в белом – он стоял между мною и дверьми, раскинув руки так, словно хотел меня обнять.

Я схватила с полки курицу и бросилась бежать.

* * *

Мой страх был вызван уверенностью в том, что мужчина в белом – один из тех людей, которые хотят, чтобы я никогда не вернулась к Лукасу. Он был сердит, и я сразу же вспомнила мужчину в шляпе, и грузовичок с вольерами, и боль, и горе в голосах собранных в большой комнате собак,

ни одна из которых не умела выполнять «Не Лай». Этот мужчина может сделать мне больно, он может вернуть меня обратно в то ужасное место.

Я бежала, но куда я могла пойти? Только люди знают, как выбираться из зданий. Пол под моими когтями был скользким, я царапала его в поисках опоры для лап и видела, что люди смотрят на меня, пока я несусь между все никак не кончающимися рядами полок.

Я по-прежнему держала в зубах курицу. Теперь это была моя курица. Мне хотелось одного – найти тихое место, разорвать пластиковый пакет и съесть ее, но люди вокруг кричали, кричали на меня. Надо как можно скорее отсюда убежать!

– Ловите ее! Ловите собаку! – ревел мужчина в белом.

Прямо на меня побежал паренек с метлой, и я, скользя, свернула и помчалась между высокими рядами полок. Мужчина с тележкой крикнул мне: «Сюда, песик!» – и показался мне дружелюбным, но я промчалась и мимо него. Я чуюла только запах курицы, зажатой в моих зубах, и была охвачена только одним чувством – чувством паники. Все вокруг считали меня плохой собакой, которую надо наказать.

– Она здесь! – крикнул другой мужчина, когда я добежала до конца прохода между рядами полок. Он замахал на меня руками, и я, скользя по полу, остановилась и чуть не упала, потом в ужасе попятилась.

– Попалась! – Это крикнул мужчина в белом, который теперь находился позади меня и быстро бежал в мою сторону. Я бросилась вперед, к мужчине, который махал руками, и быстро уклонилась в сторону. Его рука скользнула по шерсти на моей шее. Мужчина в белом попытался свернуть, но врезался в картонную полку, и сверху на него и на пол посыпались маленькие пластиковые контейнеры. Он поскользнулся и тяжело упал.

Я почуяла запах улицы и кинулась туда, откуда он шел, но когда я прибежала туда, оказалось, что это не улица, а просто часть здания, которая пахнет улицей, пахнет землей, растениями и цветами. Я узнала запахи фруктов, апельсинов и яблок, я помнила их с тех времен, когда их ел Лукас. Здесь не было сердитых людей, так что я выронила курицу, разорвала пластик и принялась есть. Люди такие чудесные существа, что они умеют ловить кур, жарить их и выставлять на полках в теплых пакетах!

До меня донеслись шаги бегущих людей. Несколько сердитых мужчин, включая мужчину в белом и паренька с метлой, бежали ко мне. Я подхватила свой ужин и кинулась в сторону, после чего паренек врезался в стол, и на пол с глухими звуками посыпались апельсины, целая куча апельсинов. Они катились, словно мячики, но я не стала останавливаться, а

ринулась туда, где пахло рыбой и мясом и от стен шел холодный воздух.

– Лови ее! – крикнул кто-то. Теперь на меня охотилось еще больше сердитых людей.

Я повернула и побежала мимо благоухающего хлеба и сыров. Здесь было столько еды! Это было бы самое потрясающее место из всех, в которых я когда-либо бывала, если бы не отношение всех этих людей к собакам. Я бы с удовольствием обнюхала здесь каждую полку, но я слышала, что сердитые мужчины приближаются.

Сейчас я опять была в уже знакомом мне месте – полки с восхитительными курами находились прямо передо мной. Я пронеслась мимо них и увидела женщину с большим пакетом в руках, идущую к дверям. Двери со свистом открылись перед ней, и внутрь проникло дуновение ночного ветерка.

– Нет! Нельзя! – завопил чей-то голос.

Я знала это слово, но при данных обстоятельствах оно относилось явно не ко мне. Женщина остановилась и обернулась, так что, возможно, «Нельзя» относилось к чему-то, что сделала она. Я пробежала мимо нее, коснувшись боком ее ног.

– Ничего себе, – сказала она.

– Остановите эту собаку! – скомандовал уже знакомый мне голос мужчины в белом.

– Эй, собачка! – неуверенно крикнула мне вслед женщина с пакетом.

Мне все еще было страшно. Я нарочно отошла подальше от чудесного здания, пахнущего едой, потом вышла на улицу, на которой стояли несколько домов, но не стала останавливаться и здесь. Наконец, услышав, как из заднего двора на меня лает собака, я почувствовала, что нахожусь в безопасном месте, в месте, где любят собак. Я остановилась, тяжело дыша, легла на живот и с хрустом доела свой ужин.

* * *

Когда я проснулась, шел снег и на земле уже лежал тонкий снежный покров. Мой живот свело, и я сделала «Делай Свои Дела» слишком быстро и резко, так что мне стало больно. Потом я немножко повозила задом по снегу, и мне стало чуть лучше.

Меня все никак не оставляло чувство, что я вела себя как очень плохая собака. Когда я подумала о мужчине в белом, мне сразу же снова стало страшно, и меня немножко стошнило. Я беззвучно шла по снегу, опасаясь

людей и беспокоясь, как бы кто-нибудь из них не захотел сделать мне больно или поймать меня и увести с собой.

Витающие в воздухе соблазнительные ароматы стряпни влекли меня вперед. Какое-то время я просидела перед задней дверью какого-то дома, ожидая, что из нее кто-нибудь выйдет и даст мне что-то вкусное – ведь я чувала запах бекона, и мне казалось, что хорошей собаке, выполняющей «Сидеть», может перепасть один-два ломтика, но никто меня так и не заметил. Возможно, нужно, чтобы меня окружала собачья стая, чтобы получить внимание и еду.

Я провела этот день, осторожно пробираясь между домами и с надеждой принюхиваясь к запахам еды, исходящим из мусорных баков, но все они были плотно закрыты крышками. Солнце растопило снег, и улицы стали мокрыми, а с крыш домов закапала капель, наполняя воздух своими звуками и чистым холодным запахом воды. Несколько раз я дотрагивалась носом до носов дружелюбных собак за заборами домов и проигнорировала тех собак, которые при моем приближении принимались возмущенно лаять.

Я ничего не ела до самого конца дня, когда мне попался открытый гараж, дверь которого была поднята как раз настолько, чтобы я могла протиснуться в щель между нею и землей. Меня привлек туда запах собачьего корма, и в углу я обнаружила пакет с ним, хотя он уже был полупустым. Я опустила в него голову и стала есть, не обращая никакого внимания на негодующий вой двух других собак, доносящийся из-за двери.

Вкус собачьего корма напомнил мне о Лукасе. Я вспомнила, какое радостное волнение испытывала, когда он ставил миску с кормом на пол передо мной, и всю мою благодарность и любовь к человеку, который кормил меня обедом из своих рук. Меня охватила тоска по дому, такая же мучительная, как колика, которая свела мой живот этим утром, и я поняла, что скоро покину этот город, чтобы вернуться на ведущую через холмы тропу.

Но теперь я знала и другое – я должна есть, когда бы мне ни представилась такая возможность. Быть может, до моей следующей трапезы пройдет несколько дней. Когда стемнело, я пошла на улицу, где сильнее всего пахло едой. Темнота несла с собой похолодание, и я вспомнила, как ходила по холмам вместе с Большой Киской. Мне придется охотиться, как охотилась она, чтобы прокормиться. Но я сделаю все, что будет нужно, лишь бы быть собакой, которая делает «Иди Домой».

На тротуаре в круге света от фонаря на груди одеял сидел мужчина.

– Привет, собака, – тихо сказал он, когда я попыталась обойти его

стороной.

Моим первым побуждением было убежать. Однако я все же остановилась, услышав в его голосе что-то дружелюбное.

От мужчины пахло грязью, говядиной и потом. Волосы на его голове и лице были длинные и спутанные. С одной стороны от него лежала груда пластиковых мешков, а с другой – чемодан, как у Тэйлора. На его руке была перчатка без пальцев, и он протянул эту руку мне.

– Привет, щенок, – ласково сказал он.

Я колебалась. Он казался мне приятным, и он сидел на земле, вытянув ноги и прислонившись спиной к стене здания, а не стоял, вытянув руки или держа в них поводок, поэтому я подумала, что он не из тех людей, которые могут попытаться помешать мне выполнить «Иди Домой».

Он засунул руку в маленькую коробку, достал оттуда кусочек говядины и протянул его мне, и я подошла к нему, виляя хвостом. Лакомство из говядины немного отдавало сыром, и я быстро съела его и выполнила «Сидеть».

– Хорошая собака, – похвалил меня он. По-видимому, он знал, каким должно быть хорошее выполнение команды «Сидеть». Он засунул руку в свою коробку и достал оттуда еще кусочек мяса. Потом быстро провел рукой по моей шерсти и потрогал мой ошейник, глядя на него и щурясь.

– Белла, – сказал он.

Я завиляла хвостом. Большинство людей, которые знали мое имя, давали мне лакомства. А люди в здании с курами меня не знали, может быть, поэтому они и были такими сердитыми.

– Что ты здесь делаешь совсем одна, Белла? Ты что, потерялась?

Я услышала в его голосе вопрос и демонстративно посмотрела на стоящую рядом с ним коробку с лакомствами. Да, я с удовольствием съем еще говядины с сыром.

– Я тоже потерялся, – тихо сказал мужчина, немного помолчав. Он засунул руку в один из своих пластиковых мешков, как будто что-то ища. Я внимательно наблюдала за ним.

– А как тебе вот это? – Он скормил мне горсть орехов, и, пока я жевала их, он еще поиграл с моим ошейником. Съев орехи, я вдруг обнаружила, что к моему ошейнику привязан какой-то тянущийся шнур. Я попыталась отойти от мужчины, но не смогла уйти далеко, потому что веревка туго натянулась.

Мы с мужчиной переглянулись. Я тихо заскулила.

Я поняла, что только что совершила ужасную ошибку.

Глава 22

У мужчины была тележка, которую он толкал перед собой, такая же, как тележки людей на парковке перед зданием с курами, те самые, в которых они перевозили еду и детей к своим машинам. Но у этого мужчины не было детей, и когда он наполнял свою тележку пластиковыми пакетами, в них по большей части была отнюдь не еда.

– Идем гулять, – говорил он почти каждый день, перекладывая все свои вещи с тротуара в тележку. Мне хотелось ходить, хотелось уйти в холмы, но мы редко ходили далеко. Обычно мы медленно брели по улице до двора, по которому были раскиданы куски пластика и металла, я приседала, чтобы сделать «Делай Свои Дела», а потом мы опять возвращались на одно и то же место на тротуаре, где он расстилал свои одеяла. Рядом со стеной был металлический забор, и, когда мужчина уходил от меня, он привязывал меня к нему. Он часто ходил на другую сторону улицы в одно из двух зданий – от одного из них пахло едой, а от другого не пахло ничем, только людьми и картонными коробками. Когда он выходил из второго здания, он нес в руке стеклянную бутылку, и, когда он ее открывал, идущий из нее резкий запах напоминал мне Сильвию.

Почти все остальное время мы просто сидели. Мужчина почти постоянно говорил со мной, часто повторяя мое имя, но в основном просто монотонно бубня какие-то слова, которых я не понимала.

– Я не дурак. Я знаю, что вы со мной сделали. И знаю, кто вы. Но это мои мысли! – повторял он снова и снова. – Они тут не главные. Я тут главный. Перестаньте передавать данные.

Когда к нему подходили другие люди, мужчина переставал бубнить.

– Мне нужны деньги для моей собаки, – тихо говорил он. – Чтобы купить ей еды. – Люди останавливались и гладили меня и говорили со мной, но ни один из них не отвязал меня. Часто они бросали что-то в маленькую металлическую банку, и мужчина говорил: – Спасибо.

Некоторые люди произносили слово «Аксель», и вскоре я поняла, что мужчину зовут Аксель.

Я не понимала, почему Аксель спит не в своем доме, а на тротуаре. Он казался мне очень одиноким, и ему явно был нужен друг, такой, каким для Гэвина был Тэйлор. Но никто из людей, которые останавливались, чтобы поговорить с ним, не вели себя как такие друзья, даже когда они были приятными.

Сначала мне хотелось только одного – убежать от Акселя и вернуться на тропу, чтобы продолжить свой путь. Но потом я поняла, что Акселю нужно успокоение, как Маку и остальным моим друзьям, к которым я приходила, когда мы с Лукасом делали «Идти на Работу». По ночам Аксель боролся с людьми, которых я не могла видеть, крича и корчась на своих одеялах, и от его пота шел сильный запах страха. Когда я клала голову ему на грудь, я слышала, как гулко и часто бьется его сердце. Но потом, когда его рука ложилась на мою шерсть, его лихорадочное возбуждение спадало, и дыхание становилось не таким частым.

Мне нравился Аксель. Он целыми днями говорил со мной и называл меня хорошей собакой. После жизни с Сильвией мне было приятно получать столько внимания. С Акселем я чувствовала себя очень важной собакой.

Мне ужасно хотелось сделать «Иди Домой», но я знала, что делаю то, чего от меня хотел был Лукас, точно так же, как он хотел бы, чтобы я позаботилась о Большой Киске. Больше всего на свете, даже больше, чем чтобы я сделала «Иди Домой», он хотел, чтобы я была хорошей собакой. А я никогда не была более хорошей собакой, чем когда дарила успокоение испуганному человеку или котенку, которому я была нужна. Это была моя работа.

Ночи становились все холоднее, и теперь я могла сделать для Акселя еще кое-что – согреть его, прижимаясь к его телу. А еще я разбудила его, когда на улице остановилась машина и с ее передних сидений слезли двое мужчин. Я уже встречала людей, похожих на них, с тяжелыми металлическими странно пахнущими штуками на боках – это были полицейские. Для меня все они были как-то связаны с грузовичком, в котором стояли проволочные вольеры и который увез меня от Лукаса. Я сжалась при их приближении, и Аксель проснулся.

– Привет, Аксель, – сказал один из них, становясь на колени. – Когда у тебя появилась собака? – Он протянул ко мне руку, но я не стала к нему приближаться, потому что не доверяла ему.

– Я ее нашел. Ее бросили, – отрывисто ответил Аксель.

– А ты уверен, что с ней все в порядке? Она не кажется дружелюбной.

– Белла, поздоровайся с офицером Мендесом.

– Все хорошо, Белла, – сказал мужчина, который протягивал ко мне руку. Я понюхала его пальцы и слегка повиляла хвостом, опасаясь, как бы он не схватил меня за ошейник. – Меня зовут Том.

– Чем мы можем помочь вам сегодня, офицер? – спросил Аксель.

– Не говори со мной так, Аксель. Ты же знаешь, меня зовут Том.

– Том.

Значит, приятного полицейского зовут Том. Друг Тома стоял поодаль и что-то писал.

– Послушай, Аксель, вот-вот сюда придет зима. Ты думал над тем, что я тебе предлагал – чтобы ты вернулся в Денвер? Мы по-прежнему готовы отвезти тебя туда. По-моему, это хорошая идея.

– А как насчет моей собаки? – спросил Аксель.

– Само собой, она может поехать с тобой. – Том кивнул.

– А что потом?

Том пожал плечами.

– Ну, сам посуди – ты мог бы вернуться в госпиталь для ветеранов...

– Я туда больше не пойду, – спокойным голосом перебил Аксель. – Когда я там был в последний раз, они попытались взять у меня кровь.

– Но Аксель, это же госпиталь.

– Госпиталь. Вроде как для гостей. Но там есть люди, которых никогда не судили, никогда не признавали виновными, но которые не могут оттуда выйти. Они все подключены к медицинским усилителям, которые подсоединены к Интернету посредством межсетевых протоколов. Вы понимаете, зачем это делается? Электрофизиологический монитор обеспечивает двунаправленную передачу данных в Паутину, неужели это не кажется вам подозрительным? Во Всемирную паутину?

Том какое-то время молчал.

– Мы просто не можем помочь тебе как-то иначе, Аксель. В наших местах невозможно жить на улице зимой, потому что здесь слишком холодно. В Ганнисоне нет муниципальных учреждений для бездомных, а от помощи благотворительных организаций ты отказываешься.

– Они все хотят от меня одного и того же, – категорично сказал Аксель.

– Все беспокоятся о тебе, Аксель. Ты служил нашей стране. Ты помогал всем нам, а теперь мы хотим помочь тебе.

Аксель показал на небо.

– А тебе известно, что над нами всегда находятся три спутника, вычисляющие твоё местоположение? Но до меня их алгоритмы не доберутся, потому что я живу там, где мне захочется. Я не вписываюсь. Не попадаю в единую компьютерную систему. Я не ем их генетически модифицированную еду.

– Ну хорошо... – начал говорить Том.

– Когда ты приходишь в кофейню, они спрашивают твоё имя, а ты никогда не задумывался зачем? На кой им твоё имя? Чтобы продать тебе

чашку кофе? И они заносят его в компьютер! Это просто один из тысячи способов, с помощью которых за тобой следят.

Я чувствовала, что Акселью становится все тревожнее и тревожнее, и ткнула носом в его руку, чтобы он знал, что я рядом.

– Ты опять начал колотиться, Аксель? – тихо спросил Том.

Аксель отвернулся. Теперь он был в ярости. Я опять ткнула носом в его руку. Мне просто хотелось, чтобы он повеселел.

– Ну хорошо. – Приятный полицейский встал. По его движениям я поняла, что он не будет пытаться увести меня с собой. – Помни то, что я сказал, Аксель. Я не могу заставить тебя обратиться за помощью, но мне хочется, чтобы ты знал, как все о тебе беспокоятся. Если ты попытаешься жить на улице зимой, вы оба: и ты, и твоя собака умрете. Пожалуйста, подумай об этом. – Он сунул руку в карман и что-то положил в металлическую банку. – Не падай духом, Аксель.

* * *

Совершенно неожиданно Аксель сложил все свои пожитки в тележку и покатил ее в парк. Мы зашли в его дом, но это был очень странный дом – там была крыша, но не было стен, было несколько столов, но не было никакой еды. Двор был огромен, и на нем было несколько горок, но я не показала Акселью, что умею по ним взбегать, потому что он все время держал меня на поводке.

Иногда в парк приходили и другие собаки, и я начинала скулить, потому что мне ужасно хотелось побегать вместе с ними. Аксель не возражал, когда они подходили ко мне, но не давал мне следовать за ними, когда они убегали вслед за мячиками или за детьми.

– Они все занесены в базу данных, Белла. У них всех под кожу вживлены чипы, – говорил он мне. Я слышала в его голосе категоричность, когда он произносил мое имя, и понимала, что он не позволит мне поиграть.

Нас часто проводывали другие люди. У всех у них были за плечами мешки или пакеты, которые они несли в руках, и они часто пили из бутылок, испускающих резкий запах Сильвии, передавая их друг другу, разговаривая и смеясь. В доме был металлический ящик на столбе, и они жгли в этом ящике дерево, держа над огнем руки, чтобы согреть их. Это напоминало мне о том, как я нашла на огне большой кусок мяса, который оставили специально для меня в месте, похожем на большой парк, и о том,

как на меня смотрел маленький ребенок, когда я уносила мясо, чтобы разделить его с Большой Киской.

– Черт, становится все холоднее, – часто повторял мужчина по имени Райли. Мне нравился Райли, у него были очень ласковые руки, а его дыхание пахло так же, как у Мамы-Кошки. – Надо перебираться на юг, пока зима не разыгралась в полную силу.

Люди – помимо Акселя там было еще трое мужчин – кивали и что-то утвердительно бормотали.

– Я никуда отсюда не уйду, – как-то резко ответил Аксель.

Остальные переглянулись.

– Ты не можешь остаться здесь, Аксель. Начиная с декабря здесь все время морозно, а часто температура вообще падает ниже нуля^[1], – сказал Райли.

– Я никуда не уйду. Больше я никуда не уйду. Здесь я в безопасности.

– Нет, не в безопасности, – тоном, не терпящим возражений сказал другой мужчина. Он только что здесь появился, и я не знала его имени, но другие звали его «Не Вылакай Все Черт Бы Тебя Подрал». – И ты, и твоя собака замерзнете до смерти.

Часто эти мужчины передавали по кругу какую-то маленькую тонкую штуку, похожую на карандаш. Они прикладывали кончик этого карандаша к своим рукам на внутренней стороне локтя, потом все они начинали смеяться, а затем засыпали. Всякий раз после этого я чувствовала, как Акселя охватывает глубокий покой, но меня всегда очень беспокоило то, что он после прикосновения этого карандаша спал слишком крепко, какой бы ни стоял холод. Я прижималась к нему, чтобы ему было тепло, и ждала, когда он проснется.

У Лукаса тоже были карандаши, но я ни разу не видела, чтобы он тыкал ими в свою руку.

Когда мужчины покидали нас, они уходили всей группой, неся свои мешки и пакеты так же, как Тэйлор, когда он уезжал на несколько дней.

– Здесь тебе не удастся пережить эту зиму, приятель. Прошу тебя, пошли с нами, – с жаром в голосе сказал Райли.

Аксель погладил меня.

– Я остаюсь.

– Ты тупой ублюдок, и, если сдохнешь, так тебе и надо, – засмеялся «Не Вылакай Все Черт Бы Тебя Подрал». Аксель сделал какой-то быстрый жест рукой, мужчина рассмеялся снова, и в его смехе было что-то такое, отчего шерсть у меня на загривке встала дыбом.

Когда в доме без стен остались только мы двое, мне стало одиноко. Я

радовалась, когда мы возвращались в город и садились на наши расстеленные на тротуаре одеяла. Многие люди останавливались, чтобы поговорить с нами. Некоторые давали мне лакомства, и иногда Акселью приносили пакеты с собачьим кормом.

Один мужчина сел на одеяла и долго говорил с Акселем.

– Сегодня вечером температура приблизится к нулю, Аксель. Может быть, ты зайдешь в церковь? Там ты мог бы согреться и принять душ. Сделай это хотя бы ради твоей собаки.

– Ваша церковь не настоящая. Слова, которые в ней произносят, не идут дальше ее дверей, – ответил Аксель.

– Тогда скажи, что я могу для тебя сделать?

– Я не нуждаюсь в помощи таких, как вы, – холодно сказал ему Аксель. Он встал, начал засовывать свои вещи в тележку, и я поняла, что мы снова идем в парк.

Когда мы туда пришли, я увидела, что на парковке стоят четыре машины, а в доме без стен толпятся люди, но по запаху я определила, что Райли среди них нет. Один из них отделился от остальных и двинулся к нам. Я узнала его – это был дружелюбный полицейский Том.

– Привет, Аксель. Привет, Белла. – Он почесал мою грудь, и я завиляла хвостом.

– Я не сделал ничего плохого, – сказал Аксель.

– Я знаю. Все в порядке. Ты можешь на минутку зайти в павильон? Все в порядке, Аксель, поверь мне. С тобой не случится ничего плохого.

Весь напрягшись, Аксель последовал за Томом туда, где толпились люди. Под крышей дома без стен на опорах стоял маленький дом из ткани, рядом находились пластиковые ящики и плоский металлический ящик. Том махнул людям, толпившимся вокруг, и они отступили назад, так что под крышей остались стоять только Аксель, полицейский Том и я.

– Послушай, Аксель. – Том отогнул ткань на домике из ткани, и получилась дверь. – Видишь? Эта палатка была создана для условий Арктики. Там внутри есть пропановый обогреватель. И альпинистский спальный мешок. В холодильных камерах есть еда. А плита для готовки снабжена электрической зажигалкой.

Я с любопытством принялась к внутренности тканевого дома.

– Что все это значит? – резко спросил Аксель.

Том плотно сжал губы.

– Послушай, когда ты уходил на войну в Афганистан, твой отец поговорил с нами и...

– С вами, – перебил его Аксель. – О ком это ты говоришь?

Том заморгал.

– С людьми, Аксель. Твоя семья жила в Ганнисоне с давних пор. Он просто хотел, чтобы после его смерти здесь были родные тебе люди, которые бы могли о тебе позаботиться.

– У меня нет родных.

– Я понимаю, почему ты так говоришь, но ты не прав. Мы твои родные. Мы все, Аксель.

Я не понимала, почему Аксель так расстроен, но чувствовала, что частично это, должно быть, объясняется тем, что вокруг стоят люди и смотрят, как он говорит с Томом. Я пристально оглядела их, но они явно не собирались делать ничего угрожающего или враждебного. Наконец все они разошлись, и мы с Акселем остались одни.

– Давай посмотрим, что из себя представляет эта палатка, Белла, – сказал он мне.

Ночью нам было так тепло, как не бывало уже давно. Мы спали в тканевом доме, который, как я скоро узнала, назывался «палатка». Аксель дергался и вскрикивал во сне, напоминая мне Мака. Я облизала его лицо, он проснулся и успокоился, положив руку на мою шерсть.

– Они чего-то хотят от меня, Белла, – пробормотал он. Услышав свое имя, я завиляла хвостом.

* * *

Каждые несколько дней к нам приходил Том и оставлял в пластиковых ящиках еду. Иногда Аксель бывал весел, и тогда они немного разговаривали, но иногда он был настроен враждебно и сердит, и тогда Том просто давал мне небольшое лакомство и уходил.

Мне нравился Том, но я понимала, что Аксель не всегда рад его видеть.

Мы по-прежнему ходили в город. Иногда мы какое-то время сидели на одеялах, и люди останавливались рядом и клали что-то в металлическую банку, а потом Аксель переходил улицу, заходил в одно из зданий и возвращался с бутылкой, от которой пахло так же, как от Сильвии. А иногда он привязывал меня к забору и оставлял очень, очень надолго, а потом наконец возвращался, и мы сразу же возвращались к палатке. Он тыкал себе в руку пластиковым карандашом, затем мы забирались в палатку, и он спал долго-долго.

Зима была холодной, и стужа жгла мое горло и подушечки моих лап.

Мне постоянно хотелось забраться в теплую палатку, и я с удовольствием ложилась в нее и прижималась к Акселю. Я знала, что когда-нибудь вернутся летние деньки, и, возможно, тогда я смогу опять возвратиться на тропу в холмах и выполню «Иди Домой», но сейчас ничто не вынуждало меня покидать безопасное тепло, которое Аксель производил, просто крутя круглые ручки на металлическом ящике, который стоял внутри палатки.

Солнце ползло по небу вниз, и мы возвращались из города в парк, когда я почуяла запахи дыма, горящего дерева и людей, людей, находящихся рядом с нашим домом без стен. Это был не Райли, а трое не знакомых мне мужчин, и их тени плясали в пламени, которое они разожгли в металлическом ящике на столбе. Мы только что зашли в парк и с трудом шли по высокому снегу, когда один из них громко рассмеялся, и Аксель вскинул голову, только сейчас поняв, что в нашем доме кто-то есть. Он напрягся, и я почувствовала, как его охватили страх и гнев, и ткнулась мордой в его руку.

Мужчины были молоды, и они с грохотом расшвыривали вещи Акселя и топтали их. Аксель тяжело дышал, но не двигался с места, глядя, как они топчут его пожитки.

Как ни странно, я сразу же мысленно перенеслась в то время, когда нас с Большой Киской преследовали койоты, которые загнали нас к скальной стене. То, что происходило сейчас, было чем-то похоже на то, что произошло тогда. Только сейчас перед нами были не плохие собаки, а плохие мужчины. Плохие мужчины, как тот, которого Мамуля заставила не карачках вылезти за дверь. Плохие, как тот, который приходил к Сильвии, чтобы сделать ей больно.

Датч тогда хотел укусить того мужчину, и мы оба зарычали на него, и он ушел.

И теперь я знала, что надо делать.

Глава 23

Из моего горла вырвался сердитый рык. Аксель взглянул на меня с удивлением. Затем он выпрямился, его страх растаял и уступил место ярости. Я чувствовала, как она исходит от него, словно жар.

– Да, Белла, ты права. Это нельзя терпеть. – Он бросился бежать, и я понеслась рядом с ним, мы бежали беззвучно, потому что наши шаги заглушал снег. Я чувствовала себя так же, как тогда, когда противостояла койотам – меня охватил свирепый, лютый гнев. Я еще никогда не кусала человека, но, похоже, Аксель сейчас хотел от меня именно этого – и я реагировала так же, как если бы он выкрикнул такую команду.

Трое молодых мужчин резко обернулись, когда мы с Акселем ворвались в круг света от горящего в металлическом ящике огня. Я оскалилась, свирепо зарычала и набросилась на ближайшего мужчину, опрокинув его на землю. Мои зубы щелкнули у самого его лица, но Аксель остановил меня, дернув за поводок.

– Черт! – крикнул один из них, и те двое, которые остались стоять, бросились бежать и скрылись в темноте, а тот, который лежал на земле, начал отползать. Аксель шел следом, и вместе с ним двигалась я.

– Зачем вы это сделали? На кого вы работаете? – спросил Аксель.

– Пожалуйста, не позволяйте вашей собаке кусать меня.

Мы долго стояли над ним, затем Аксель оттащил меня назад.

– Хватит, Белла. Хватит, – мягко сказал он.

Третий мужчина торопливо вскочил на ноги и убежал в темноту вслед за двумя остальными. Через несколько мгновений на парковке зажглись фары, и я услышала, как, ревя, уехала машина.

Мы с Акселем повернулись и посмотрели на то, что осталось от нашего дома. Палатка была расплющена, пластиковые ящики разбиты, еда разбросана. От Акселя сейчас исходила такая глубокая грусть, что я даже немного поскулила, желая подарить ему хоть какое-то успокоение, но не зная, как это сделать.

Аксель снова раздул погасший было огонь в металлическом ящике на столбе, вделанном в цемент. Он подтащил к нему одеяла и остатки палатки, и мы с ним легли и провели ужасную ночь. Сначала мне было тепло, потому что я прижималась к нему, но мало-помалу мое тело замерзло, а нос и язык начали ныть от холода. Я свернулась в такой тугий клубок, в какой только могла, а хвост положила на нос. Аксель обхватил меня руками и

сжал, и я почувствовала, как дрожит его тело. Мне никогда еще не было так холодно. Я не спала всю ночь, и Аксель тоже. Он просто прижимался ко мне, я вдыхала его запах, и мне ужасно хотелось, пойти куда-нибудь, где будет тепло.

Мы встали на рассвете. Аксель покопался в снегу и нашел кусок курицы, который зашипел, когда он положил его в металлический ящик. Мы с ним разделили эту скудную трапезу, потом я подняла глаза и увидела, как на парковку заезжает знакомая машина. Шум ее шин немного заглушал снег. Из нее вышел Том и, с хрустом шагая по снегу, подошел туда, где, съездившись у нашего еле теплящегося огня, стояли мы.

– Какого черта? Что здесь стряслось? – спросил он. – О боже, Аксель.

– Сопляки, – отрывисто сказал Аксель. – Просто сопляки.

– О господи. – Том грустно потыкал носком ботинка то, что осталось от нашего дома. – Ты их узнал?

Аксель посмотрел на Тома.

– О да. Я совершенно точно знаю, кто они.

* * *

Ближе к вечеру того же самого дня на парковку заехало сразу несколько машин. Аксель встал, и я тоже встала и повернулась, чтобы смело встретить возможную угрозу, но сразу же определила, что один из приближающихся к нам людей – это Том.

Узнала я и три других запаха, а именно запахи тех самых троих молодых мужчин, которые были здесь вчера вечером. Они с явной неохотой вышли вперед. За ними шли трое мужчин постарше, которых я никогда прежде не встречала, и на лицах их была написана суровая непреклонность.

Впереди этой группы шел Том. Все они зашли под крышу дома без стен, и трое молодых мужчин устали в землю.

– Привет, Аксель, – поприветствовал Акселя Том.

– Привет, Том. – Я давно не видела Акселя таким спокойным.

– Вероятно, ты узнал эту троицу, – сказал Том.

– Да, вчера вечером они зашли ко мне с визитом, – насмешливо ответил Аксель.

Один из молодых мужчин фыркнул и отвернулся, и тогда мужчина постарше, стоявший за его спиной, сделал шаг вперед и сильно ткнул его кулаком между лопаток.

– Слушай, когда с тобой говорят! – рявкнул он.

Все трое молодых мужчин разом вскинули головы.

– Мы просим прощения за то, что натворили наши сыновья, – заговорил другой из мужчин, стоящих сзади.

– Нет, – сурово сказал Аксель. – Я хочу услышать, как извиняются они сами.

– Мы это, были пьяны, – запинаясь, сказал один из молодых мужчин.

– Это не оправдание, – резко бросил Аксель.

Трое молодых мужчин неловко переминались с ноги на ногу.

– Ну, так что вы скажете сержанту Ротману? – резко спросил один из мужчин постарше.

– Простите нас, – пробормотали один за другим молодые мужчины.

– Они здесь все уберут, пока их отцы и я отправимся в город и купим все, что требуется, чтобы заменить то, что они разгромили, – сказал Том Акселью. – Эти парни заплатят за все из своего кармана – так мы договорились. Скажем одно – все лето они будут очень заняты, они будут работать на город, очищая его от мусора.

– Я останусь тут и прослежу за тем, чтобы они не отлынивали, – объявил один из мужчин постарше.

– О, об этом не беспокойтесь, – ответил Аксель. – Я могу это сделать и сам.

Трое молодых мужчин уныло переглянулись. Том усмехнулся.

Есть такие вещи, которые никогда не поймет ни одна собака. Я пришла в замешательство, когда Том и его друзья уехали, а трое молодых мужчин остались и стали собирать и складывать то, что осталось от вещей Акселя, пока Аксель наблюдал за ними, скрестив руки на груди. И я была очень озадачена, когда мужчины постарше вернулись и дали нам новую палатку и другие новые вещи взамен тех, которые сломали мужчины помладше.

Вскоре все они уехали, остался только Том.

– Сдается мне, я только сейчас по-настоящему познакомился с солдатом, который получил Серебряную звезду, – тихо сказал он.

Аксель спокойно на него посмотрел:

– Ее не получают, а заслуживают на поле боя, Том.

– Извините, сержант. – Том улыбнулся, потом улыбка сползла с его лица. – Мне просто хочется, чтобы ты позволил людям помочь тебе, Аксель.

– Это люди сотворили со мной все это, Том, – ответил Аксель.

Часто ночами Аксель вертелся во сне, бормотал и кричал, а днем нам нередко бывало невообразимо холодно, и мы крепко прижимались друг к другу, чтобы хоть немного согреться. Но временами, и все чаще и чаще, Аксель просто падал и лежал, не реагируя ни на что, и из уголков его рта текла слюна, а когда он наконец просыпался, то был совсем заторможен. Похоже, он был болен, и я с беспокойством тыкалась носом в его руки. Мне так хотелось, чтобы сюда пришел Лукас. Лукас знал бы, что надо делать.

Мало-помалу солнце сделалось теплее, и воздух наполнился пением насекомых и птиц. В парке появились белки! Мне очень хотелось погонять их, но Аксель все время крепко держался за мой поводок. В парк приходили собаки, на горках играли дети, и зеленые высокие влажные травы покачивались под легким ветерком.

К нам пришел Том, чтобы дать мне лакомство.

– Погода уже стоит хорошая, и в парк начинают приходиться семьи. Так что тебе придется отсюда перебраться, ведь официально здесь никому не разрешается оставаться после наступления темноты, – сказал он Акселю. – И людям хочется пользоваться этим навесом, но они... боятся. – Он сказал это печально.

– Я никому не причиняю вреда, – сказал Аксель.

– Ну... к нам поступали жалобы. Если хочешь, я сохраню твой обогреватель.

– Ладно, я уйду. И идите вы все к черту, – огрызнулся Аксель.

– Не говори так, – грустно сказал Том.

Я не поняла из их разговора ни единого слова, и они не упоминали моего имени, но Аксель сложил все свои вещи в тележку и покатил ее вон из парка. Мы долго шли по дороге, идущей вдоль реки, потом свернули на тропинку, которая привела нас на плоский песчаный берег. Здесь Аксель снова установил палатку и устроился так основательно, что я поняла – мы здесь надолго.

Шло время, и Аксель страдал все больше и больше. Он стал чаще кричать во сне, а днем начал громко разговаривать со мной, показывая рукой на небо. Иногда он начинал тяжело дышать и беспокойно дергаться, а потом уходил в сторону города, привязав меня к пню. Когда он возвращался, то приносил один из своих карандашей и веселел, но ненадолго. Затем он валился с ног и крепко спал. Поскольку я и тогда была привязана к его руке, чтобы присесть и сделать «Делай Свои Дела», я

отходила от него так далеко, как только позволял мне поводок.

В одну из таких ночей я почуяла знакомую вонь и, когда посмотрела туда, откуда она доносилась, увидела одинокого койота, стоящего на противоположном берегу реки. Я тихо зарычала, но я знала – он не переплывет текущую воду. Аксель никак не отреагировал ни на его запах, ни на мою нарастающую ярость, и в конце концов маленькая плохая собака убралась прочь.

Я сильно встревожилась, когда Аксель начал целыми днями ходить по берегу и истошно кричать. Он разобрал палатку и со злостью швырнул ее на землю, так что получилась бесформенная куча. Он забыл покормить меня один раз, затем второй, а потом высыпал на землю целый пакет корма и, привязав меня к пню, покинул меня, сердито отшвыривая ногами камешки, пока шел по тропинке прочь.

Его не было два дня. Я съела весь корм и пила воду из реки. Мне было грустно и тревожно. Разве я была плохой собакой? Когда он вернулся, он все время спотыкался и громко разговаривал и даже не заметил, как безумно я была рада увидеть его вновь. От его дыхания исходил такой запах, что это напомнило мне Сильвию.

Он сел на камень у реки, сгорбился, и по его движениям я поняла, что он опять тычет пластиковым карандашом в свою руку. Я знала, что за этим последует. И действительно, он расслабился, начал смеяться и назвал меня хорошей собакой. Объявший его покой стер с его лица весь страх и всю злость. Вскоре его глаза начали очень медленно моргать.

– Белла. Ты мой лучший друг, – сказал он мне. При звуке моего имени я завалила хвостом.

Аксель тяжело свалился прямо на землю, медленно дыша. Я свернулась, прижавшись к его боку, ведя себя как хорошая собака и даря ему успокоение. Сейчас он не чувствовал боли, и его дыхание было медленным.

Через некоторое время оно остановилось совсем.

* * *

Я пролежала всю ночь, положив голову на постепенно остывающую грудь Акселя. Мало-помалу его запах менялся по мере того, как то, что было этим человеком, уходило и его тело наполнялось чем-то другим.

Аксель был хорошим человеком. Он никогда не делал мне ничего плохого. Он часто бывал сердит и грустен, и испуган, и расстроен, но он

никогда не вымещал этих чувств на мне. Я изо всех сил старалась быть для него хорошей собакой и заботиться о нем. Я тосковала по нему, лежа сейчас рядом с ним, и мне хотелось, чтобы он сел и поговорил со мной в последний раз. Я вспомнила, как мы жались друг к другу в ту студеную ночь. Как, когда у него была еда, он делился ею со мной, как я делила еду с Большой Киской.

– Первый кусочек тебе, Белла, – говорил он мне, отрывая кусок от чего-нибудь съестного и отдавая его мне. Я слышала свое имя и чувствовала его любовь. Аксель любил меня, и вот теперь он умер.

Он не был Лукасом, но, тоскуя по нему сейчас, я не чувствовала, что предаю Лукаса. В своей жизни я привязывалась ко многим людям и помогала им: не только Мамуле и Маку, и Лейле, и Стиву, но и Гэвину с Тэйлором, и даже Сильвии. Я просто должна была это делать. А Акселю я была нужна куда больше, чем кому-либо еще.

В моей миске была вода, и это было хорошо, потому что мой поводок, привязанный к запястью Акселя, не давал мне дотянуться до реки. Не могла я дотянуться и до пакета с моим кормом.

Встав на лапы, я увидела машины, несущиеся по мощеной дороге, которая находилась неподалеку. Иногда из окна такой машины высовывалась голова собаки, которая лаяла на меня. Но в большинстве машин не было собак, даже если от них пахло так, будто когда-то они там были.

В конце концов я проголодалась. Иногда я поглядывала на неподвижное тело Акселя, неосознанно ожидая, что он покормит меня, но потом, видя, как неподвижно он лежит, вспоминала, что он мертв, и мне опять становилось одиноко. Я выполнила «Сидеть», думая, что, если люди, едущие в машинах по дороге, увидят, какой хорошей собакой я могу быть, они остановятся и положат в мою миску еды. Но за целый день никто так и не остановился. Когда стемнело, я изо всех сил натянула свой поводок, пытаюсь добраться до своего ужина и чувствуя себя из-за этого плохой собакой, но рука Акселя не сдвинулась с места.

Когда я коснулась носом его лица, Аксель был холодный и твердый. От его одежды все еще исходил его запах, но в целом от него пахло так, будто он никогда и не был человеком.

Я вгляделась в темноту, думая о Лукасе. Где он сейчас? Лежит ли он сейчас в кровати, тоскуя по своей собаке, как я тоскую по нему? Может быть, он сейчас открыл входную дверь, чтобы посмотреть, не сделала ли я «Иди Домой» и не лежу ли на своем месте у стены под кустами? Может быть, он держит сейчас наготове лакомство, чтобы сыграть в «Крохотный

Кусочек Сыра», и ждет, чтобы я подпрыгнула и слизнула его с его пальцев? Я скулила, плакала, а потом подняла нос к луне и жалобно завывала. Это был странный звук, не привычный моему горлу, и в нем изливалось все мое горе.

Откуда-то издалека до меня донесся ответный вой, выражение одиночества, которое испытывала сейчас какая-то другая собака, множество собак залаяло, но никто не пришел, чтобы посмотреть, отчего мне так грустно.

Наутро вода в моей миске почти закончилась. Я начала лаять на машины – если они не останавливаются ради хорошей собаки, то может быть, они остановятся ради плохой собаки, которая не выполняет «Не Лай».

Они не остановились. Днем, вылизав из миски последние капли воды, я начала учащенно дышать. От реки шел манящий аромат – аромат освежающей живительной воды. Она была рядом, но я не могла ее достать. Я жаждала пробежать по берегу и прыгнуть в воду. Мне хотелось плавать в ней, кататься по ней, играть в ней весь день. Большая Киска могла бы смотреть с берега на то, как я ныряю в нее и открываю под водой пасть, словно пытаюсь поймать ею тонущего котенка.

Помочь мне мог только человек. Мне было нужно, чтобы кто-нибудь пришел и помог мне. Почему же никто не останавливается?

Моя пасть так пересохла, что начала болеть. Мои лапы дрожали, и я раз за разом бросалась вперед, бессильная перед удерживающим меня поводком, чувствуя, что вода совсем рядом, но не имея возможности дотянуться до нее и попить.

Я начинала заболеть; я чувствовала, как болезненное состояние нарастает, охватывает все мое тело, которому становилось то жарко, то холодно, так что я слабела и дрожала. Я визжала и плакала, тоскуя по Лукасу еще больше, чем когда-либо с тех пор, когда видела его в последний раз.

Солнце было близко к закату, когда я почувствовала запахи приближающихся людей – это были мальчики, они перекликались между собой юными звонкими голосами. Увидев их на дороге, я поняла, что они едут на велосипедах. Я залаяла, отчаянно моля, чтобы они остановились и помогли мне.

Но они проехали мимо.

Глава 24

Охваченная чувством собственного бессилия, я лаяла и лаяла вслед этим мальчикам, так что от натуги у меня заболело горло.

И тут я услышала, что велосипеды едут назад. Я перестала лаять.

– Видите? – спросил один из мальчиков.

Их было четверо. Они остановились на дороге, не сходя со своих велосипедов.

– Зачем кому-то понадобилось привязывать там собаку? – спросил еще один мальчик.

– По-моему, она голодная, – заметил другой.

– Она тяжело дышит, может быть, она бешеная.

Я выполнила «Сидеть». Я завиляла хвостом. Я потянулась к этим мальчикам, насколько мне позволял поводок, и встала на задние лапы, прося, чтобы они подошли.

Мальчики слезли с велосипедов, закатали их в траву и положили на бок. От того, который шел впереди, сильно пахло пряной едой. Он был высок и худощав, с темными волосами.

– Ты в порядке, песик? – Остальные мальчики остались стоять у дороги, этот же осторожно стал подходить ко мне. Я изо всех сил завиляла хвостом. – Пес, похоже, дружелюбный! – крикнул он через плечо. Мальчик подошел ко мне совсем близко, протягивая руку. Едва его пальцы оказались в пределах моей досягаемости, я лизнула их, почувствовав на его коже вкус лука и пряностей. Он погладил меня, и я прыгнула на него, уперев передние лапы ему в грудь, чувствуя огромное облегчение оттого, что меня наконец нашел человек и что теперь у меня будут еда и вода.

– Эй, бросьте сюда мою бутылку с водой! – сказал мальчик. Остальные мальчики уже успели опасно подойти ко мне поближе, но сейчас один из них вернулся назад, к велосипедам, бросил какую-то штуку тому, который стоял рядом со мной, и тот поймал ее. Это была бутылка с водой. Я понюхала воду, прежде чем он налил ее в мою миску, потом начала жадно ее лакать, желая погрузить в нее всю голову. Мой хвост вилял, и я пила, и пила, и пила.

– Похоже, ее поводок зацепился за какую-то железяку. – Теперь ко мне подошли все мальчики, они стояли между мною и дорогой. Я виляла хвостом и обнюхивала их протянутые руки, но ни от одной не пахло пряностями так, как от высокого мальчика с черными волосами.

Один из мальчиков поднял мой поводок и, не натягивая его, пошел вдоль него к реке.

– А-а! – истошно закричал он.

Мальчики бросились прочь от меня, назад, к своим велосипедам.

– Что ты там нашел?

– В чем дело?

– О господи!

– Да что же там? Что ты видишь?

– Здесь труп.

– Что-что?

– Тут лежит мертвый чувак!

Мальчики стояли теперь на таком расстоянии, что я не могла до них дотянуться. Я выполнила «Сидеть», как хорошая собака, которой нужна еда, чтобы поесть после того, как я выпила воду, которую мне дали.

– Не может быть, – сказал наконец один из мальчиков.

– Ты заливаешь.

– Ты что, серьезно? Там и правда труп?

– Откуда ты знаешь, что он мертв? – наконец спросил Мальчик с пряными руками.

– Это тот бездомный мужик. Ветеран.

– Ну и что с того? – спросил Мальчик, пахнувший пряностями.

– Отец говорил мне, что этот бездомный ветеран перебрался к реке вместе со своей собакой. Ну, ты знаешь, тот солдат, который вечно орал на улице?

– Понятно, но откуда ты знаешь, что он мертв?

Последовала пауза.

– Эй, мистер? – неуверенно позвал Мальчик, пахнувший пряностями. – Мистер? – Мальчик подошел ко мне и положил руку мне на голову. Я почувствовала его возбуждение и страх. Потом он присел там, где на одеялах лежало то, что прежде было Акселем, подергал за мой поводок, и тот захлопал по моему ошейнику.

– Он и правда умер, – категорично сказал Мальчик, пахнувший пряностями.

– Ничего себе.

– О боже.

Мальчики, похоже, были охвачены возбуждением. Больше ни один из них не подошел туда, где рядом со мной стоял тот из них, от которого пахло пряностями.

– Через пару часов стемнеет, так что же нам делать? – спросил тот из

мальчиков, который стоял от меня дальше всего.

– Я останусь здесь, чтобы никто не смог ничего сделать с уликами, – угрюмо сказал Мальчик, пахнувший пряностями. – А вы позвоните в девять один один.

* * *

Мальчик, пахнувший пряностями, остался со мной, а остальные уехали на своих велосипедах. Мальчик обошел по кругу одеяла Акселя, нашел пакет с моим кормом и высыпал корм в мою миску. Я с благодарностью проглотила мой ужин.

– Мне очень жаль, – шепнул он мне после того, как я поела, и погладил меня по голове. – Мне очень жаль, что твой хозяин умер.

Мне все еще хотелось пить, но ситуация не изменилась – я по-прежнему была привязана к поводку, который вел к твердому, тяжелому телу. Я с надеждой посмотрела на Мальчика, пахнущего пряностями, но он не дал мне еще воды.

Было очень тихо, но я хорошо различала журчание текущей воды. Мало-помалу я начала ощущать страх, который нарастал в Мальчике, пахнущем пряностями. Чем ниже опускалось солнце, тем страшнее ему становилось оставаться рядом со мной и мертвым Акселем. Я знала, что должна сделать. Я подошла к мальчику и прижалась к нему, чтобы подарить ему успокоение. Он взъерошил пальцами мою шерсть, я почувствовала, как он расслабился, хотя и совсем немного.

– Ты хорошая собака, – сказал он мне.

Скоро приехали несколько мужчин и одна женщина, которые вышли из больших машин с мигающими огнями на крышах. Они подошли и посмотрели на одеяла Акселя. Один из них отвязал от тела Акселя мой поводок и передал его конец Мальчику, пахнущему пряностями, который со степенным видом взял его. Он подвел меня к реке, и я напилась вволю. Я была права – люди всегда знают, что делать.

Вскоре приехал Том, и на крыше его машины тоже мигали огни. Он подошел к одеялам Акселя и присоединился к кругу остальных людей.

– Скорее всего, это передозировка. Узнать точно, отчего он умер, мы сможем, только тогда, когда отвезем его в город, – сказала женщина.

– О боже.

Они стояли и молчали. Том опустил на колени, и я почувствовала, как от него исходит горе. Он прижал руку к лицу и заплакал. Один из

остальных мужчин обнял его за плечи.

– О боже, – повторил Том. – Какая нелепая смерть. Какая трагедия.

– Он был замечательный человек, – сказал один из мужчин.

– Вот именно, был. – Том в недоумении покачал головой. – Да, он был замечательный человек. И смотрите, каким оказался его конец.

По дороге подъезжали все новые машины. Они останавливались, из них выходили люди и стояли во все тускнеющем свете, выстроившись вдоль дороги. Большинство из них стояли молча, причем многим, похоже, было очень грустно. Я видела, как мужчины и женщины вытирают глаза.

– Ну все, давайте унесем его отсюда, – сказала женщина, которая первой вышла из большой машины с мигающими огнями на крыше.

Они подняли с земли тело Аксея и его одеяла, отнесли все это к дороге и погрузили в один из грузовичков с огнями на крыше.

Когда я услышала звуки их голосов, я поначалу не поняла, что они делают, но потом до меня дошло, что они поют, как, бывало, пела Мамуля, когда стояла на кухне у раковины и лила воду на тарелки. Сначала пели только несколько людей, потом к ним начали присоединяться все новые и новые голоса, пока мне не показалось, что поют они все. Я, конечно, не понимала слов, которые они пели, но чувствовала звучащие в их голосах боль, сожаление и горе.

И в воздухе, и на суше,
И в океанской дали
Мы бьемся во всех сраженьях
Во славу родной земли.
За право и за свободу
Идем мы первыми в бой,
Мы воины американской
Славнейшей пехоты морской.

Закончив петь, люди склонили головы и положили руки на плечи друг другу. Грузовичок с телом Аксея медленно поехал прочь, и, когда он проезжал мимо них, некоторые из людей протягивали руки и касались его боков.

Затем все стали рассаживаться по своим машинам, тихо говоря друг с другом. И машины по одной начали медленно уезжать.

– Рик! – крикнул какой-то мужчина. – Твой велосипед у меня. Поехали.

Мальчик, пахнувший пряностями, посмотрел на меня. Он явно колебался.

– Рик! Иди сюда сейчас же!

– С тобой все будет хорошо, – шепнул он мне. – Я найду кого-нибудь, кто о тебе позаботится.

– Рик, черт бы тебя побрал, пошевеливайся! – заорал мужчина. Некоторые из людей, стоящих на дороге, неодобрительно напряглись.

– Кто-нибудь, присмотрите за собакой, – крикнул Мальчик, пахнувший пряностями, и начал торопливо подниматься по берегу к дороге. Несколько человек повернулись и посмотрели на меня, но никто из них не поднял мой поводок.

Немного постояв, я вернулась туда, где на берегу оставалось несколько мешков и одеял Акселя. На мягкой ткани явственно чувствовался его запах, и я втянула его в себя. Я была хорошей собакой и дарила Акселю успокоение, но он умер. И я поняла, что сейчас вдыхаю его запах в последний раз. Он покинул меня и уже не вернется никогда.

Ситуации повторяются, и именно так собака учится новым вещам. Чтобы сделать «Иди Домой», я оставила в доме Лоретты и Хосе мое одеяло, пахнувшее Лукасом, а теперь я оставлю на берегу этой реки одеяла, пахнущие Акселем.

Грусть и горе, которые я сейчас испытывала, были мне знакомы – я чувствовала их всякий раз, когда мне казалось, что я больше никогда не увижу Лукаса. И сейчас я ощущала такую же боль. Я больше никогда не почувствую руку Акселя на моей голове, никогда не буду спать рядом с ним, и он больше никогда не даст мне лакомства, держа его между пальцами и улыбаясь мне.

Я посмотрела вверх, где стояла все редееющая толпа людей. Среди них был Том – если кто сейчас и обратит на меня внимание, то это будет Том. Он мне нравился, и я была ему благодарна за то, что он всегда приносил мне лакомства, но он был занят разговором с другими людьми. Он занимался сейчас человеческими делами, и, хотя обычно собака бывает очень важна для людей, в нынешней ситуации их внимание было занято отнюдь не мной.

Я пошла прочь, и никто не позвал меня по имени. Я трусила вдоль берега туда, где меня ждала прохладная тень сгущающихся сумерек.

Настало время выполнить «Иди Домой».

Я, не останавливаясь, трусила вперед, и из-за волочащегося за мной поводка мою шею что-то постоянно дергало, что меня раздражало. Из-за поводка я двигалась медленнее, чем могла бы, а потом все стало еще хуже,

потому что он зацепился за упавшее дерево и рывком остановил меня, так что я не могла идти дальше. Я заскулила, досадуя на свое бессилие и чувствуя ненависть к этому поводку. Я пыталась тянуть его, но он не поддавался. Я обогнула дерево, но это не помогло. Я застряла.

Я схватила поводок зубами и потрясла его, но и это не подействовало.

Я огляделась по сторонам и только сейчас осознала, что город остался далеко позади. Рядом тек ручей и росли редкие деревья и невысокие кусты, в которых я могла бы укрыться, но, когда взошла луна, я почувствовала себя очень уязвимой. Откуда-то издалека до меня доносился едва различимый запах койотов. А что, если и они чуют мой запах? Я подумала о том, как бы они обрадовались, найдя меня здесь, зацепившуюся за бревно и не имеющую возможности защищаться, и меня пронзил страх.

Вертясь и натягивая поводок, пока ошейник не начал натирать мне шею, я перепробовала все, что могла придумать, чтобы избавиться от поводка. Наконец я попятилась от дерева, чувствуя, как ошейник скользит по моей шее к голове. Внезапно он стал очень неудобным и начал меня душить. В отчаянии я наклонила голову и, напрягшись, потрясла ей. И вдруг, когда я меньше всего этого ожидала, ошейник слетел с меня.

Я сразу же почувствовала себя плохой собакой. На мне не было ошейника только однажды – в ту пору, когда я находилась в комнате, полной вольеров и лающих собак. Люди дают собакам ошейники, чтобы собака знала, что она принадлежит человеку. Ощувив, что на моей шее больше нет ошейника, я почувствовала себя несчастной.

Но хорошая я собака или плохая, мне нужно двигаться вперед. Теперь я была ближе к Лукасу, я это чувствовала – но я все еще была от него очень далеко.

* * *

Хотя я уже давным-давно не выходила на тропу, все здесь было мне знакомо – холмы, поиски воды, недостаток еды. Я чужая запахи животных, однажды испугнула кролика и поняла, что ловля кроликов осталась таким же трудным делом, каким была и прежде. От тропы сильно пахло людьми, но я избегала тех мест, откуда доносились их шаги и голоса, хотя меня все сильнее одолевал голод. Теперь, когда на мне не было ошейника, я не была уверена, что люди встретят меня дружелюбно.

Как-то раз я спустилась от тропы к дороге и нашла несколько кусков старого хот-дога в металлическом баке, который мне удалось опрокинуть,

но, если не считать этой удачи, я продолжала голодать.

Теперь мерзкая вонь койотов витала в воздухе все время – видимо, в здешних местах этих маленьких плохих собак было много и они здесь охотились. Я держалась настороже и немедля уходила в сторону, когда понимала, что иду путем, который приведет меня к ним.

В тот день, когда я поживилась остатками хот-дога, я почуяла их вонь особенно явственно – их было, по меньшей мере, трое, и они были где-то неподалеку. Я тут же двинулась в обратном направлении, потому что как ни важно было продвигаться к Лукасу, еще важнее было избегать стай этих плохих собак.

Запах троих койотов сначала ослабел, а потом сделался таким сильным, что я остановилась, повернулась и посмотрела вниз, на оставшийся позади меня пологий склон, ожидая, что сейчас они покажутся из-за скал. Нет, их там не было, но они были близко.

Они охотились за мной.

Когда тропа вышла из леса на большую поляну, я почувствовала себя ужасно незащищенной. Койоты были позади меня, так что, если я отступлю и снова окажусь среди деревьев, опасность только возрастет. А далеко впереди поляна шла круто вверх и кончалась нагромождением продолговатых валунов, смотрящих в небо. По запаху я определила, что там, на вершине холма, нет других койотов.

Я вспомнила, как оказалась перед лицом такой же угрозы в прошлый раз. Хорошая собака учится, когда ситуации повторяются. То, что в тот раз за мной была скальная стена, сорвало их атаку. Если мне удастся добежать до этих больших валунов, я буду опять защищена сзади, и мне не придется обороняться на местности, открытой со всех сторон, где стая койотов сможет меня победить. Там, у этих валунов, у меня появится возможность сразиться с ними за свою жизнь.

Хотя мои лапы ослабели от нескольких дней голода, я быстро побежала в гору, чувствуя, что койоты продолжают гнаться за мной.

Когда я домчалась до валунов, я тяжело дышала, и чтобы отдышаться, некоторое время полежала в их тени. Со своего места мне был виден крутой травянистый склон, и вскоре я разглядела трех маленьких плохих собак, когда они вышли из леса. Перед ними был мой след, и они гуськом направлялись прямо ко мне.

Я невольно оскалила зубы и зарычала.

В это мгновение я не думала ни о Лукасе, ни об Акселе, ни о каких-либо людях вообще. Сейчас я чувствовала себя просто собакой, охваченной лютой первобытной яростью. Мне хотелось рвать зубами плоть койотов. Я

встала на лапы, ожидая их прихода и начала схватки.

Глава 25

Трое койотов бежали вверх по склону холма, молча, высунув языки и прищуриль глаза. Приблизившись, они разошлись в стороны, зная, что поскольку за мной находятся скалы, мне некуда будет отступать. Я чувала, что они голодны, и у них были похожие родственные запахи – эти три самца были молоды, происходили из одного помета и явно давно ничего не ели. Я была крупнее любого из них, но голод довел их до грани отчаяния, так что они во что бы то ни стало постараются меня загрызть и съесть.

Инстинкт, которого я не понимала и который побуждал меня броситься на них, был почти неодолимым, но я осталась стоять хвостом к валунам, не поддаваясь желанию ринуться вперед и погнаться за ними вниз. Я лаяла, щелкая зубами, и они немного отступили, тыкаясь друг в друга носами, не зная, что предпринять, ведь я не пыталась спастись бегством. Один из них, тот, который показался мне самым крупным и смелым из трех, сделал несколько быстрых шагов в мою сторону и тут же отбежал назад, когда я бросилась на него в атаку, меж тем как его братья попытались приблизиться ко мне сбоку. Я повернулась, чтобы отразить эту угрозу, и тут почувствовала, что самый смелый койот опять несется ко мне. Я зарычала, атакуя его; двое его более мелких братьев бросились на меня, я щелкнула клыками, опрокинула одного из них на спину, и тут самый смелый прыгнул на меня спереди, и я почувствовала, как его зубы рвут плоть на моей шее. Я, рыча, вырвалась, вцепилась зубами в него, мы оба встали на задние лапы, и я заставила его отступить, но тут вперед бросился его брат.

И вдруг с валунов спрыгнуло еще какое-то животное и включилось в схватку, приземлившись прямо перед атакующими меня койотами. Потрясенные и испуганные, койоты скалили зубы, визжали и отступали назад перед этим новым свирепым врагом. Я в изумлении смотрела, как огромная кошка, намного более крупная, чем я, с невероятной быстротой прыгнула на них, выпустив когти. Ее массивная лапа ударила того, что был посмелее, по заду, и он покотился под гору, и вот уже все три койота в панике бросились бежать вниз, а кошка огромными скачками понеслась за ними и наверняка бы легко их догнала, но тут она остановилась, повернулась и посмотрела на меня.

Я завиляла хвостом. Я знала эту гигантскую кошку. Ее запах изменился, но в основе своей остался прежним – передо мной снова была Большая Киска.

Она подошла ко мне и замурлыкала, и потерлась головой о переднюю часть моей шеи, при этом едва не сбив меня с ног, так она была сильна. Я припала на передние ноги, приглашая ее поиграть, и она, убрав когти, легко и игриво хлопнула меня лапой по носу. Я смогла добраться до ее плеч, только встав на задние лапы. Как же ей удалось стать такой большой?

Когда она повернулась и двинулась еще выше в холмы, я последовала за ней, не видя ее в темноте, но идя по ее следу. Я вернулась на тропу, ведущую к Лукасу, так что, ясное дело, я опять встретилась с Большой Киской. Многие вещи повторяются.

Она привела меня к наполовину закопанному в землю лосенку, и мы поели его мяса, стоя бок о бок, как уже делали прежде много-много раз.

Я была утомлена и легла на траву. Большая Киска подошла ко мне и начала вылизывать рану на моей шее. Ее шершавый язык вычищал ее, пока я не отвернулась от нее и не вздохнула. Она ушла на охоту, а я осталась лежать на месте и тут же уснула. Она вернулась, только когда на небе показалось солнце, свернулась, прижавшись к моему боку, и замурлыкала. Я отдыхала, не поддаваясь желанию встать на лапы и продолжить «Иди Домой». Мы с Большой Киской всегда так поступали – оставались рядом с добычей и ели, сколько влезет, прежде чем продолжить путь. Мы будем делать это, пока не доберемся до Лукаса, и он станет кормить Большую Киску вместе с остальными кошками.

* * *

Ночи становились все прохладнее, а мы все шли и шли туда, где находился мой дом. Большая Киска не сопровождала меня на тропе днем, но всегда находила меня после наступления темноты и иногда вела к добыче, которая обычно была присыпана землей. Мы проводили какое-то время рядом с убитым животным, питаюсь его мясом, потом снова шли вперед. Я все ближе и ближе подходила к Лукасу, я чувствовала это, я чуяла запахи города, где был мой дом.

Но однажды Большая Киска сделала кое-что необычное. Утром, когда она лежала, скрытая стволом упавшего дерева, я потерлась об нее носом, затем уверенно потрусила прочь. Впереди лежал город, где я могла пожить и принести еду Большой Киске. Именно так мы с ней путешествовали прежде.

Но в этот день, вместо того чтобы остаться спать и догнать меня позже, Большая Киска последовала за мной. Я ее, конечно же, не слышала –

она умела ступать совершенно беззвучно. Вместо этого я почуяла ее запах, он был так силен, словно она была совсем рядом. Я повернулась и посмотрела назад. Она неподвижно стояла на вершине большой скалы и смотрела на меня.

Я не поняла, что означает эта перемена в ее поведении, и пошла к ней, чтобы попытаться взять в толк, почему она теперь ведет себя не так, как прежде. Она легко спрыгнула со скалы на землю, потерлась головой о мою шею, затем побежала обратно, туда, где она спала, выжидательно глядя на меня через плечо.

Она явно хотела, чтобы я последовала за ней туда, откуда мы пришли. Но мне нужно было продолжать путь в том направлении, откуда доносились запахи города, где был мой дом. Когда я не сдвинулась с места, она вновь подошла ко мне. На этот раз она не потерлась об меня, она просто села и стала на меня смотреть. После того как мы какое-то время не двигались, глядя друг на друга, мне показалось, что я наконец поняла.

Большая Киска не станет жить в логове на другой стороне моей улицы. Она не станет вместе со мной лежать в одной постели с Лукасом, ожидая, когда мы сыграем в «Крохотный Кусочек Сыра». Она не собирается идти со мной дальше. По какой-то причине она либо не может, либо не хочет сопровождать меня или остаться ждать на тропе, когда я пойду в город, чтобы поискать еду. Я подумала, что может быть, и ей самой надо сделать «Иди Домой», что есть какое-то особое место, где ей нужно быть, и тот участок тропы, где мы с ней находимся сейчас, отстоит от этого места слишком далеко.

Я подошла к ней, виляя хвостом, и коснулась ее носом. Я любила Большую Киску и знала, что, если я останусь с ней, она будет охотиться для нас двоих всю зиму и находить добычу тогда, когда мне станет трудно передвигаться из-за снега. Мне очень нравилось жить вместе с ней – и когда она была беззащитным котенком, и потом, когда она достаточно подросла, чтобы защищать себя самой, и теперь, когда она спасла меня от маленьких плохих собак. Но жизнь научила меня, что я могу какое-то время жить вместе с людьми и животными, но только пока не приходит пора пускаться в путь, а теперь эта пора настала опять. Я должна была ее покинуть.

Я снова двинулась на запахи города, лежащего впереди. Когда я остановилась и обернулась, Большая Киска снова сидела на скале, глядя на меня немигающими глазами. Я вспомнила, как на меня так же смотрела моя мама, когда я уходила прочь от ее нового дома под террасой. Датч явно был озадачен и огорчен, когда я с ним простилась, но Большая Киска

просто смотрела мне вслед, точно так же, как Мама-Кошка. Она все еще была там, когда я бросила взгляд назад еще один раз, потом второй.

А потом я обернулась снова и увидела, что Большой Киски там больше нет.

* * *

Когда я неторопливо вошла в город, на землю уже опустились сумерки. Земля была усыпана листьями, которые быстро гнал вперед легкий ветерок. В домах зажглись веселые огоньки, которые мигали, когда мимо освещенных окон проходили люди.

Я была не голодна, но знала, что скоро проголодаюсь. Я проспала ночь под скамейкой в парке, где пахло собаками и детьми. Утром я напилась из холодной чистой реки, избегая мужчин и женщин, разговоры которых я слышала. Меня очень тянуло к ним, но никак не могла заранее узнать, какие из них могут попытаться помешать мне вернуться к Лукасу.

За какими-то зданиями я нашла мусорный бак, так набитый всякой всячиной, что его крышка была не на нем, а стояла, прислоненная к его боку. Я подпрыгнула, пытаюсь забраться в него, но не сумела уцепиться за его край передними лапами. Я вспомнила, как пыталась выбраться из бассейна Сильвии – стало быть, есть такие вещи, которые мне просто не под силу. Поэтому, когда я подпрыгнула в следующий раз, я запустила морду в бак и схватила первое, что мне попало. Оказалось, что это мешок, в котором не было никакой еды. Я попыталась счастья еще раз и ухватила зубами пластиковый пакет. Он упал на землю, и я разорвала его. В нем оказалась коробочка с косточками и кусочками мяса птицы – не курицы, но какой-то похожей, и еще сверток из фольги, в котором я нашла пряное мясо и плоский хлеб.

Там, где ездили машины, по улицам ходило много людей, но на узких дорогах позади зданий их почти не было. Два человека, которых я увидела, не стали меня подзывать.

Одно из зданий неодолимо тянуло меня к себе – оттуда доносились запахи косточек для собак, и собачьих лакомств, и собачьего корма. Чувствуя, как у меня текут слюнки, я подошла ближе и увидела, что задняя дверь здания открыта. Интересно, если я войду, за мной опять погонится какой-нибудь мужчина в белой одежде? Прямо напротив открытой двери стоял высокий грузовик, и когда я посмотрела на него, то увидела, что сзади он открыт, словно гараж. Взобравшись по ступенькам на бетонное

крыльцо перед задней дверью здания, я оказалась на том же уровне, что и дно кузова грузовика. Влекомая идущими оттуда восхитительными запахами, я ловко прыгнула с бетонной площадки на дощатое дно грузовика. Внутри в основном было пусто, только спереди было большое пластиковое полотнище, из-за которого и доносились аппетитные ароматы. Я оторвала пластик и обнаружила под ним множество пакетов с собачьим кормом!

Я разорвала бумагу одного из пакетов и начала есть. При этом я отнюдь не чувствовала себя плохой собакой. Ведь мне полагалось есть собачий корм!

В это время из двери здания вышел какой-то мужчина. Я замерла, чувствуя себя виноватой, но он на меня даже не взглянул. Он поднял руку, дернул за ремень, свисающий с крыши грузовика, и его задняя дверь с грохотом опустилась. Я подошла к ней, обнюхала ее и почуяла запахи этого мужчины и собачьего корма. Больше не пахло почти ничем.

Грузовик заревел, закачался из стороны в сторону, затрясся вверх-вниз, и я поняла, что он тронулся с места. Мне пришлось вцепиться когтями в деревянный пол, потому что комната, в которой я находилась, качнулась назад, после чего грузовик заревел еще громче.

Я оказалась в ловушке.

* * *

Грузовик качался из стороны в сторону, трясся и рычал так долго, что в конце концов я заснула, несмотря на странное чувство в теле, которое я всегда испытывала, когда ехала в машине. Доносящиеся снаружи запахи чуть-чуть менялись, но в основном оставались одними и теми же – запахи воды, деревьев, людей, собак, дыма, еды и время от времени – запах какого-то животного.

Наконец непрерывное рычание грузовика сделалось еще громче, какая-то сила повлекла меня вбок, прежде чем я успела вскочить на лапы, меня бросило в одну сторону, потом в другую, а затем я упала вперед и почувствовала, что грузовик остановился. Стало тихо, и пол больше не качало и не трясло. Я услышала, как хлопнула дверь, потом раздались мужские шаги. Я встряхнулась и потрусилась назад, туда, откуда я попала в грузовик.

С громким лязгом стоящая передо мной стена поднялась. Я спрыгнула на землю и услышала, как мужчина закричал:

– Эй!

Он не показался мне дружелюбным, так что я не стала к нему подходить. Вместо этого я побежала по улице, потом свернула в кусты и с облегчением присела. Мужчина за мной не погнался.

Я принялась и огляделась по сторонам. Место, в которое привез меня грузовик, было очень похоже на то, где я провела минувшую ночь, хотя по запахам я определила, что это уже другой город. Здесь тоже были здания и машины и по тротуарам шло множество людей. Солнце уже садилось, но было еще довольно тепло. Я чуяла, что где-то поблизости есть много воды, чуяла запах чистого снега высоко в горах, а также запахи белок, кошек и собак.

И еще я чуяла запахи моего дома. Каким-то образом, пока я ехала в кузове грузовика, я стала настолько ближе к городу, где находился мой дом, что скопление его запахов разделилось на отдельные части. Если, когда Одри увозила меня от Лукаса, они сливались и удалялись, то теперь случилось обратное. Я смотрела на высокие горы, сверкающие в свете заката. Совсем уже недалеко, за этими горами, был мой человек.

Хотя мое брюхо было до отказа набито собачьим кормом, мне мучительно хотелось пить, и я повернула туда, где, как мне подсказывало мое чутье, была река. Я попила из быстро бегущего потока, а потом меня потянуло туда, откуда доносились детские голоса. Там был парк с качелями и горками и двумя маленькими собаками, которые сначала подбежали ко мне, воинственно лая, а потом покорно свернули в сторону и вежливо понюхали у меня под хвостом. Они обе были самки, и одна из них припала на передние лапы, желая поиграть, а другая решила, что я не стою ее внимания, и вернулась к своим людям, которые сидели на одеяле, расстеленном на земле.

Хотя мне хотелось поскорее вернуться на тропу, приближалась ночь, и мне надо было найти место, где можно будет свернуться в клубок и уснуть.

А потом я опять буду делать «Иди Домой».

* * *

Когда я проснулась наутро, небо еще только начало светлеть. Именно в это время Большая Киска обычно возвращалась с охоты, иногда принося для нас обеих еду. Я почувствовала, что скучаю по ней, но мне не терпелось пуститься в путь. Я обогнула озеро, потом взошла на высокий холм, идя вдоль дороги, по которой в обе стороны с шумом неслись

автомобили. На другой стороне холма я обнаружила реку, которая текла как раз в том направлении, в котором мне нужно было идти, чтобы вернуться к Лукасу. Вдоль реки шла дорога, иногда она удалялась от берега, иногда приближалась к нему, но, продолжая бежать на некотором отдалении от нее, я почти все время слышала шум едущих машин.

Как-то раз, пробежав по воде реки, я наткнулась на большую птицу, сидящую на камне и поедающую крупную рыбу. Я согнала птицу с камня, она захлопала крыльями и потащила было рыбу за собой, но в конце концов выпустила ее из клюва и улетела. Я прыгнула на рыбу и быстро ее съела.

Река привела меня в город, где я нашла в мусорном баке сладкий хлеб и плоский кусок мяса, к вкусу которого примешивался вкус сыра. Я поспала за припаркованной машиной и проснулась, когда солнце еще только начало восходить. Я чувствовала такую радость и такое волнение от мысли, что я снова увижу Лукаса, что, выходя на ровные места, пускалась бежать.

Следующей ночью я свернулась клубком уже в парке какого-то другого города. За минувший день мне не удалось поесть, но прежде мне уже приходилось испытывать и куда более острый голод, так что я легко заснула и спокойно проспала всю ночь.

Сны, которые снились мне в эту ночь, были яркими и странными. Я чувствовала, как меня гладит Аксель, как Большая Киска вылизывает рану на моей шее, где меня укусил койот. Чувствовала тепло, идущее от Гэвина и Тэйлора, спящих, прижавшись к моему боку, в своей кровати. Я чуяла запах дыхания Сильвии, слышала, как Хлоя подзывает к себе своих котят. Возле моего уха довольно вздыхал Датч, как он обычно делал, укладываясь на диван и прижимаясь к Гэвину. Я чувствовала вкус соленых лакомств Хосе и прикосновение рук Лоретты, которая укладывала вокруг меня мое одеяло, хранящее запах Лукаса.

Во сне мне казалось, что они все пришли ко мне, чтобы проститься.

Утром я взобралась на еще один высокий холм и увидела, что все вокруг стало другим. Передо мной наконец лежал тот самый город, где находился мой дом. Я спустилась по склону холма и оказалась среди дорог и машин. Здесь уже нельзя было двигаться по прямой, потому что если раньше мне надо было преодолевать холмы и скалы, то теперь мне приходилось обходить другие препятствия: здания и заборы. Однако я знала, что, даже отклоняясь, иду в верном направлении, и терпеливо петляла по улицам, проходя мимо домов, слыша собак, видя людей. Я видела, что на меня смотрят мужчины и женщины, несколько детей

попытались позвать меня, но я игнорировала их всех.

Лившийся с неба свет померк, но улицы были освещены, к тому же я чувствовала себя комфортнее, когда находилась в тени. Чем позднее становилось, тем тише делался шум от машин. Собаки ушли со дворов в дома своих людей, и лай теперь слышался все реже и реже.

Я не спала, а продолжала упорно двигаться сквозь темноту. Снова встало солнце, и звуки опять стали громче, а я вновь почувствовала себя незащищенной, но теперь я уже была совсем близко от моего дома. Я узнала парк, в который ходила с Лукасом, а потом с Лукасом и Оливией. Я почти дома. И я бросилась бежать, не обращая больше внимания ни на что.

Свернув на нашу улицу, я замедлила бег, почувствовав неуверенность. Все вокруг так изменилось. Ряды грязных низких домов, стоявших на другой стороне улицы от нашего дома, включая тот, где находилось логово кошек, больше не было. На их месте стояли высокие здания, и из их окон до меня доносились запахи множества людей.

Наконец-то я здесь! Я сделала «Иди Домой», но не стала ложиться у стены под кустами, как учил меня Лукас. Вместо этого я поскреблась в дверь и залаяла. Лукас!

Дверь открыла какая-то женщина, и на меня хлынули запахи дома.

– Привет, милая, – приветствовала она меня.

Я завиляла хвостом, но я не чуяла запаха Лукаса. Не чуяла запаха Мамули. Некоторые запахи были все теми же, но я точно знала – Лукаса в доме нет. Дом больше не был полон запахов Лукаса и Мамули, вместо этого в нем витал запах этой женщины, которая стояла передо мной.

– Как тебя зовут? Почему на тебе нет ошейника? Ты что, потерялась?

Она явно была приятной женщиной, но мне нужно было отыскать моего человека. Когда я протиснулась в дом мимо нее, она сказала:

– Вот это да! – но, похоже, не рассердилась.

Я вошла в гостиную. Здесь был диван, но это был не тот диван, который я знала, и стол тоже был другим. Я пошла по коридору и увидела, что в комнате Лукаса больше нет кровати, вместо нее там стояла какая-то другая мебель. В комнате Мамули кровать стояла на том же самом месте, но это была не ее кровать.

– Что ты делаешь, моя милая? – спросила женщина, когда я вышла из спальни Мамули и вернулась к ней на кухню.

Она протянула ко мне руку, и я подошла к ней, виляя хвостом и надеясь на то, что сейчас все образуется. Люди умеют делать чудесные вещи, и я хотела, чтобы она все исправила, потому что эта ситуация превосходила понимание собаки.

Женщина дала мне воды и немного мясных лакомств. Я съела их с благодарностью, но мне было не по себе, потому что я поняла – она не сможет мне помочь.

Лукас куда-то исчез.

Глава 26

Меня сразу же охватило неодолимое желание уйти и вернуться обратно на тропу. Без Лукаса это было не настоящее «Иди Домой». Что бы здесь ни произошло, возвращение на тропу было единственным действием, которое сейчас пришло мне в голову.

Когда я подошла к входной двери и села, всем своим видом показывая, что хочу выйти, женщина подошла и посмотрела на меня.

– Ты уже уходишь? Но ты же только что пришла.

Я взглянула на нее, потом на дверь, ожидая, что она сейчас откроет ее. Она наклонилась и легко взяла меня за нижнюю челюсть.

– У меня такое чувство, что ты пришла сюда за чем-то очень важным, но я не имею к этому отношения, верно?

Я слышала в ее голосе доброту и завияляла хвостом.

– Что бы ни было у тебя на уме, – прошептала она, – я надеюсь, что ты найдешь то, что ищешь.

Она открыла дверь, и я трусцой выбежала наружу.

– До свидания, девочка! – крикнула она мне вслед, но я не обернулась.

Я подумала, что знаю, куда мне надо пойти.

* * *

Я явственно почуяла ее наслоившийся на землю запах, когда подошла к ее логову под террасой дома на холме, куда я приходила к ней когда-то давным-давно: значит, Мама-Кошка все еще жива. Протиснув нос в пространство под террасой, я поняла, что она сейчас там, и я вытащила голову обратно и завияляла хвостом.

В следующее мгновение она вышла, мурлыча, и потерлась об меня. Она была такая крошечная! Я не понимала, как она стала такой маленькой.

Я была так рада видеть мою маму. Я сразу же вспомнила то время, когда мы с ней и моими братиками и сестричками – котятками жили в логове и она заботилась о нас. Теперь, когда я потеряла Лукаса, прикосновение ее головы к моей шерсти успокаивало меня. Когда-то она была моей первой семьей, а сейчас стала той единственной семьей, которую я могла отыскать.

Мама-Кошка двигалась теперь немного скованно, и на некоторых маленьких участках ее шкуры не было шерсти. Я обнюхала ее всю, и от ее

дыхания пахло только кормом для кошек, а запахов птиц или мышей не было совсем. И, судя по ее запаху, она в последнее время не подходила к Лукасу. Так что моим надеждам на то, что она приведет меня к моему человеку, не суждено было сбыться.

Когда Мама-Кошка грациозно запрыгнула с земли на террасу, я последовала за ней, найдя ступеньки, по которым я легко могла подняться. Терраса отходила от дома с большими окнами, и я обнаружила на ней миску с едой и миску с водой, а также запахи, оставленные несколькими людьми.

Я поняла, что кто-то заботится о моей маме в ее новом логове точно так же, как Лукас кормил ее, когда она жила в старом, и так же, как некоторые люди кормили меня, пока я так долго-долго добиралась сюда.

Мама-Кошка смотрела, как я ем из ее миски мягкую влажную пахнущую рыбой еду. Еды было немного, но те кусочки, которые я съела, показались мне очень вкусными. Затем я снова начала обнюхивать мою маму и поняла, что у нее какое-то время не было котят, потому что от нее больше не исходил запах молока.

Когда за большими стеклянными дверьми террасы появилась женщина, я подумала, что моя мама сейчас убежит, но она не сдвинулась с места, даже когда двери раздвинулись. Мама-Кошка только повернула голову и спокойно посмотрела на женщину, от которой пахло сахаром и мукой.

– Дэйзи? Кто эта собака? – спросила женщина.

Услышав слово «собака», я завиляла хвостом.

– О Дэйзи, она же уличная. На ней даже нет ошейника. Она что, съела твою еду?

Женщина наклонилась и протянула руку, но Мама-Кошка к ней не подошла. Вот почему от шерсти моей мамы не пахло людьми – она принимала от них корм, но ей не хотелось, чтобы они ее приласкали. Я все еще виляла хвостом, гадая, не нужно ли этой женщине вместо нее приласкать меня.

– Кыш, собака, кыш! Тебе здесь не место.

Женщина показала куда-то рукой, а затем махнула ею так, словно бросала мячик. Я посмотрела туда, куда он мог полететь, но ничего там не увидела.

– Иди домой, – скомандовала она.

Я посмотрела на нее в недоумении. Там больше не было Лукаса и Мамули. Что же теперь означает «Иди Домой»?

– Уходи! – крикнула она.

Я поняла, что она считает меня плохой собакой, возможно, потому, что я не делаю «Иди Домой». Я тихонько двинулась к краю террасы, спрыгнула на землю, и Мама-Кошка последовала за мной.

– Дэйзи? Кис-кис-кис! – позвала женщина.

Я завиляла хвостом. Моя мама потерлась головой о мою шею, но, когда я лизнула ее морду, ей это не понравилось, и она отвернулась.

Я вспомнила, как Большая Киска смотрела мне вслед с вершины скалы. Иногда кошкам надо оставаться на месте, когда собаки должны уходить. И сейчас это происходило опять. Спускаясь с холма, я точно знала, что моя мама стоит позади меня неподвижно и смотрит мне вслед.

Так прощаются все кошки.

Я не знала, что делать, и решила опять сделать «Иди Домой» и посмотреть, будет ли Лукас там на этот раз. Я перебралась через узкий ручей, взобралась на берег и двинулась по парку, пройдя мимо горки, по которой я столько раз взбиралась и с которой столько раз спрыгивала на землю. Почему-то теперь она стала намного ниже.

Я направилась в сторону моей улицы, но прежде чем я успела до нее дойти, за угол завернул грузовичок, тот самый, от которого пахло собаками и кошками и в кузове которого стояли проволочные вольеры. Я остановилась, и грузовичок тоже остановился. С его переднего сиденья вылез толстый мужчина в шляпе.

– Надо же, кого я вижу, – сказал он.

Я не стала вилять хвостом и посмотрела на него с подозрением.

– Ко мне, девочка! – Он засунул руку в грузовичок и достал оттуда палку с веревочной петлей на конце. – Лакомство! – крикнул он.

Мне вдруг стало очень страшно. Я не верила, что Мужчина в шляпе даст мне лакомство, хотя и помнила, что раньше он это делал. Он один из тех людей, которые будут мешать мне быть с Лукасом, и он будет при этом сердиться. Он плохой человек.

Я повернулась и побежала прочь.

* * *

Я бежала через какие-то дворы, но слышала, как грузовичок тронулся с места. Я домчалась до нашей улицы, пронеслась мимо нашего дома и свернула на тротуар, идущий вдоль дороги, полной машин. Я бросилась им наперерез. Машины сигналили и останавливались, пронзительно визжа. Я слышала, как грузовичок с запахами кошек и собак подъезжает все ближе.

Я пробежала через парковку и взбежала по ступенькам к двери здания, куда Лукас водил меня, когда делал «Идти на Работу».

Никто меня в нее не впустил. Досадуя на свое бессилие, я трусцой побежала вдоль стены этого здания, миновала живые изгороди и оказалась на тротуаре. Снаружи здания сидели люди, куря сигареты, как Сильвия. Солнце садилось.

Я услышала, как позади меня грузовичок, пахнувший кошками и собаками, с урчанием заехал на парковку.

И тут я увидела в стене здания большую стеклянную дверь. Когда я приблизилась к ней, она отодвинулась в сторону, точно так же как раздвигались двери в том месте, где на полках были выставлены жареные куры, предназначенные для меня. На этот раз я не почувяла аромата кур – в воздухе витали только запахи многих-многих людей и слышались их разговоры и шаги. Но открытая дверь явно приглашала меня войти, и я затрусила внутрь.

Вокруг меня толпились люди, многие из них сидели на стульях и разговаривали. Женщина, сидевшая за широкой стойкой, расположенной прямо перед дверью, вскочила на ноги.

– Ой! Собака! – в тревоге сказала она.

Хотя я никогда не входила в это здание именно через эту дверь, я чувяла, куда надо идти. Несколько людей отреагировали на мое появление, когда я пробежала мимо женщины за стойкой, но я не обратила на них внимания и продолжала бежать, опустив нос к полу, чтобы отыскать дорогу.

– Кто-нибудь знает, чья это собака? – крикнула женщина за стойкой.

Поскольку воздух был полон запахов такого огромного количества людей, я не почувяла запаха кого-либо, кого я знала, пока не услышала знакомый голос.

– Белла? Белла!

Это была Оливия! Она стояла на другой стороне большой комнаты, полной мягких стульев, на которых сидели разговаривающие люди. Она поднесла руку ко рту, и из ее пальцев выскользнули какие-то бумаги. Мы бросились бежать друг к другу, и она упала на колени. Я облизала ее лицо и, не в силах сдержаться, тихо заскулила. Меня переполняли радость, облегчение и любовь. Я плюхнулась на спину, чтобы она почесала мой животик, потом вскочила на лапы и уперлась передними лапами ей в грудь. Она засмеялась, опрокидываясь назад.

– О Белла, Белла, – повторяла она. Я слизнула слезы с ее щек. – Не верю глазам своим. Как это произошло? Где ты была? О Белла, мы так тебя

искали!

К нам подошла еще одна женщина.

– Это ваша собака? – спросила она.

– Нет, то есть в каком-то смысле да. Это собака моего жениха. Прошло уже – о боже, более двух лет. Нам пришлось отослать Беллу из города из-за денверского закона о питбулях, потом Лукас нашел квартиру за пределами Денвера, но к тому времени, когда мы приехали, чтобы забрать ее, она уже сбежала. Мы объехали весь Дуранго, везде повесили объявления о ее розыске, а потом решили, что с ней, наверное, случилось что-то плохое. Но ты здесь, Белла! Ты чудо, а не собака! – Оливия потрепала мои уши, и я прижалась головой к ее руке, тяжело вздохнув. – О Белла, прости нас. Я не знаю, через что тебе, наверное, пришлось пройти. А где твой ошейник?

На коже Оливии остался запах Лукаса, и я никак не могла перестать упиваться им. Оливия отведет меня к нему. Мое долгое путешествие было окончено. Я была вне себя от радости, вновь обретя мою человеческую семью! Я все ходила и ходила вокруг ног Оливии, даже когда она встала с пола, потом положила передние лапы на ее бока, пытаясь еще раз поцеловать ее в лицо.

– Оливия? Это твоя собака? – спросила женщина из-за стойки. Я завиляла хвостом, зная, что раз теперь я с Оливией, эта женщина не будет на меня сердиться.

– Да. Это долгая история. Когда она была щенком, она приходила сюда постоянно. По-видимому, она сумела найти дорогу обратно к нам.

– Ах, вот оно что. Знаешь, сюда пришел инспектор из отдела по контролю за животными, – сказала женщина из-за стойки.

– Что?

– Он сказал, что гнался за этой собакой и видел, как она вошла сюда.

– Ха! – сказала Оливия. – И что из того?

– Он говорит, что ты должна отдать собаку ему. Должна вывести ее из здания, – виновато сказала женщина из-за стойки.

– Понятно.

– Хочешь, я скажу ему, чтобы он шел сюда?

Гнев был для Оливии редким чувством, но сейчас я чувствовала, как от нее исходит именно он.

– Нет. Скажи ему, чтобы он... Нет, просто скажи ему – нет. Я не выведу эту собаку из здания.

– Но... он представитель закона, Оливия, – неуверенно сказала женщина из-за стойки.

– Я знаю.

– Думаю, ты вроде как должна делать то, что он говорит, или тебе так не кажется?

– Не кажется, – сказала Оливия. – У меня другое мнение.

– И что же ты собираешься делать?

* * *

Оливия провела меня по длинному коридору в ту часть здания, которая была мне очень хорошо знакома. Я изо всех сил завиляла хвостом, когда мы завернули за угол и прошли через тяжелые двери. В центре большой комнаты со скользким чистым полом, на расставленных кругом мягких стульях, сидели люди.

– Сидеть, Белла, – скомандовала Оливия. Я выполнила «Сидеть», радуясь тому, что я здесь вместе с ней. – Привет, – сказала она. – Простите, что прерываю ваше собрание, но мое дело не терпит отлагательств.

Люди выпрямились на своих стульях.

– Что случилось? – спросил один из мужчин, вставая. Я опять завиляла хвостом, охваченная восторгом. Это был Тай!

– Белла вернулась, – сказала Оливия.

Услышав свое имя, я завиляла хвостом еще радостнее и, забыв про «Сидеть», бросилась к Таю и прыгнула на него.

– Белла! – Он восторженно засмеялся, когда я уперлась лапами ему в грудь. – Какими судьбами?

– Белла!

Мамуля! Я кинулась к ней, часто дыша, поскуливая, и подпрыгнула, чтобы облизать ее лицо. Она наклонилась ко мне. Она тоже благоухала Лукасом – Мамуля и Оливия помогут мне найти его! Теперь я наконец по-настоящему сделала «Иди Домой».

Едва подбежав к Мамуле, я вдруг сообразила, что все сидящие на стульях люди – это мои друзья. Лейла встала со своего стула.

– Белла? – Я подбежала к ней, потом к Стиву, потом Марти и Джордан положили на меня руки, и все мои друзья звали меня по имени, смеялись и хлопали в ладоши.

– Как она сюда попала? – спросила Мамуля. Я плюхнулась на спину, чтобы кто-нибудь почесал мой животик. Тай опустился рядом со мной на колени.

– Какая ты хорошая собака, Белла! – сказал Марти.

Тай ласково перевернул меня на бок.

– Смотрите, у нее на загривке шрам. И какая она стала худая! Сразу видно, что эти два года у нее была трудная жизнь.

– Неужели ты думаешь, что она всю дорогу шла? – выдохнула Мамуля. – Через горы?

Джордан восхищенно рассмеялся.

– Это было бы просто поразительно!

– Знаешь, Белла, ты совершенно особенная собака, – сказал Тай. – Тебе по плечу любой подвиг.

– Так вот, проблема состоит в следующем, – сказала Оливия. – Возле госпиталя находится инспектор из отдела по контролю за животными. Думаю, это тот самый тип, который и раньше отравлял Белле жизнь. Он говорит, что мы должны вывести собаку из здания.

Тай встал с колен.

– А больше он ничего не хочет?

Лейла скрестила руки на груди.

– Что ему надо?

– Если мы отдадим ему Беллу, он сделает так, что ее уничтожат. Мы не можем этого допустить. Вы можете что-нибудь сделать? – спросила Оливия.

Я почувствовала, как Мамуля напряглась.

– Этим займусь я, – сказала она.

Тай вскинул руку.

– Нет, Терри, этим займешься не только ты. Думаю, этим следует заняться нам всем.

– Да, черт возьми, ты попал в точку! – сказал Джордан.

Марти успел сесть, но сейчас он снова встал.

– Да, черт бы побрал этого говнюка! Он понятия не имеет, с кем связался.

Мамуля повернулась к Оливии.

– Ты уже позвонила Лукасу?

Услышав его имя, я резко вскинула голову.

– Нет, еще нет. Все случилось так быстро. Белла едва успела войти в дверь, когда мне сказали, что этот тип уже здесь. К тому же...

– Что ты хочешь сказать? – Мамуля подняла одну бровь.

– Мы с ним утром вроде как поругались. И сейчас он так нервничает. Обычно позже он звонит мне, чтобы извиниться. Это одна из лучших его черт.

Мамуля сердечно улыбнулась.

– Может быть, на этот раз первой позвонишь ты? Думаю, он захотел

бы услышать эту новость как можно скорее. Это займет не больше минуты.

Оливия кивнула.

– Ко мне, Белла. – Она вышла из круга людей, которые все сгрудились вокруг Тая. Я хотела подойти к ним, чтобы они меня приласкали и поиграли со мной и сказали, что я хорошая собака, но Оливия сказала «Ко Мне», а я знала, что Лукас хотел бы, чтобы я ее слушалась. И я последовала за ней в угол комнаты.

Оливия поднесла телефон к лицу.

– Привет, это я. Да. Хорошо, да, но... Лукас, ты можешь на минутку замолчать? Конечно, мне хочется послушать, как ты говоришь, что был ужасно не прав и что ты дико извиняешься. Но я звоню тебе отнюдь не за этим.

Оливия посмотрела на меня и улыбнулась.

– Ты ни за что не угадаешь, кто сейчас к нам пришел!

* * *

Все мои друзья пошли со мной на прогулку – мы прошли по коридору, потом мимо женщины за стойкой, потом к двери и наконец вышли на улицу. Уже стемнело, но вокруг было много огней, так что я не только чуяла, но и видела Мужчину в шляпе с его грузовичком, полным проволочных вольеров. Рядом с грузовичком были припаркованы две машины с мигающими огнями на крышах.

Из этих машин вышли женщина и двое мужчин, все в темной одежде и с металлическими штуками на боках. Полицейские. Вместе с Мужчиной в шляпе они подошли к нам, чтобы поприветствовать моих друзей, которые встали вокруг меня. Мамуля положила руку мне на шею, и я выполнила «Сидеть».

– Я явился сюда за этой собакой, – громко объявил Мужчина в шляпе.

Тай весело улыбнулся.

– Да неужели?

– Я осуществляю законную конфискацию этой собаки в соответствии с законом восемь дефис пятьдесят пять.

– Действительно, вроде бы звучит законно, – сказал Тай.

Мужчина в шляпе многозначительно посмотрел на стоящих рядом с ним полицейских.

– Мы не хотим неприятностей, сэр, – осторожно произнес один из них. – Но вы должны отдать ему это животное.

Тай ничего не сказал.

– Ну что, усек? – презрительно усмехнулся Мужчина в шляпе. – Мы забираем эту собаку.

– Понятно, – ответил Тай, показывая на мужчину, стоящего рядом с ним. – Но чтобы забрать ее, вам придется преодолеть препятствие в виде четвертой пехотной дивизии армии Соединенных Штатов.

Последовала долгая пауза.

– А также препятствие в виде восьмьдесят второй воздушно-десантной дивизии армии Соединенных Штатов, – твердо заявила Мамуля. Говоря, она напряглась, как-то странно выпрямив спину и плечи. Я завалила хвостом, но ничего не поняла.

Вперед на своем кресле на колесиках выкатился Дрю.

– И второй дивизии морской пехоты. – Он тоже выпрямился и напрягся.

Вплотную к Таю подошла Лейла.

– И шестого флота военно-морских сил Соединенных Штатов.

– И первой армейской пехотной дивизии, – объявил Джордан.

– И военно-воздушных сил национальной гвардии.

Что-то сказали еще несколько моих друзей. Когда они все кончили говорить, воцарилось долгое напряженное молчание. Я услышала, как где-то далеко лает собака.

Полицейские, похоже, испугались.

Глава 27

– Приехал шериф, – сказал один из полицейских. Все повернули головы и посмотрели на въезжающую на парковку машину. Когда она остановилась, из ее пассажирской двери вылез мужчина с таким видом, будто у него болят все кости. Мгновение он смотрел на нас, не двигаясь, затем, чуть заметно покачав головой, направился к нам, а за ним двинулась женщина, которая вела машину. Когда к нему подошли двое из трех полицейских, чтобы поговорить с ним, он остановился. Потом новый мужчина посмотрел на меня, и я завиляла хвостом.

– Расслабься, Белла, – прошептала Мамуля. Я взглянула на нее, чувствуя ее тревогу и по-прежнему ничего не понимая.

– Итак, – приветствовал нас этот Новый мужчина, подойдя к нам. – Как у вас всех идут дела?

– Мы явились сюда, чтобы осуществить конфискацию опасного животного, а эти люди устроили здесь что-то вроде митинга, – сердито сказал Мужчина в шляпе. – Они препятствуют исполнению закона, мешают полиции выполнять свои обязанности, укрывают опасное животное и злостно не подчиняются законному требованию полицейских.

Новый мужчина втянул носом воздух, глядя на моих друзей, стоящих рядом со мной.

– Весьма интересно, – заметил он. – Мэм, это ваша собака?

– Это собака моего сына, – ответила Мамуля.

Мне понравилось, что они говорят о собаке.

– Это и есть питбуль? – спросил Новый мужчина.

Мужчина в шляпе энергично закивал.

– Это было удостоверено тремя разными инспекторами отдела по контролю за животными в соответствии с...

– Чак, – перебил его Новый мужчина, – ты что же это, подумал, будто я говорю с тобой?

Мужчина в шляпе весь напрягся.

– Мы, по правде говоря, не знаем. – Мамуля пожала плечами. – Ее нашли, когда она жила под домом вместе с группой бездомных кошек.

– Кошек. Ничего себе, – сказал Новый мужчина. – Никогда ничего подобного не слышал.

– Все это не имеет значения, – злобно сказал Мужчина в шляпе.

– Что действительно имеет значение, так это то, что вам не удастся

забрать Беллу, – холодно сказала Мамуля. Я чувствовала исходящий от нее неистовый гнев.

– Мы сделаем все, чтобы не дать вам и пальцем коснуться этой собаки, – добавил Тай, показывая на мужчин и женщин, стоящих рядом с ним.

Все напряглись и насторожились. Один из полицейских отступил на шаг и положил руку на один из металлических предметов, висящих у него на боку. Долгое время никто не говорил ни слова. Я нервно зевнула.

– Чак, ради всего святого, во что ты меня втянул? – спросил наконец Новый мужчина.

– Сэр, несколько лет назад к нам поступило множество жалоб на эту собаку, – сказал Мужчина в шляпе.

– Это каких же таких жалоб? На что именно? – сердито и требовательно спросила Мамуля.

– Ладно, послушайте, давайте все успокоимся, – безмятежно сказал Новый мужчина и улыбнулся Мамуле. – Сейчас ваши эмоции зашкаливают, но давайте посмотрим на этот вопрос здраво. – Он повернулся и посмотрел на парковку, где остановились еще две машины с мигающими огнями, и из них вышли и двинулись к нам еще несколько полицейских. Я завиляла хвостом. – Видите, вот так ситуация и выходит из-под контроля, – продолжал Новый мужчина. – Как бы неприятно это ни было, мы должны исполнить свою работу. Нам придется задержать эту собаку, но я обещаю вам...

– Этого не будет, – огрызнулась Мамуля.

– Мэм, позвольте мне закончить. Мы будем хорошо с ней обращаться. Я даю вам слово.

– Для меня это ваше слово ни черта не значит, – сказал Тай.

Новый мужчина посмотрел на него, прищурясь. Стоящие за ним полицейские переглянулись.

– А вот и доктор Ганн, – тихо сказала Оливия.

На парковку заехала еще одна машина, и из нее вышел еще один мужчина, которого я не знала. Еще двое полицейских вышли из здания через ту же дверь, через которую вышли и мы, и присоединились к нам. Получилась большая группа людей, но, к сожалению, я чужая, что ни у одного из них нет в карманах лакомств для собак.

– Я Маркус Ганн, – приветствовал Нового мужчину вновь прибывший.

– Шериф Майка, – ответил Новый мужчина. Мужчины пожали друг другу руки.

– Привет, доктор Ганн, – сказала Мамуля.

– Привет, Терри.

– Привет, доктор Ганн, – сказал Тай.

Значит, незнакомца зовут доктор Ганн.

– Привет, Тай. Джордан. Дрю. Оливия. – Доктор Ганн повернулся к Новому мужчине. – Итак, господа, что я могу сделать для вас нынче вечером?

Мужчина в шляпе начал было отвечать, но Новый мужчина так на него посмотрел, что он сразу замолчал.

– Речь идет о собаке, – начал Новый мужчина.

– Это животное, оказывающее эмоциональную поддержку, – перебила его Мамуля. – Я почувствовала, как ее вновь охватывает страх, увидела, как задрожали ее руки. Обеспокоенная, я коснулась носом ее пальцев.

– В моем госпитале? – ответил доктор Ганн тоном, который напомнил мне тон Лукаса, когда он обнимал меня перед тем, как «Идти на Работу» – мягкий, тихий и равнодушный. Мамуля посмотрела на меня, и я завильяла хвостом.

– Она приходит сюда уже давно, – сказал Тай. – А теперь приехали люди из управления шерифа, чтобы забрать ее у нас.

– Только через мой труп, – добавила Мамуля.

– И через мой, – сказал Стив.

Доктор Ганн поднял руку ладонью вверх.

– Мы не дадим им забрать эту собаку, доктор Ганн, – запальчиво сказал Тай. – И точка.

– Нам совершенно не хочется еще больше обострять этот конфликт, – сказал Новый мужчина.

– А-а, – сказал доктор Ганн, потирая подбородок. – Но теперь вы, если я правильно понял, вынуждены действовать. Не вы решили начать эту драку, но сейчас она уже идет.

Новый мужчина пристально посмотрел на доктора Ганна и чуть заметно пожал плечами.

– Постановление законодательного органа Денвера восемь дефис пятьдесят пять дает мне полномочия конфисковать эту собаку, – с нажимом сказал Мужчина в шляпе.

– Чак. – Новый мужчина вздохнул. – Твои реплики отнюдь не помогают разрядить ситуацию.

– Денвер, – задумчиво ответил доктор Ганн.

– Да, сэр. Я выполняю свои законные обязанности как инспектор отдела по контролю над животными.

– В Денвере. В графстве Денвер.

– Вот именно.

Доктор Ганн взглянул на меня, потом на двух полицейских, которые вышли из здания.

– Должен заметить вам, – сказал он наконец, – что здесь не графство Денвер. Здесь федеральная собственность.

– Раньше это никого не смущало. Нас вызывали в этот госпиталь уже не раз, – резко ответил Мужчина в шляпе.

– Вызывали? Вы утверждаете, что сегодня вечером вас сюда вызвали? – спросил доктор Ганн.

– Ну... нет. Я выслеживал это животное, которое является собакой запрещенной породы, и оно вошло в этот госпиталь.

– Вот именно, – сказал Новому мужчине доктор Ганн тем же мягким тоном. – А это федеральная земля. Она находится вне юрисдикции отдела по контролю за животными. Так что нужда в дальнейшей конфронтации отпадает сама собой.

Новый мужчина почесал голову, сдвинув на затылок свою бейсболку. Затем едва заметно кивнул.

– Я понимаю, что вы хотите сказать.

– Эй, собака. Иди сюда. – Мужчина в шляпе щелкнул пальцами, и я почувствовала, как Мамуля тревожно дернулась. Я не сдвинулась с места.

– Слушай сюда! – резко сказал Новый мужчина. – Чак, какого черта, что ты пытаешься повернуть? – Я почувствовала, что в нем разгорается гнев.

– Мне просто нужно...

– Нет, это мне нужно. Мне нужно, чтобы заткнул пасть и подчинялся приказам!

У Мужчины в шляпе сделался расстроенный вид.

Новый мужчина повернулся к доктору Ганну.

– Простите за недоразумение. Мы сейчас уедем.

– Милости просим к нам в любое время, шериф. Позвоните мне, и я покажу вам нашу новую клинику, – ответил доктор Ганн.

– Я с удовольствием на нее посмотрю. – Новый мужчина повернулся к полицейским, которые теперь, похоже, расслабились. – Ну все, разъезжайтесь по домам.

– Ладно, но я вам вот что скажу, – глумливо усмехнулся Мужчина в шляпе, тыча пальцем в Мамулю. – Я буду следить за этой собакой. И если увижу, что вы увозите ее отсюда на машине, я вызову полицейскую подмогу, и вас остановят, а ее я задержу.

– Ничего подобного ты не сделаешь, – ответил Новый мужчина и

плюнул на землю.

– Но шериф...

– Черт возьми, Чак, ты и так уже зря потратил уйму нашего времени на одну-единственную собаку. На тебя ко мне поступает больше жалоб, чем на всех остальных инспекторов отдела по контролю за животными, вместе взятых. Я отстраняю тебя от службы и отправляю на переподготовку. Начиная с завтрашнего утра. Так что давай убирайся с глаз прямо сейчас. И чтобы никто у меня не смел останавливать какой-либо автомобиль из-за собаки, – с нажимом сказал он, пристально глядя на полицейских. – Никто. Вы меня поняли?

Некоторые из полицейских переглянулись, широко улыбаясь.

– Да, сэр, – ответили несколько из них.

– Вы... вы... – заикаясь, выдавил из себя Мужчина в шляпе.

– Верни служебный автомобиль и сдай дела, Чак, – устало сказал Новый мужчина. – А вы все разъезжайтесь.

Приятные полицейские вернулись к своим машинам. Тай и Мамуля погладили меня, и я завиляла хвостом. Они были счастливы.

– Итак... вам же известно, что правила Администрации по делам ветеранов запрещают присутствие на территории госпиталей животных, даже если они оказывают эмоциональную поддержку, – сказал доктор Ганн.

– Ага, насчет этого. – Тай пожал плечами. – С недавних пор многие ветераны приводят с собой в госпиталь своих терапевтических собак. Просто Белла была самой первой.

Доктор Ганн кивнул.

– У меня есть куча намного, намного более полезных дел, чем пытаться обеспечивать выполнение всего, что напридумывало начальство. Особенно раз уж, как вы говорите, столько пациентов начали игнорировать именно этот запрет. – Тай улыбнулся ему, и доктор улыбнулся в ответ. – Только не давайте ей никого кусать.

– О, да она никогда в жизни не сделает ничего подобного, – ответила Мамуля.

– Белла!

Я резко вскинула голову. На парковке остановилась еще одна машина, и я знала человека, который из нее выходил.

Это был Лукас.

В это мгновение мне показалось, что все остальные люди, стоящие вокруг меня, вдруг исчезли. Я увидела своего единственного человека, он стоял, раскрыв объятия и широко улыбаясь. Мы бросились друг к другу. Я скулила, виляла хвостом и лизала его лицо. Мы оба упали на землю, и я взобралась на него, жаждая его прикосновений и поцелуев.

– Белла, Белла, где же ты была столько времени? Как ты отыскала дорогу домой?

Я ничего не могла с собой поделать – я лаяла, не выполняя «Не Лай», и носилась кругами. Я наконец-то сделала «Иди Домой», я снова была с моим человеком, с моим Лукасом. Мамуля подошла к нам и опустилась на колени рядом с ним.

– Сегодня вечером она просто взяла и явилась сюда.

– Это поразительно. Я не верю своим глазам. Белла, я так по тебе тосковал! Лукас обхватил мою морду обеими руками. – Только посмотри, какая она худая. Белла, ты так отощала!

Мне ужасно нравилось слышать, как Лукас произносит мое имя. Он опрокинулся на спину, и я прыгнула на него, стала лизать его лицо, а он все смеялся и смеялся.

– Ну все. Хватит! – Он снова сел.

– Вы думаете, это возможно? Она действительно добралась сюда через горы? Сколько же миль ей пришлось пройти? – спросила Мамуля.

Лукас покачал головой.

– Если ехать на машине, то это почти четыреста миль, но я понятия не имею, сколько это будет, если идти по горам пешком. Ты, Белла, наверняка шла не по прямой.

Я лежала на боку, давая ему чесать мой животик. Мне всегда хотелось только этого – чтобы мой человек любил меня.

Мамуля погладила мой бок.

– Сюда приезжал этот тип из отдела по контролю за животными. Но шериф велел ему оставить Беллу в покое. – Мамуля больше не боялась и не была напряжена, она улыбалась.

– Да ну? Как здорово!

– Но я теперь никогда не буду спускать ее с поводка.

– И правильно сделаешь.

– Привет. – Это была Оливия. Я завиляла хвостом, и спустя мгновение меня уже гладила и она. Я никогда еще не чувствовала, что меня так сильно любят.

Мамуля встала с колен.

– Мне надо возвращаться на собрание моей группы. – Она погладила

меня еще раз и вошла обратно в здание вслед за всеми остальными моими друзьями.

– Ты можешь в это поверить? – спросила Оливия.

– Честно говоря, до сих пор не могу. – Лукас поцеловал меня в нос. – Боже, я чувствовал себя таким виноватым и был совершенно уверен, что она умерла, так и не поняв, почему я за ней не пришел.

– Теперь это уже не имеет значения. Видишь, как она прощает тебя? В этом плане собаки просто удивительные существа.

– Да, кстати. Насчет прощения. – Лукас встал на ноги.

– Мне нечего прощать тебе, Лукас.

– Нет, я хочу сказать, что я прощаю тебя.

– Ах, вот оно что. – Оливия засмеялась. – Ну конечно, ты не можешь иначе.

– Сегодня утром я немного вышел за рамки.

– Я все понимаю. Ведь на медицинском факультете учиться нелегко.

– Нет, я не сдержался не из-за своей учебы, а из-за твоего омлета.

Они поцеловались, выражая свою любовь друг к другу. Я подпрыгнула и уперлась лапами в спину Лукаса, чтобы присоединиться к ним. Они оба рассмеялись, и я опять завиляла хвостом.

– Тебе, наверное, надо возвращаться в университет, – сказала Оливия.

– Нет, знаешь что? Давай просто поедem домой. Чтобы побыть с Беллой.

– погоди, незнакомец, что ты сделал с настоящим Лукасом? С Лукасом, который никогда в жизни не совершал никаких безответственных поступков?

– Белла вернулась домой. Если мы сейчас не отпразднуем это событие, то у меня будет такое чувство, будто нам уже никогда не доведется праздновать что-либо еще. Это же чудо! Только посмотри на нее, она на седьмом небе от счастья. Я не могу сейчас вести себя серьезно. Мне хочется улечься на кровать рядом с моей собакой и дать ей крохотный кусочек сыра.

Я вскинула голову. «Крохотный Кусочек Сыра»? В самом деле?

* * *

Мы все вошли обратно в здание. К нам подошел Тай, чтобы посмотреть на меня.

– Ты не мог бы на минутку сходить кое-куда с Беллой? Это нужно

Маку, – спросил он Лукаса.

– Маку?

– Его сейчас держат в запертом боксе для наблюдения. Ты же знаешь, у него был тяжелый год.

– Само собой, – медленно проговорил Лукас и посмотрел на Оливию.

– Иди к нему. У меня все равно скоро кончается смена, – сказала она ему.

Оливия поцеловала Лукаса, и я завиляла хвостом. Затем Тай, Лукас и я пошли по коридору и дошли до места, где были металлические двери, которые открылись, издав дзинькающий звук. Мы зашли в трясущуюся комнату, и после того, как двери со скрипом сдвинулись, а потом раздвинулись, оказались в каком-то месте здания, где я никогда не бывала прежде, хотя пахло здесь примерно так же, как и в других его местах. Тай подошел к окну, взял телефон и приложил его к уху.

– У меня тут посетительница, которая пришла проведать Мака, – сказал он. – Привет, доктор. Да, я знаю правила, но это важно. Нет. Нет. Я знаю, в чем нуждается Мак. – Тай хлопнул ладонью по стеклу окна, и мы с Лукасом вздрогнули. – Черт возьми, Тереза, открой дверь! – Голос у Тая был сердитый.

Раздалось жужжание, и дверь, щелкнув, открылась. Тай, Лукас и я прошли через нее. В коридоре нас встретила какая-то женщина и сразу уставилась на меня.

– Какого черта, Тай? Доктор Ганн...

– Доктор Ганн только что дал «добро» на то, чтобы сюда приходила эта собака, – перебил ее Тай. – В каком из боксов находится Мак?

Женщина, похоже, расстроилась.

– В последнем по левой стороне.

Лукас оглядывался по сторонам.

– Я никогда не бывал тут прежде.

– Ну а я бывал, – пробормотал Тай.

Мы дошли до конца коридора, и я завиляла хвостом. Я почувствовала, кто находится там, за дверью – мой друг Мак! Эта дверь тоже зажужжала и открылась, и я бросилась в комнату. Мак сидел в кресле, и я сразу запрыгнула ему на колени.

– Белла! Привет! – Я облизала его лицо. Он был очень напряжен – и ему было страшно. – Я думал, что ты потерялась и больше никогда не придешь, девочка.

– Мы все так думали. Но она сумела отыскать дорогу домой. Через все эти горы, все эти сотни миль. Потрясающе, правда? – сказал Тай.

– Это точно. – Мак почесал мои уши, и я вздохнула.

– Только подумай, как трудно ей было проделать весь этот путь, – продолжал Тай. – Но она не сдалась. Она знала, что мы все на нее рассчитываем, что она для нас очень важна.

– Да, я понял, что ты хочешь сказать, Тай. Я же не дурак.

Тай подошел к нам, чтобы погладить меня.

– Ты один из нас, Мак. Ты всем нам нужен.

Мы долго оставались в этой маленькой комнате. Прижимаясь к Маку и ощущая прикосновение его рук к моей шерсти, я почувствовала, как его грусть немножко слабеет и к ней уже не примешивается такой сильный страх. Я дарила ему успокоение. Делала свою работу. И чувствовала себя счастливой.

* * *

Когда мы уходили из здания «Идти на Работу», мы оба пахли Оливией. Теперь у Лукаса была своя машина! Я села на переднее сиденье. Мы поехали в какое-то совершенно новое место, вышли из машины и поднялись по лестнице. В воздухе здесь витал запах Лукаса, и я поняла, что он бывал здесь и прежде. Он открыл дверь, и я увидела Оливию, сидящую в кресле. Ну конечно! Я подбежала к ней.

– Как здорово прийти домой и увидеть здесь тебя, – сказал ей Лукас.

– По дороге я заехала в магазин и купила собачьего корма и ошейник для мисс Беллы. И смотри, что я нашла в чулане! – Оливия взяла в руки сложенную ткань, и ее аромат сразу же ударил мне в нос – это было мое одеяло, пахнущее Лукасом! – Я положу его на кровать.

Лукас подошел к ней и пощупал одеяло.

– А я про него и забыл. – Он поцеловал ее, и я завиляла хвостом. – Как здорово жить в жилом комплексе, где разрешается держать собак, даже самых больших.

Оливия кивнула.

– В жилом комплексе, где разрешается держать собак, и в нормально относящемся к питбулям городе Голдене, штат Колорадо.

Мы все трое легли, прижавшись друг к другу, на маленькую кровать. На мне был новый жесткий ошейник. Мое пахнущее Лукасом одеяло висело в изножье кровати, но я не обращала на него внимания и продолжала лежать между Лукасом и Оливией. Я не сводила глаз с Лукаса, и вдруг он рассмеялся.

– Чуть было не забыл, – сказал он. Он пошел на кухню, а я осталась с Оливией, вздыхая от удовольствия, когда она меня гладила. Когда Лукас вернулся, я сразу же почуяла, что у него есть, и, оживившись, начала напряженно ждать.

– Она всегда так себя ведет, – усмехнулся Лукас.

– Это такой малюсенький кусочек сыра!

Ура! «Крохотный Кусочек Сыра»!

– Верно, но все дело в самом ритуале. Посмотри, она не сводит с него глаз.

Они оба были так счастливы, что играют со мной в «Крохотный Кусочек Сыра», что даже рассмеялись. Лукас медленно опустил руку, и я осторожно взяла его из его пальцев. Взрыв восхитительного вкуса на моем языке длился всего лишь мгновение, но именно этого мне так хотелось – лакомства, которое мой человек даст мне из своей руки.

Я вспомнила те голодные дни, которые я провела на тропе, когда я могла думать только об одном – о моем «Крохотном Кусочке Сыра». И сейчас он был так же чудесен, как и в моих воспоминаниях.

По правде говоря, в маленькой кровати было не очень-то удобно лежать, это было немного похоже на то время, когда я спала вместе с Гэвином, Тэйлором и Датчем, но я не спрыгнула на пол. Я лежала и вспоминала, какой я бывала голодной и как из-за этой болезненной пустоты в желудке еще больше тосковала по Лукасу. Я вспомнила Большую Киску, вспомнила, как она сидела на скале и смотрела на меня, когда я видела ее в последний раз. Я заботилась о Большой Киске, когда она нуждалась во мне. И я заботилась о бедном грустном Акселе, дарила ему успокоение, как недавно дарила успокоение Маку. Аксель любил меня. И Гэвин и Тэйлор тоже меня любили. Без любви и заботы их всех, а также и других людей я не смогла бы отыскать путь домой.

Все это происходило только для того, чтобы я смогла выполнить «Иди Домой». И теперь, лежа в кровати между Лукасом и Оливией, я знала, что я снова со своими людьми и никогда больше их не покину. Я хорошая собака.

Наконец-то я была дома.

Благодарности

Вот кое-что, что я о себе знаю – мне не нравится проваливать письменные задания по литературе. Я всегда немного гордился тем, что могу написать сочинение на какую угодно тему, скажем по роману «Война и мир», и получить за него удовлетворительную оценку – особенно потому, что на самом деле «Войну и мир» я не читал. Как в конце концов сообразили большинство моих учителей, учась в школе, я постоянно выкручивался, отвлекая их внимание от содержания моих опусов умением грамматически правильно строить фразы. (Правда, на уроках математики этот способ не срабатывал.)

Но это мое письменное задание – выражение благодарности всем тем, кто помогал мне сочинять этот роман, – кажется мне почти невыполнимым. Я не знаю, с чего мне его начать и на чем закончить. У меня появляется такое чувство, будто нет ничего, слишком маловажного, чтобы этого не упомянуть, когда я думаю, скажем, о том, что если бы моя мать не произвела меня на свет, я не стал бы писателем. А что было бы, если бы не была изобретена бумага? И как насчет яичницы, которую я съел на завтрак, – не будь ее, я был бы слишком голоден, чтобы писать эти слова. Так следует ли мне поблагодарить и курицу, которая снесла яйца?

И все же я считаю своим долгом написать о тех людях, которые сыграли наиболее важную роль в создании романа «Путь домой». Я почти уверен, что дам маху и кого-нибудь забуду. Если я не упомяну здесь чье-то имя, то это вовсе не потому, что мне кажется, что вы мне не помогли, а потому, что моя память взяла отпуск. По правде сказать, нередко я буду начинать предложение, а потом, дойдя до его середины... О'кей, теперь я уже не помню, какую именно мысль я пытался до вас донести, но думаю, она была неплоха.

Во-первых, я хочу поблагодарить Кристин Севик и Линду, Тома, Кэрен, Кэтлин и всех остальных редакторов из Тор/Фордж Тома Дохерти, которые помогли мне создать эту книгу. Поначалу я начал расхваливать им идею совершенно другого романа, и потом все они внимательно меня выслушали, когда мне пришлось признаться, что эта моя идея не так уж хороша. Не буду вдаваться в детали – просто, когда я углубился в изучение вопроса, оказалось, что из нее не выйдет ничего путного. Вообще-то я избегаю изучения чего бы то ни было и, если уж на то пошло, увиливаю от всего, что напоминает настоящую работу. Словом, они любезно

согласились обсудить со мной другие идеи, и в конечном итоге выигрышным билетом для нас всех оказалась именно эта история про собаку Беллу, которая находит дорогу домой к своим хозяевам.

Спасибо также Скотту Миллеру из Трайдент Медиа за то, что он всем объяснил, что, если они перестанут публиковать мои романы, это здорово меня обидит. Скотт, ты настоящий друг и настоящий поборник моих произведений.

Я также хочу поблагодарить Шери Келтон, моего нового менеджера, за то, что она изменила мое отношение к работе, так что я перестал постоянно отвлекаться от творчества и теперь всего лишь ленюсь. Спасибо и тебе, Стив Янгер, за то, что защищал меня от сил зла.

Благодарю и тебя, Гэвин Полоун, за то, что ты веришь в мою работу и желаешь, чтобы я преуспел в этом опаснейшем деле, и за твое обещание не переставать мне помогать. Ты всегда держишь слово, что очень нервирует жителей нашего городка.

Спасибо и тебе, Лорен Поттер, за то, что ты появилась в моей жизни и моем офисе и привела и то и другое в порядок. Это благодаря тебе у меня есть время для написания всех тех книг, которые Скотт Миллер обещает издателям и на которых, как уверяет меня Шери Келтон, я должен сосредоточить свои усилия.

Спасибо и тебе, Элиот Кроу, за то, что позволяешь мне продолжать называть себя «независимым кинопродюсером», хотя на самом деле всю работу делаешь за меня ты. Фильм «Слой жира на талии: история любви», который сняла Кэтрин Мичен, стал нашим с тобой первым успешным проектом, но сейчас идет работа и над новым фильмом под названием «Взрывайся!» (Cook Off!), который выходит на экраны в 2017 году. Если бы не ты, Элиот, ничего этого просто бы не было.

Спасибо Коннекшн Хаус Инкорпорейтед за всю маркетинговую и исследовательскую работу, которую они делают и которая продолжает облегчать мне жизнь. Я постоянно нахожусь под впечатлением от того, как слаженно работают они все.

Спасибо Fly HC Multimedia (Флай Эйч Си Мультимедиа) и руководителю этой фирмы, занимающейся веб-дизайном, Хилари Карлип, за создание и ведение моих веб-сайтов: wbrucesameron.com и adogspurpose.com

Спасибо вам, Каролина и Энни, за то, что позволяете мне быть частью вашей жизни.

Спасибо, Энди и Джоди Шервуд. Вы были и остаетесь одними из тех людей, которые оказывают мне наибольшую поддержку абсолютно во всем.

Спасибо, Дайен и Том Ранстром. Вы поистине замечательные люди.

Спасибо моей сестре Эйми Кэмерон, которая едва не завоевала титул «Мисс Америка», а затем стала одним из лучших учителей в мире. Эмили была бы тебе благодарна.

Спасибо и тебе, доктор медицинских наук Джули Кэмерон, за то, что я могу позвонить тебе и сказать: «Мне нужно название болезни, от которой люди просыпаются утром и обнаруживают, что их волосы стали рыжими и они абсолютно не помнят слов, рифмующихся со словом «фатум». Она скажет, как называется эта болезнь, расскажет, как она лечится, и посоветует мне обратиться к психологу.

Спасибо и вам, Джорджия и Челси, за то, что в 2016 году вы родили детей, а также Джеймсу и Крису за их участие в этом деле. Спасибо тебе, Чейз, за то, что ты стал тем человеком, которым стал, и тебе, Алиса, за то, что помогаешь ему таким и оставаться.

Гордон, Элоиза, Юэн, Гэррет и Сэди, добро пожаловать домой.

У меня нет отдела по маркетингу – он мне не нужен, потому что у меня есть моя мама. Спасибо тебе, мама, за то, что ты всем и каждому в Мичигане продаешь мои книги, а если кто-нибудь отказывается купить у тебе экземпляр моего очередного романа, отдаешь его даром.

Спасибо и вам, Минди и Линди, за то, что помогаете мне активно развиваться в социальных сетях и делать все для того, чтобы всякий, кто по какой бы то ни было причине выйдет в онлайн, узнал о романе «Путь домой».

Я в большом долгу перед Джеймсом Лэмбертом за то, что он ознакомил меня с денверским госпиталем для ветеранов и объяснил мне суть тамошней военной культуры. Джим, ты так щедро потратил на меня свое время, и ты делаешь такую важную работу.

Рэтер Хош отправился ради меня на секретное задание и много лет прожил в Ганнисоне, штат Колорадо, чтобы подробно разъяснить мне, до чего там бывает холодно. Спасибо тебе, Рэтер.

И, наконец, спасибо той, которая была моей главной опорой, той, которая продолжала заверять меня, что этот роман стоит писать, той, которая читала его черновики и так помогла мне своими замечательными советами, той, которая является моим деловым партнером, спутницей моей жизни и моим самым лучшим другом. Кэтрин, ты для меня все, и эта история никогда бы не была написана без тебя.

СНОСКИ

1

Ноль градусов по Фаренгейту – это примерно -18 градусов по Цельсию.